

В.А. Лопатин

**СМЕЛОВСКИЙ МОГИЛЬНИК:
МОДЕЛЬ ЛОКАЛЬНОГО КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
В СТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ
(середи́на II тыс. до н.э.)**

Саратов 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	С. 3
ГЛАВА 1. Описание погребений.....	С. 14
ГЛАВА 2. Формализованный анализ материалов могильника.....	С. 73
Типология погребальных сооружений.....	С. 74
Положения умерших.....	С. 78
Классификация керамики.....	С. 81
Прочий инвентарь.....	С. 91
ГЛАВА 3. Обрядовые группы погребений Смеловского могильника.....	С. 94
1 обрядовая группа (1 ОГ).....	С. 94
2 обрядовая группа (2 ОГ).....	С. 105
3 обрядовая группа (3 ОГ).....	С. 119
ГЛАВА 4. Культовые сооружения и комплексы.....	С. 142
Планиграфия могильника.....	С. 142
Архитектура западного участка.....	С. 147
Архитектура центрального участка.....	С. 159
Архитектура северного участка.....	С. 165
Архитектура восточной периферии.....	С. 171
Подхоронения (обряд трансферной коммуникации).....	С. 174
Погребения с путовыми костями лошади.....	С. 182
ГЛАВА 5. Демографические особенности Смеловского могильника.....	С. 208
ГЛАВА 6. Микромодель культурогенеза.....	С. 218
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	С. 233
ЛИТЕРАТУРА.....	С. 239
Список сокращений.....	С. 253
Приложения.....	С.

ВВЕДЕНИЕ

История изучения памятников заволжского микрорайона

Степной микрорайон, расположенный на левом берегу Волги против Саратова (рис. 1), уже в конце XIX – начале XX столетия стал широко известен в отечественной науке о первобытности, благодаря археологическим памятникам, открытым представителями Саратовской ученой архивной комиссии около г. Покровска [Спицын А.А., 1923. С. 34]. Тогда эта область Заволжья административно относилась к Самарской губернии, но при этом СУАК, собиравшая всю информацию о поволжских древностях, пристально следила за ближайшими к Саратову археологическими объектами левобережья.

Первые раскопки проводились на Покровском селище, у глиняного карьера кирпичного завода, еще в 1893 г. Б.В. Зайковским и П.Н. Шишкиным [Рыков П.С., 1921. Л. 3]. Затем, в 1912–1913 гг., в устье р. Саратовки Ф.Д. Охлябинин и С.А. Щеглов обследовали задернованные руины левобережного города Саратова начала XVII в. и дюнную стоянку «Прапорский Бугор», где собрали коллекцию находок различных исторических эпох от неолита до позднего средневековья [Лопатин В.А., 2002. С. 7], а также посещали большое золотоордынское поселение у с. Шумейка [Фонды СОМК, инв. №№ 860-863, 870, 888; Баринов Д.Г., 1997. С. 241].

В 1918 г. С.А. Щеглов обнаружил поселение рубежа средней и поздней бронзы у с. Березовка в устье одноименной степной речки при её впа-

дении в Волгу, и доставил коллекцию собранных фрагментов керамики в музей СУАК. Впоследствии этот памятник неоднократно посещался исследователями, которые отмечали его уникальность для степного Заволжья [Памятники срубной..., 1993. С. 179; Лопатин В.А., 2002. С. 7–8, 105; Юдин А.И., 2003. С. 129, 139].

Со времени исследований П.С. Рыкова на Покровском селище (1921–1922 гг.) и Покровских курганах в 1924–1928 гг [Рыков П.С., 1921. Л. 3; он же, 1928. С. 59; Минаева Т.М., 1928. С. 316–322; Рыков Р., 1927; Малов Н.М., 2003. С. 157] наблюдения за этим участком левобережья часто возобновлялись. В 1961 и 1968 гг. разведками Ю.В. Деревягина, Л.П. Крыловой и Д.С. Худякова на р. Саратовке были выявлены несколько селищ срубной культуры [Памятники срубной..., 1993. С. 95].

Губительная эрозия волжских террас, особенно после сооружения Волгоградского водохранилища, не позволяет упускать из поля зрения береговые районы, насыщенные археологическими объектами, количество которых постоянно умножается. Наиболее интенсивными охранные исследования становятся с середины 1970-х годов, в связи с разворачивающимся мелиоративным строительством. Экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Л.Л. Галкина работала в 1974–1975 гг. на поселении срубной культуры у с. Квасниковка, тогда же были раскопаны курганы на Сухой Саратовке и у с. Осиновка [Галкин Л.Л. и др., 1976. С. 143; он же, 1977. С. 194].

С открытием в Саратовском государственном университете Научно-исследовательской археологической лаборатории (1978 г.) контроль за памятниками ближней округи Саратова становится постоянным. Разведками И.И. Дремова в начале 1980-х годов на левом берегу Волгоградского водохранилища, в пределах Энгельсского района, были открыты разрушающиеся поселения эпох бронзы и позднего средневековья, и среди них па-

мятник финала бронзового века Смеловка 1 [Кочерженко О.В., Малов Н.М., 1985. С. 155], который в течение ряда лет (1983-1985, 1987, 1996, 1997) исследовался Н.М. Маловым [Малов Н.М., 1986. С. 139; Памятники срубной..., 1993. С. 95]. Он же в 1983 году раскопал курганы у с. Терновка [Кочерженко О.В., Малов Н.М., 1985. С. 155], а годом позже исследовал курганную группу у с. Узморье [Малов Н.М., 1986. С. 139].

В том же 1983 году Д.Г. Баринов обнаружил на окраине Энгельса, в урочище Вихляный Овраг, два поселения с керамикой срубно-абашевского (покровского) типа [Памятники срубной..., 1993. С. 95]. В черте г. Энгельса в течение 1980–1990-х годов раскапывались отдельные курганы, являющиеся остатками знаменитых покровских могильников. В частности, в 1986 г в районе мясокомбината О.В. Кочерженко был раскопан разрушаемый курган с погребениями ямной и золотоордынской культур, а двумя годами позже С.И. Четвериков вскрыл захоронения срубной культуры в курганах, оказавшихся под частной застройкой на улицах Полиграфической и Достоевского [Четвериков С.И., 1988].

В 1986 году И.И. Дремов исследовал остатки разрушенного водохранилищем грунтового могильника срубной культуры у с. Генеральское [Памятники срубной..., 1993. С. 89], а через два года раскопал курганы у с. Березовка, где обнаружил захоронения бронзового и железного веков, в том числе известный покровский комплекс с наконечником копья и костяным псалием [Дремов И.И., 1997. С. 146–165; он же, Семенова И.В., 2003. С. 129–135].

В 1987 г. раскопки курганов на восточной окраине с. Смеловка проводил Г.Л. Якубовский, а В.А. Лопатин начинал исследования золотоордынского поселения у с. Подгорное, продолженные в 1991–1992 годах Г.И. Касанкиным и С.И. Четвериковым [Касанкин Г.И., 1993; он же, 1997. С. 233–241].

В 1988–1989 гг. С.В. Ляхов и Г.Л. Якубовский полностью раскопали средневековый курганный могильник у с. Зауморье, надежно продатированный нумизматическим материалом [Ляхов С.В., Якубовский Г.Л., 1993. С. 175–185; Ляхов С.В., 1993. С. 158–168].

В 1990–1991 годах В.А. Лопатин вел охранные исследования на раннесрубном поселении Трумбицкое, на северной окраине Энгельса [Лопатин В.А., 1996. С. 141–146; он же, 2002. С. 108–109].

В 1991–1993 годах на территории Шумейского городища, выявленного еще суаковцами и упоминавшегося в 1923 г Ф.В. Баллодом [Баллод Ф.В., 1923. С. 97], Д.Г. Баринов раскапывал уникальный грунтовый могильник эпохи средней бронзы [Баринов Д.Г., 1996. С. 95–96]. Исследования могильника в 2002 году продолжила О.В. Сергеева [Сергеева О.В., 2005. С. 3–4]. В.Г. Миронов, проведший на Шумейском городище сезон 1988 года, идентифицировал этот археологический памятник с летописным золотоордынским городом Сары-Тау [Миронов В.Г., 1989; Баринов Д.Г., 1997. С. 242]. В 2008 г. здесь велись крупномасштабные работы А.Б. Малышевым, П.Е. Тугушевым и В.А. Волковым.

Мониторинги состояния памятников археологии в зоне подтопления водами Волгоградского водохранилища и в настоящее время регулярно проводятся археологами СГУ и Энгельсского краеведческого музея, в том числе и в левобережье [Волков В.А., 2006; Сергеева О.В., 2006. С. 73–75].

Уже этот краткий обзор археологического изучения локального микрорайона в окрестностях г. Энгельса, одного из наиболее полно исследованных в Саратовском Поволжье, демонстрирует особо плотное скопление здесь разновременных памятников древнейшей истории, среди которых особенно интересны комплексы бронзового века. Значение археологических исследований на некоторых объектах чрезвычайно велико. Уже в 20-х годах, во многом благодаря эталонным комплексам Покровска, в Саратове

оформилась оригинальная концепция развития культур бронзового века восточно-европейских степей [Рыков П.С., 1927; он же, 1936]. С тех пор в разработках многих исследователей, занимавшихся проблемами культурогенеза на рубеже средней и поздней бронзы, вопросами преемственности и взаимодействия культур, а также происхождения праиндоиранцев, материалы покровских комплексов всегда относились к кругу ключевых. В настоящее время памятники покровского типа рассматриваются в контексте выделения самостоятельной покровской культуры [Малов Н.М., 1992; Кузьмина О.В., 1995; Отрощенко В.В., 2001], сыгравшей определяющую роль в становлении срубной культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы [Малов Н.М., 2003. С. 201].

Именно с точки зрения проблемы происхождения одного из локальных вариантов срубной культуры в степном Заволжье нам особенно интересен новый памятник, открытый в указанном микрорайоне в ходе очередного обследования, – грунтовый могильник эпохи поздней бронзы (рис. 2), расположенный около с. Смеловка Энгельсского района Саратовской области, всего в 20 км южнее покровских курганов. Работы были начаты в 1995 году по хоздоговору с государственно-коммерческой фирмой «Брокергаз», которая планировала капитальную застройку обширного участка волжского берега в 0,3 км к юго-западу от указанного поселка. В связи с этим экспедиция Саратовского университета, выполняя заказ Государственной дирекции охраны памятников истории и культуры Саратовской области, провела здесь тщательное обследование с контрольной шурфовкой, после чего были начаты планомерные раскопки, продолжавшиеся до 2000 года. О работах регулярно сообщалось в статьях и материалах конференций [Лопатин В.А., 1997-А. С. 73–75; он же, 1997-Б. С. 56–62; он же, 1999. С. 53–54; он же, 2000-А, Б, В; он же, 2001-А, Б; Игнатова М.Е., Лопатин В.А., 2005. С. 66–70; он же, 2008]. Одновременно шло осмысление уни-

кальных материалов Смеловского могильника в духе современных концепций по проблемам культурогенеза на рубеже эпох средней – поздней бронзы и становления срубной культуры степного Волго-Уралья.

Смеловский могильник. Методика полевого исследования.

Могильник располагался на краю первой надпойменной террасы левого берега Волги. До сооружения водохранилища ширина левобережной поймы составляла в этом месте 5 км. В настоящее время терраса подвержена активному разрушению в период весенних паводков. Прибрежное мелководье густо поросло рогозом, а узкая полоса бечевника представляет собой густые заросли тополя, ветлы, широколистного вяза и серебристого лоха. Отдельные деревца лоха (дикорастущей маслины) встречаются также на прибрежных участках самой террасы. Травяной покров здесь густой и весьма высокий, в мае и начале июня – до 40 см. Он представлен смешанными популяциями мятлика, овсюга, полыни, осота, пырея.

Площадка террасы ровная, лишь в юго-восточной ее части есть незначительное понижение, связанное с древней старичной промоиной, а на северном участке наблюдается едва уловимое, не более 1,5 м, поднятие. На юге эта часть террасы ограничена неглубокой балкой, частично подтопленной, со стороны водохранилища, и заболоченной. Ее склоны густо заросли ивняком и лохом. Местами деревья плотно перевиты плющом и одичавшим хмелем. Поверхность террасы в этом месте покрыта задернованными, абсолютно круглыми углублениями, происхождение которых неясно (рис. 2). Их диаметры составляют 4–13 м, глубины 0,3–0,5 м. Вдоль северного склона балки, с востока на запад, накатана грунтовая дорога. Она поворачивает к северу и тянется по краю террасы в сторону села. Не менее чем сорокаметровый ее отрезок оказался в площади раскопа, что, в

связи с повышенной плотностью грунта, весьма затрудняло земляные работы.

Первоначально предполагалось зачистить разрушающийся береговой урез, где наблюдались культурные отложения северной периферии большого поселения эпохи финальной бронзы, основная территория которого, южнее балки Цыбулина, в течение 80-90-х годов была раскопана Н.М. Маловым [Памятники срубной..., 1993. С. 95, 181, табл. 51]. Предстояло определить соответствующий объем затрат на охранные раскопки данного участка памятника до начала строительства. Для этого вдоль берегового обнажения была заложена серия из 10 примыкающих друг к другу шурфов. Культурный слой – рыхлый золистый грунт, довольно плотно насыщенный в средней части зачистки, содержал обломки лепной керамики, кости животных, иногда шлаки и створки речных раковин *Unio*. Он надежно диагностировался фрагментами сосудов федоровско-бишкульского и срубно-хвалынского типов, в том числе с рельефной, валиково-воротничковой, орнаментацией. Сплошная зачистка позволила установить, что северная периферия большого срубно-хвалынского поселения конца XIV-XIII вв до н.э. перекрывает юго-западную часть обширного грунтового кладбища несколько более раннего периода (рис. 3).

По мере выявления границ могильника, раскоп, ориентированный по географическому принципу, постепенно расширялся к востоку, югу и северу, в соответствии с принятой поквдратной сеткой. Размеры условных квадратов 2 X 2 м, а через каждые 4 м в раскопе были оставлены технические бровки, широтные и меридиональные, по которым проводились наблюдения за стратиграфией памятника. Раскопки велись только вручную, полностью на вынос, условными пластами по 20 см.

В целом, весь исследованный периферийный участок культурного слоя полностью залегал в верхнем отделе надматерикового пласта, нигде

не достигая материковой подошвы. Но не исключено, что к поселению могут относиться некоторые грунтовые ямы, выявленные в юго-западной части могильника и не содержавшие погребений. Само поселение никак не связано с местом захоронений, более того, могилы юго-западной периферии перекрыты культурными отложениями, что позволяет предполагать полное исчезновение здесь каких-либо надмогильных знаков к моменту заселения берега на финале бронзового века.

Раскопки могильника проводились по такой же методике, поквратно, с оставлением стратиграфических бровок, с послойной выборкой. В тексте приводится общее описание комплексов. Статистические данные по обрядовым характеристикам вынесены в отдельную таблицу (приложение 1), где учтены позиции комплексов по вертикали (в материке или надматериковом грунте), формы и размеры погребальных сооружений, абсолютные глубины их залегания от нулевого репера и в материке, ориентировки, положения скелетов, возраст и пол умерших¹, подсыпки и подстилки на дне ям, следы присутствия в погребальном обряде огня, наличие деревянных конструкций, керамики и прочего инвентаря, костей животных в могилах и тризнах. В примечаниях к таблице имеются уточнения по особым положениям скелетов, видовому составу животных и типам инвентаря.

Отмечено, в частности, что из 131 выявленных комплексов в материке были устроены 109 погребений, а над материком, в плотной супеси, всего 22. Большинство грунтовых могил (45,79%) имели прямоугольные формы, овальные ямы составили 19,62%, квадратные 4,67%, округлые 4,67%, трапециевидные 5,6%, подбойные 10,28%. Некоторые комплексы выведены в так называемые «особые» типы погребальных конструкций, среди которых коллективное захоронение № 34 (мавзолей № 1), мавзолей № 2 с по-

¹ Половозрастные определения выполнены А.И. Нечвалодой, которому автор выражает свою глубокую признательность.

гребенями №№ 54–56, ямы, имитирующие подбои, и могилы с тамбурами. В числе указанных типов сооружений 16 были оснащены ступенями и заплечиками (рис. 27–29).

Выявлены 13 направлений ориентировок в соответствии со сторонами света (рис. 31–А). Абсолютное большинство здесь составили северные направления (29,75%). Далее следуют северо-северо-восточное (23,96%) и северо-восточное (19%), затем северо-северо-западное (9,91%) и северо-западное (5,78%). Менее типичны юго-западное (2,47%), восточное, северо-восточное-восточное, юго-восточное-восточное, юго-юго-восточное (по 1,65%) и еще менее – строго западное, юго-юго-западное и юго-восточное (по 0,82%). В представленной шкале явно преобладают ориентировки в северный и северо-восточный секторы «розы ветров» (в целом 72,71%).

В подавляющем большинстве комплексов были точно установлены положения скелетов (рис. 30). Лишь в единичных случаях, исключительно в детских захоронениях, этого не удалось сделать, поскольку кости были сильно смещены землероями, или почти не сохранились. Преимущественно это левобочные положения (115). На правом боку погребены 3 умерших, на спине 1, на груди 3. Скорченные позы (левобочные, правобочные, на груди) отмечены в 117 комплексах и лишь в одном (скелет взрослого человека в коллективном погребении № 34) вытянутое на спине. Точное положение скелетов не установлено в детских могилах, где кости либо не сохранились, либо сильно смещены грызунами.

Оснащение дна могил в Смеловке выражено очень слабо. Очевидно, в большинстве случаев оно не сохранилось или отсутствовало изначально. Лишь в одной могиле отмечена посыпка охрой и однажды – мелом. Органические подстилки выявлены лишь в погребениях №№ 54 и 55, в виде тонких коричневых прослоев под днищами сосудов, а также в погребении № 110 под скелетом.

Несколько более представительны в Смеловке данные по следам использования огня в погребальном обряде. В 3 захоронениях отмечены угли и в 2 – зола. В северо-западной части могильника зафиксированы три компактных зольника, не связанные с конкретными захоронениями. Пятно красноватого прокала зафиксировано на дне погребения № 48.

Фрагменты деревянных конструкций и предметов отмечены в 4 комплексах. В одном случае это заклад подбоя в погребении № 34, в другом – остатки жердевого перекрытия в 88 могиле. В прочих вариантах – лишь незначительные обломки и тлен.

Наиболее представительны данные по керамике (приложение 3; рис. 32–37). На 131 погребение Смеловского могильника приходится 146 сосудов. Чаще всего в одной могиле находился один горшок. Но есть также комплексы с двумя, тремя и даже с пятью сосудами. Четыре сосуда не встречены ни в одном захоронении.

Металлические изделия, чаще всего украшения, обнаружены в 9 погребениях. Предметы из кости, в том числе игральные альчики, найдены в 6 могилах. Украшения из бронзы, фаянса, сурьмы и кости содержались в комплексах инвентаря 15 захоронений (рис. 38–40).

Кости животных зафиксированы в 34 могилах и 13 автономных и околomoгильных тризнах. Визуально эти остатки дифференцированы по видовому составу. В 29 могилах находились кости мелкого рогатого скота (овца и коза), в 4 погребениях найдены кости крупного рогатого скота и в 4 – лошади. В 11 тризнах присутствовали кости МРС, в 1 – КРС и в 1 – кости лошади. Кроме того, некоторые автономные тризны содержали фрагменты керамики и целые баночные сосуды небольших размеров.

Параметры погребальных сооружений в основной массе выглядят усредненными. Лишь некоторые выбиваются из этого ряда в сторону уменьшения (детские) или увеличения (погребения взрослых людей и,

особенно, парные). Наиболее показателен в этом смысле комплекс коллективного погребения № 34 (мавзолей № 1), параметры которого в конечном варианте переустройств составили 4,1 X 3,85 м при глубине в материковом грунте 1,64 м. Обширны также могилы парных захоронений взрослых людей (10, 55, 100).

В отдельное табличное приложение (3) сведены параметры и ведущие характеристики керамических сосудов, самого массового вида погребального инвентаря. Приложение 2 содержит подробные данные по полу и возрасту. Иллюстративный материал: планы местности, раскопа, архитектурных участков, чертежи погребений и рисунки вещей, материалы классификации погребальных сооружений, поз скелетов, керамического комплекса, категорий инвентаря представлены отдельным блоком. В соответствии с нумерацией графических иллюстраций, в тексте приводятся ссылки на используемые материалы при их описании или интерпретации.

ГЛАВА 1

Описание погребений

Раскопки могильника велись от края береговой террасы в восточном направлении. Нумерация погребальных комплексов имеет сквозной характер. Условные номерные индексы присваивались захоронениям по мере их выявления в ходе раскопок. Это следует учитывать при анализе ритуальных участков, архитектурных объектов могильника, выделяемых обрядовых групп, в которых последовательность исчисления отсутствует.

Погребение 1 (рис. 4, 1) обнаружено на северо-западном участке могильника, у края берега (рис. 3). В грунтовой прямоугольной яме с неровными краями расчищен заметно потревоженный скелет ребенка, погребенного в позе адорации, на левом боку, головой к северо-северо-западу. На ступеньке, в юго-восточном углу могилы, лежали фрагменты черепа и кости ног мелкого рогатого скота (в дальнейшем МРС). Между черепом погребенного и северной стенкой могилы зафиксирован развал лепного сосуда без орнамента (рис. 4, 2). Горшок имеет колоколовидную форму с плавно отогнутым наружу венчиком, слабо выделенным внутренним ребром и незначительно расширенным туловом. Внешняя поверхность шероховатая, но без расчесов, с множеством каверн от выгоревшей органики. В примеси много толченой раковины.

Погребение 2 (рис. 4, 3) выявлено на том же участке раскопа, на расстоянии 0,9 м к северо-востоку от первой могилы. В прямоугольной яме,

стенки которой суживались ко дну по всему периметру, обнаружен скелет ребенка (*Infantilis I*) возрастом приблизительно около полугода, похороненного в позе адорации, на левом боку, головой к северо-северо-западу. Кости плохой сохранности, скелет несколько потревожен. Между коленями и восточной стенкой ямы, завалившись на бок, лежал лепной сосуд колоковидной формы со слабо отогнутым наружу венчиком, сглаженным внутренним ребром и незначительно расширенным туловом (рис. 4, 4). На шейке и плечиках сосуда отмечены вертикальные расчесы, выполненные зубчатым штампом. В примеси заметна толченая раковина.

Погребение 3, вероятно, следует квалифицировать как кенотаф, поскольку оно не содержало скелетных остатков. Зафиксирована прямоугольная яма, ориентированная с юго-юго-запада на северо-северо-восток, оборудованная по всем правилам погребальной обрядности. Она располагалась на северо-западном участке раскопа, в 1 м северо-восточнее второй могилы. В заполнении ямы зафиксированы кость МРС и часть венчика баночного сосуда без орнамента, которые, возможно, являлись остатками символической тризны.

Погребение 4 обнаружено на том же краю могильника, в 1,75 м к юго-юго-востоку от погребения 1. Это овальная грунтовая яма, в которой расчищен сильно потревоженный скелет подростка (*Infantilis II*) возрастом 8–9 лет. Судя по расположению некоторых костей, он был похоронен в скорченной позе, на левом боку, головой к северо-северо-востоку, на меловой подсыпке. В ногах умершего, около южной стенки могилы, расчищен развал лепного округлобокого сосуда с примесью толченой раковины (рис. 4, 5). На плечике горшка имеется орнамент в виде горизонтальных линий, коротких отрезков и зигзага, выполненных зубчатым штампом.

Погребение 5 было расположено на северо-западном участке раскопа, на удалении в 1 м к северо-северо-западу от погребения 1. Это самый край

осыпающейся береговой террасы, поэтому одна продольная сторона могилы оказалась разрушенной. Все же, казалось очевидным, что яма имела прямоугольную форму и была ориентирована с юго-юго-запада на северо-северо-восток, ее стенки слегка суживались ко дну. В центре могилы расчищен скелет молодого человека, погребенного в позе адорации, на левом боку, головой к северо-востоку. Между черепом и восточной стенкой могилы лежал необработанный кусок мергеля.

Погребение 6 (рис. 4, 6) выявлено на северо-западном краю могильника, всего в 0,4 м северо-западнее кенотафа. Это грунтовая яма овальной формы, стенки которой резко расширяются в направлении дна по всему периметру. Поэтому профиль могилы в разрезе имеет ярко выраженную котловидность. Необычно положение скелета, зафиксированного на дне ямы. Молодой мужчина (*Adultus*) возрастом 18–20 лет был уложен ничком на грудь, в сильно скорченной позе, головой к юго-западу. Локти разведены в стороны, кисти рук сложены вместе под скелетом, на уровне пояса. Между тазовым отделом скелета и восточной стенкой могилы зафиксировано скопление мелких угольков, попадались они и в заполнении. Перед лицом умершего стоял лепной слабопрофилированный сосуд с коротким венчиком (рис. 4, 7). Он асимметричен, внешняя поверхность шероховатая. На плечике и максимальном расширении тулова горшка имеется сложный нерегулярный декор, выполненный прочерченными линиями и гребенчатым штампом, где присутствуют зигзаги, линии, решетки и насечки, составляющие нетрадиционный орнамент пиктографического характера.

Погребение 7 (рис. 4, 8) обнаружено здесь же, на северо-западе раскопа, на расстоянии 1,75 м от второй могилы. В прямоугольной грунтовой яме, в скорченной позе, на левом боку, головой к северо-востоку лежал скелет ребенка. У затылка умершего, в северо-западном углу могилы, расчищен развал лепного сосуда подколоковидной формы с плавно отогну-

тым коротким венчиком, сглаженным внутренним ребром и слабо расширяющимся туловом (рис. 4, 9). Внешняя поверхность шероховатая, в примеси заметна толченая раковина. Верхняя половина горшка покрыта орнаментом, выполненным в смешанной, прочерченно-гребенчатой технике, где присутствуют горизонтальные линии, ряды коротких оттисков и стилизованные «елочки».

Погребение 8 зафиксировано на северном краю могильника, в 2 м восточнее погребения 3 (кенотаф). В центре прямоугольной, с неровными краями, ямы расчищен скелет ребенка (*Infantilis II*) возрастом 8–9 лет, погребенного в скорченной позе, на левом боку, головой к северо-востоку. Против тазового отдела скелета, завалившись устьем к восточной стенке ямы, лежал лепной сосуд баночной формы с вертикальной профилировкой закраин (рис. 4, 10). Его внешняя поверхность шершавая, фактура рыхлая, слоистая, в примеси заметны песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 9 (рис. 6, 1) располагалось на северо-западном участке раскопа, в 3,5 м к юго-западу от четвертой могилы и в 2,5 м восточнее края террасы. Это погребальное сооружение подбойной конструкции. Входная яма подпрямоугольной формы ориентирована с юго-запада на северо-восток. Ее восточный край, на уровне дна, оборудован узкой ступенькой, которая круто переходит вниз, в довольно обширную погребальную камеру с полусферическим сводом, подбитую в западной стене. В центре подбоя расчищен скелет взрослого мужчины (*Maturus I*) возрастом 30–40 лет, погребенного в скорченной позе, на левом боку, с заметным завалом на грудь, головой к северо-северо-востоку. Левая рука протянута к коленям, кисть правой руки – под черепом. У затылка умершего лежали два ребра животного – лошади или крупного рогатого скота (в дальнейшем КРС).

Погребение 10 (рис. 5, 1) было выявлено на северном краю могильника, в 2,5 м к востоку от шестой могилы. Это была обширная яма под-

квадратной формы, в которой расчищено парное захоронение. Скелет 1 (юная женщина, *Adultus*, 18–20 лет) лежал около восточной стенки, на левом боку, в позе адорации, черепом к северо-востоку. Примерно так же, на левом боку, с небольшим завалом на спину, но около западной стенки, был уложен и второй умерший – взрослый мужчина (*Adultus*, 25–30 лет). На запястьях женщины зафиксированы два бронзовых желобчатых браслета (рис. 5, 8,9) и пястная кость тельца, а возле шейных позвонков расчищено скопление сурьмяного бисера (рис. 5, 7). В головах погребенных обнаружено по два горшка, и еще один, с глиняной крышкой, зафиксирован около предплечья мужчины (рис. 5, 2-6). У черепа женщины и около ног мужчины лежали ребра МРС.

Погребальный инвентарь: сосуд 4 (рис. 5, 5) – слабопрофилированной формы, несколько асимметричен, не орнаментирован. Внешняя поверхность шероховатая, в примеси отмечены песок и шамот. Сосуд 2 (рис. 5, 3) – с вертикальным венчиком и коротким уступчатым плечиком, придающим его форме некоторую реберчатость. Внешняя поверхность шероховатая, в примеси заметны песок и шамот. Сосуд орнаментирован зубчатым штампом, в декоре присутствуют обычные и свисающие косо штрихованные треугольники. Сосуд 5 (рис. 5, 6) – неорнаментированная закрытая банка с наибольшим расширением в верхней части тулова. Внешняя поверхность шершавая, отощители – песок и шамот. Сосуд 1 (рис. 5, 2) – малая закрытая банка с расширенным днищем. Внешняя поверхность шероховатая, с редкими горизонтальными полосами грубого сглаживания. Не орнаментирован. Сосуд 3 (рис. 5, 4) – малая закрытая банка с максимальным расширением в средней части тулова. Он также шероховат, с вертикальными полосами грубого сглаживания. В примеси заметны песок и шамот. На плечиках сосуда имеются две пары диаметрально противоположных просверленных отверстий для подвешивания. В комплекте с этим со-

судом представлена глиняная крышка с двумя отверстиями на противоположных сторонах. Бронзовые браслеты (рис. 5, 8,9), желобчатые, с несомкнутыми, несколько суживающимися и закругленными концами, представлены в обломках. Диаметры украшений 4,9 и 5 см. Они не широки, всего по 3 мм. Сурьмяный бисер (рис. 5, 7) – однотипные рубленые бусинки с неровными краями, диаметрами от 2 до 3 мм.

Погребение 11 (рис. 5, 10) зафиксировано на северном участке раскопа, рядом с предыдущим комплексом. Здесь, в прямоугольной яме, стенки которой слегка суживались ко дну, расчищены останки молодой женщины (*Adultus*), возрастом 20–25 лет. Скелет лежал в нетрадиционной позе, по диагонали могилы, головой к северо-северо-востоку, на груди, лицом вниз. Позвоночник неестественно искривлен и, возможно, был сломан в грудном и крестцовом отделах. Руки согнуты в локтях и поджаты под грудь. Правая нога слегка согнута в колене под тупым углом, а левая, напротив, резко поджата так, что голень параллельна бедру, а стопа пяточной костью плотно придвинута к левому крылу таза. Теменная часть черепа обращена вертикально вверх, впечатление таково, что он лежал на своем основании, и здесь, возможно, имел место случай декапитации.

В области шейных позвонков расчищено скопление мелких сурьмяных бусин (всего 15 штук). Под крестцом, между крыльями таза лежал лепной сосуд, завалившись устьем в западную сторону. Развал еще одного горшка, первоначально стоявшего доньшком вверх, обнаружен под грудным отделом скелета. Женщина лежала на сосуде ничком, обхватив его стенки руками.

Погребальный инвентарь: сосуд 2 (рис. 5, 12) – подколоколовидный, с плавно отогнутым наружу венчиком и максимальным расширением в верхней части тулова. Внешняя поверхность шершавая, со следами грубого сглаживания. Обрез устья и верхняя часть сосуда покрыты орнаментом,

выполненным зубчатым штампом. Декор набран горизонтальными линиями, зигзагом и рядом коротких оттисков. Сосуд 1 (рис. 5, 11) – слабопрофилированный, с максимальным расширением в средней части тулова, не орнаментирован. В примеси отмечены песок и шамот. Сурьмяный бисер (рис. 5, 13) – однотипные рубленые бусинки, диаметром 2,5–3 мм.

Погребение 12 (рис. 6, 2) обнаружено на западном участке раскопа, в 1,5 м восточнее девятой могилы. Это погребальное сооружение подбойной конструкции. Входная яма имела овальную форму. У самого дна ее восточная стенка была оборудована узкой, подковообразной ступенькой, от которой, вначале полого, а затем резко, вход понижается в погребальную камеру, вырытую в западном направлении. Подбой также овальный, с полусферическим сводом. В центре погребальной камеры расчищен скелет зрелого мужчины (*Maturus II*) возрастом 40–50 лет, похороненного на левом боку, в позе адорации, головой к северу. Между черепом и северной стенкой подбоя лежала путовая кость лошади.

Погребение 13 зафиксировано на северо-западном краю могильника, на удалении в 3 м к северо-востоку от двенадцатого захоронения. Оно было устроено в надматериковом грунте, где очертания ямы не фиксировались. Удалось выявить два фрагмента детского черепа, а также обломки бедра и двух голеней. Судя по их расположению, ребенок был похоронен на левом боку, в скорченной позе, головой к северу.

У головы умершего лежал альчик МРС, а возле колен стоял лепной, слабопрофилированный сосуд без орнамента (рис. 6, 3). Горшок вылеплен небрежно, внешняя поверхность шероховатая, в примеси отмечены песок и шамот.

Погребение 14 отмечено на северо-западном участке раскопа, на расстоянии 1,5 м к северо-северо-западу от тринадцатого захоронения. Детский скелет такой же плохой сохранности расчищен в надматериковом

пласте. Зафиксированы остатки черепа, несколько ребер, обломки рук и ног. Их расположение указывает на левобочную скорченность скелета и северную ориентацию.

В ногах умершего, накренившись устьем к северу, стоял сосуд колоколовидной формы, максимальное расширение которого приходится на диаметр устья. Почти всю внешнюю поверхность горшка покрывает сложный, нерегулярный орнамент, выполненный в зубчатой технике и набранный короткими отрезками (по обрезу устья), а также ромбами, крестами и однорядной елочкой. Внешняя поверхность сосуда шероховатая, в примеси заметны песок и шамот (рис. 6, 4).

Погребение 15 (рис. 6, 5) выявлено на том же северо-западном участке раскопа, в 1,5 м к юго-западу от погребения 14. На дне грунтовой ямы овальной формы расчищен скелет ребенка (*Infantilis I*) возрастом 6–7 лет, погребенного в скорченной позе, на левом боку, головой к северо-северо-востоку.

Около его колен лежали путовая кость лошади и пястная кость теленка, а между черепом и восточной стенкой могилы стоял слабопрофилированный лепной сосуд, украшенный нерегулярным орнаментом по всей внешней поверхности. Декор выполнен зубчатым штампом. Он состоит из горизонтальных линий, зигзагов, крестов и коротких отрезков (рис. 6, 6).

Погребение 16 располагалось примерно на границе между западным и центральным участками раскопа, на расстоянии в 3 м к юго-востоку от погребения 15. Это грунтовая яма прямоугольной формы, стенки которой суживались ко дну по всему периметру. В центре могилы расчищен скелет взрослого мужчины (*Maturus I*) возрастом 35–40 лет, захороненного на левом боку, в позе адорации, головой к северо-северо-востоку. Погребение абсолютно безынвентарно.

Погребение 17 (рис. 7, 1) помещалось на северном участке могильника, в 3 м к северо-востоку от шестнадцатой могилы и в 1,75 м восточнее погребения 13. Это детское парное захоронение, устроенное в надматериковом грунте. Сохранность скелетов очень слабая, но, судя по размещению отдельных фрагментов, дети были похоронены на левом боку, скорченно, головами к северу. Вокруг скелетов, на том же уровне, прослежена зольная подсыпка, которая ограничивала ритуальное пространство могилы. Это узкое полукольцо, наиболее явное на северной и западной сторонах. Перед скелетом 2, тем, что лежал с восточной стороны, были поставлены два сосуда, которые сохранились в виде двух неполных развалов. Один из них расчищен у черепа, а второй – возле таза.

Сохранившиеся фрагменты позволили восстановить графические модели сосудов от их устьев до наибольших расширений тулова. Сосуд 1 (рис. 7, 2) – слабопрофилированный, с вертикальным венчиком. Внешняя поверхность шершавая, фактура рыхлая, слоистая, с включениями толченой раковины. На венчике, плечике и обресе устья – орнамент в виде коротких оттисков, горизонтальных линий и зигзагов, выполненных зубчатым штампом. Сосуд 2 (рис. 7, 3) – слабопрофилированный, с коротким, отогнутым наружу венчиком, не орнаментирован. В примеси заметна толченая раковина.

Погребение 18 (рис. 7, 4-А) было расположено на северном участке раскопа, в 2,25 м к северо-северо-востоку от предыдущего захоронения. Скелет взрослого мужчины (*Adultus*) возрастом 25–30 лет лежал в нижней части надматерикового грунта, и при этом очертания его могилы не фиксировались. Умершего похоронили на левом боку, с некоторым завалом на грудь, в позе адорации, головой к северо-северо-западу. У колен поставили лепной горшок, который зафиксирован в виде развала. Это сосуд подострореберной формы с прямым плечиком (рис. 7, 5). Внешняя поверхность

шершавая, со следами грубого сглаживания. В примеси заметна толченая раковина. От обреза устья, до максимального реберчатого расширения тулова сосуд украшен короткими оттисками и двурядным зигзагом, выполненными зубчатым штампом. Это захоронение перекрывало грунтовую могилу более древнего погребения 20.

Погребение 19 выявлено на северном участке памятника, в 1 м восточнее семнадцатой могилы. Оно было устроено в надматериковом грунте, где не читаются очертания ям. Это захоронение подростка. Его сохранность очень слабая. Удалось зафиксировать только несколько фрагментов черепа, обломки плечевых костей, бедра и голени, и, судя по их расположению, умерший был погребен головой к северу, на левом боку, скорченно. У черепа зафиксирован развал лепного сосуда подколоколовидной формы с примесью толченой раковины. С внутренней стороны его венчика имеется характерный желобок, шейка подчеркнута пальцевым каннелюром, по которому проходит ряд вертикальных коротких оттисков штампа (рис. 7, б).

Погребение 20 (рис. 7, 4-Б) находилось на северном участке раскопа, в 1,25 м к северо-северо-западу от погребения 19 и было перекрыто более поздним восемнадцатым захоронением. Это погребальное сооружение подбойного типа. Входная яма имела овальную форму. Ее южная продольная стенка была оборудована неровной ступенькой, от которой почти весь остальной периметр расширен и углублен в виде подбоя, но максимально в северную сторону. Погребальная камера очень тесная, с низким сводом.

В подбое расчищен скелет молодого мужчины (*Juvenis*) возрастом 18–21 год, погребенного в очень сильно скорченной позе, на левом боку, с завалом на спину, головой к западу. Кисть левой руки на поясе, вторая у колен. У левого плеча зафиксированы кости ног МРС.

Погребение 21 отмечено в центре кладбища, в 1 м юго-восточнее шестнадцатой могилы. Здесь, в подпрямоугольной грунтовой яме, стенки которой суживались ко дну, расчищен скелет зрелого мужчины (*Maturus I*) возрастом 30–40 лет, погребенного на левом боку, в позе адорации, головой к северо-северо-востоку. Никаких предметов в могиле не было.

Погребение 22 также выявлено в центральной части раскопа, в полуметре к востоку от предыдущего захоронения. Оно было устроено в грунтовой яме трапециевидной формы, стенки которой суживались ко дну по всему периметру. В центре ямы расчищен скелет юной женщины (*Juvenis*) возрастом 18–20 лет, которую похоронили на левом боку, в скорченной позе, головой к северо-северо-востоку. У основания черепа зафиксированы три фаянсовые бусины белого цвета, одна из них двучастная (рис. 7, 7). Размеры бусин от 3 до 5 мм.

Погребение 23 вскрыто на западном участке раскопа, в 4 м южнее двенадцатого захоронения. В надматериковом пласте расчищен детский скелет очень слабой сохранности. Удалось выявить фрагменты черепа, несколько ребер, крыло таза, плечевую кость и часть бедра. Судя по их расположению, ребенка похоронили скорченно на левом боку, головой к северо-западу.

У грудного отдела скелета лежала фаянсовая шайбовидная бусина (рис. 7, 9) белого цвета, диаметром 4,5 мм. Около черепа стоял баночный сосуд с биконическим преломлением в верхней части тулова и слегка вогнутым плечиком. Сосуд не орнаментирован, заметны лишь косые полосы грубого сглаживания (рис. 7, 8).

Погребение 24 (рис. 7, 10-А) обнаружено в западной части раскопа, в полуметре к юго-западу от предыдущего захоронения. Планиграфически оно связано с комплексом кольцевидного ровика 1 (прорезает его северный край). Яма имеет трапециевидную форму, ее стенки несколько суживались

в направлении дна. В заполнении могилы прослеживалась мощная линза золы и мелких углей. Северо-западный край могилы нарушен. Сюда, прорезая зольник, внедрилось более позднее детское погребение 40.

На дне, в центре ямы лежал скелет взрослого мужчины (Maturus II) возрастом 40–50 лет, погребенного на левом боку, в позе адорации, головой к востоку. Это захоронение оказалось безынвентарным.

Погребение 25 было расположено на западном участке раскопа, на площадке, окруженной кольцом ровика 1, на расстоянии 1,25 м южнее захоронения 24. Здесь, в надматериковом грунте расчищен скелет ребенка (Infantilis I) возрастом 6 лет, которого похоронили в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к юго-юго-востоку. Возле рук умершего лежала путовая кость лошади, а у основания черепа – крупная костяная бузина, которая по форме напоминает диск с краями разной толщины (рис. 7, 11). Ее диаметр 8 мм, размер сверленного отверстия всего 1,5 мм.

Погребение 26 раскопано на западном участке памятника. Оно также располагалось в системе кольцевидного ровика 1, прорезая его северо-восточный край. Здесь, в прямоугольной яме обнаружен неполный скелет ребенка (Infantilis I) возрастом 5–6 лет, погребенного на правом боку, в скорченной позе, головой к юго-западу.

Возле черепа расчищен развал лепного сосуда колоколовидной формы (рис. 7, 12). Его венчик резко отогнут наружу, с внутренней стороны имеются характерные ребро и желобок. Шейка сосуда усилена пальцевым каннелюром, тулово имеет значительное расширение в средней части. Внешняя поверхность шершавая, в примеси заметна толченая раковина. На шейке сосуда, по каннелюру, проходит ряд серповидных насечек, а на тулове имеются прочерченные кривые линии.

Погребение 27 зафиксировано на западном участке раскопа, в 1 м к юго-юго-востоку от погребения 26, также в системе кольцевидного ровика

1. Оно прорезало восточный край рва. На дне прямоугольной ямы расчищен детский скелет плохой сохранности. По сохранившимся останкам видно, что ребенок (*Infantilis*) возрастом 1 год был похоронен скорченно, на левом боку, с небольшим завалом на спину, головой к северу. Возможно, его левая рука была протянута к коленям.

Между черепом и восточной стенкой стоял лепной сосуд колоколовидной формы (рис. 7, 13). Его максимальное расширение приходится на диаметр устья, шейка подчеркнута широким каннелюром, внешняя поверхность шершавая, грубо сглаженная. В примеси заметна толченая раковина. Поверх каннелюра нанесен орнамент в виде двух горизонтальных рядов каплевидных насечек.

На северном краю ямы, в надматериковом грунте, расчищена околмогильная тризна, в которой отмечены череп и кости ног козы.

Погребение 28 выявлено в той же системе кольцевидного ровика 1, оно прорезало его северо-западный край. На дне подпрямоугольной ямы расчищен детский скелет плохой сохранности. Ребенок (*Infantilis I*) возрастом 6–7 лет был погребен на левом боку с небольшим завалом на спину, скорченно, головой к северо-востоку-востоку.

У правой голени расчищен колоколовидный сосуд приземистых пропорций, с утолщенным, желобчатым изнутри венчиком и внутренним ребром (рис. 7, 14). Широкий обрез устья и шейка украшены насечками и треугольными оттисками. На внешней поверхности заметны следы грубого сглаживания, в примеси имеется толченая раковина.

На западном краю ямы зафиксирована околмогильная тризна, в которой отмечены фрагменты черепа и кости ног МРС.

Погребение 29 отмечено на северном участке раскопа, в 3 м к юго-востоку от погребения 19, в надматериковом грунте. Это детское захоронение очень плохой сохранности, выявлены только бедренные кости. По-

сколькx колeнные окончания бедер направлены к востоку, уместно предположить, что ребенок был похоронен на левом боку, скорченно, головой к северу. Здесь же стоял лепной сосуд баночной формы с прикрытым устьем (рис. 8, 1). Внешняя поверхность покрыта разнонаправленными расчесами, под устьем имеются оттиски короткого штампа, косо выстроенные в горизонтальный опоясывающий ряд. В примеси есть песок и шамот.

Погребение 30 зафиксировано на северном участке раскопа, в 3,5 м к юго-востоку от одиннадцатой могилы. В небольшой яме округлой формы расчищен детский скелет очень плохой сохранности. Поза погребенного не ясна, поскольку даже сохранившиеся части скелета переотложены. Погребение безынвентарно.

Погребение 31 (рис. 8, 2-А) обнаружено на северном участке раскопа, в 1,5 м к юго-востоку-востоку от погребения 30. В грунтовой яме округлой формы, которая вплотную смыкалась с погребением 32, расчищен скелет ребенка, который был похоронен на левом боку, скорченно, головой к северо-северо-востоку.

Перед грудью погребенного стоял лепной сосуд баночной формы с открытой профилировкой и примесью толченой раковины (рис. 8, 3). Под устьем имеется широкий каннелюр. Средняя часть сосуда украшена мелкими треугольными оттисками, построенными в четыре волнистые линии. На одной стороне придонной части тулова прочерчен знак в виде неровного зигзага.

Погребение 32 (рис. 8, 2-Б), которое своим северо-восточным краем смыкалось с круглой ямой погребения 31, выявлено на том же северном участке раскопа. Своим юго-западным углом оно несколько перекрывало подбойную часть еще более древнего погребения 33. На дне прямоугольной ямы лежал скелет молодой женщины (*Adultus*) возрастом 20–25 лет, захороненной на левом боку в позе адорации. У ее колен расчищен развал

лепного сосуда, под обломком нижней челюсти зафиксирована бронзовая височная подвеска, возле левого плеча обнаружены две фаянсовые бусины белого цвета.

Погребальный инвентарь: бронзовая височная подвеска, свернутая в 1,5 оборота, с бугристой внешней поверхностью (рис. 8, 5). У нее почти округлая форма, размеры 20 X 18 мм, максимальная ширина 6 мм, минимальная ширина на верхнем перегибе 3 мм. Фаянсовые (пастовые) бусы (рис. 8, 6) имеют одинаковую дисковидную форму. Размеры украшений 4 и 3,5 мм. Сосуд подострореберной формы с несколько сглаженным ребром и слабо отогнутым наружу венчиком (рис. 8, 4). Ниже максимального расширения тулова внешняя поверхность покрыта вертикальными расчесами. В примеси заметна толченая раковина. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 33 (рис. 8, 7) располагалось на северном участке могильника, в непосредственной близости от тридцать второй могилы, которая частично его перекрывала. Это погребальная конструкция подбойного типа. Ее входная яма имела овальную форму с неровными краями. Продольная юго-восточная сторона входа оснащена двумя ступеньками, от которых в северо-западную сторону незначительно подбита очень тесная погребальная камера. Она также была овальной формы. В камере расчищен скелет женщины преклонного возраста (*Senilis*, более 55 лет), погребенной в сильно скорченной позе, на левом боку, с завалом на грудь, головой к северо-востоку. Подогнутые в коленях ноги вплотную прижаты к корпусу. Возле тазового отдела скелета лежал альчик МРС, а на верхней ступеньке входа зафиксированы обломки костей крупного животного (КРС или лошадь).

Погребение 34 (мавзолей 1) (рис. 9, 1) отмечено в центральной части раскопа, в 0,75 м восточнее ровика 1. Это обширное погребальное сооружение округлой формы, к которому с северо-западной стороны примыкает

входной тамбур (дромос) – пологий спуск в могилу, где было устроено коллективное, причем разновременное, захоронение четырех человек (1 взрослый и три ребенка). В основе комплекса – большая могила подбойного типа. Очертания подбоя, который был вырыт в восточную сторону, относительно входной ямы, у самого дна имеют подпрямоугольную форму. Его свод, высота которого составляла примерно 1,3 м, обрушился еще в древности. Вход в погребальную камеру закрывался деревянным закладом, тлен которого прослежен при расчистке. На дне погребальной камеры вытянуто на спине, с легким завалом на левую сторону, лежал скелет (А) взрослой женщины (Maturus I) возрастом 35–45 лет. Он был ориентирован головой к северу. Левая нога слегка подогнута в колене, правая вытянута, правая рука согнута в локте, кисть на поясе, левая рука протянута вниз, кисть у таза. Между левым плечом и восточной стенкой подбоя стоял неорнаментированный баночный сосуд закрытой профилировки (рис. 9, 2). Внешняя поверхность тщательно заглажена, в примеси заметны песок и шамот.

Переход из входной ямы в погребальную камеру первоначально был оборудован двумя ступеньками. Нижняя ступень использована для подхоронения в мавзолее умершего ребенка (Б). Для этого подправили западный край ступени, придав ему прямоугольные очертания. Ребенка похоронили скорченно, на левом боку, вероятно, в позе адорации, головой к северу. За его спиной стоял неорнаментированный сосуд подострореберной формы, с вогнутым плечиком (рис. 9, 3). Внешняя поверхность горшка шероховатая, в примеси отмечены песок и шамот.

В середине центральной площадки мавзолея расчищена прямоугольная яма, стенки которой заметно суживались ко дну. В северной половине углубления обнаружены останки ребенка (В), погребенного на левом боку, в скорченной позе, головой к северу. Между черепом и восточной стенкой

ямы зафиксирован слабопрофилированный сосуд приземистых пропорций (рис. 9, 5) с широким днищем, коротким венчиком и слабо выделенной шейкой, на которой начертана неровная, прерывистая линия. Внешняя поверхность шершавая, в примеси заметны песок и шамот.

В заполнении общего контура тридцать четвертого погребения, в 0,4 м от его западного края, расчищен еще один детский скелет (Г), лежавший на левом боку, вероятно, в позе адорации, головой к северу. Возле него зафиксированы два лепных сосуда. Один (рис. 9, 4) стоял перед лицевым отделом черепа. У него слабопрофилированная форма, с коротким венчиком и широким, слегка вогнутым днищем. На верхней части нанесены неровные линии и мелкие насечки. Внешняя поверхность шероховатая, в примеси песок и шамот. Второй сосуд (рис. 9, 6) стоял у локтя. Это неорнаментированная открытая банка с примесью песка и шамота.

Принадлежность всех четырех погребенных к одному комплексу не вызывает сомнений. Все они расположены на одной линии «восток–запад», ориентированы в одном (северном) направлении, технологические показатели сопровождавшей их керамики очень близки. Представляется, что в качестве самой ранней основы комплекса следует рассматривать подбойное захоронение взрослого человека, в котором входная яма имела подквадратную форму (позже она становится центральной площадкой мавзолея). Затем, по мере подхоронения сюда детей, очертания комплекса расширялись, приобретая аморфный вид. При этом мавзолей постоянно посещался, о чем свидетельствует наличие тамбура в его северо-западной части. Уместно предполагать, что комплекс имел особый тип перекрытия, возможно некую надстройку и кровлю, что выделяло его в массе прочих захоронений.

Погребение 35 (рис. 8, 8) располагалось в центре памятника, в полуметре от двадцать второй могилы. Это грунтовая яма подтрапециевидной

формы, на дне которой расчищен скелет взрослой женщины (Maturus I) возрастом 30–40 лет, погребенной на левом боку, в скорченной позе с завалом на грудь, головой к северо-востоку.

В северо-восточном углу могилы, завалившись устьем к югу, лежал острореберный сосуд с прямым плечиком (рис. 8, 10). Его внешняя поверхность шероховатая, ниже максимального расширения вертикальные расчесы. Он украшен зубчатым штампом (на линии шейки горизонтальная линия, на плече зигзаг). В примеси заметны песок и шамот. Около горшка лежало бронзовое шило прямоугольного сечения (рис. 8, 9). Длина инструмента 6,1 см.

Погребение 36 зафиксировано на центральном участке могильника, в 2 м южнее предыдущего захоронения. В могильной яме подпрямоугольной формы расчищен скелет взрослого человека. Кости были сильно потревожены землероями. Вероятно, умерший был похоронен скорченно, на левом боку, головой к северо-северо-востоку. Никаких предметов не найдено.

Погребение 37 (рис. 8, 11) обнаружено на западном участке раскопа, на площадке, ограниченной кольцевидным ровиком 1. Это неглубокая грунтовая яма подквадратной формы. В ее засыпке обнаружены кости ног и два черепа МРС, которые, вероятно, представляли собой остатки околомогильной тризны. На дне ямы, в центре, расчищены несколько фрагментов детского скелета (обломки черепа и таза), исходя из чего можно предположить, что ребенок (Infantilis II) возрастом 7–8 лет был похоронен на левом боку, головой к северо-востоку.

Перед ним, неровной цепочкой с юго-запада на северо-восток, были уложены альчики МРС (всего 15 штук). У таза лежали два неорнаментированных обломка керамики, а в ногах стоял колоколовидный реберчатый сосуд (рис. 8, 11). У него резко выделена шейка, венчик отогнут наружу, изнутри имеется сглаженное ребро, плечико вогнутое, обрез устья скошен

наружу. Максимальное расширение тулова сформовано в реберчатом варианте. Вся внешняя поверхность сосуда покрыта орнаментом в зубчатой технике. По шейке и плечу проходит горизонтальный ряд косоштрихованных ромбов, а все остальное пространство, ниже наибольшего расширения, занято многорядным зигзагом (всего 9 рядов). Снаружи цвет горшка светло-коричневый, поверхность хорошо заглажена. В примеси есть толченая раковина.

Погребение 38 (рис. 10, 1) располагалось в середине круглой площадки, ограниченной ровиком 1, в 0,75 м к северо-востоку от погребения 37. В грунтовой яме овальной формы расчищен скелет взрослого мужчины (Maturus II) возрастом 40–50 лет, погребенного в скорченной позе адорации, на левом боку, с завалом на спину, головой к юго-востоку-востоку. Захоронение безынвентарно.

Погребение 39 (рис. 10, 2) выявлено на центральном участке раскопа, в 2 м восточнее коллективного погребения 34. В обширной яме расчищен скелет взрослого мужчины (Maturus I) возрастом 30–40 лет, погребенного на левом боку, в скорченной позе, головой к северу. Кисти рук отсутствуют, скелет несколько потревожен, но заметно, что он лежал в позе адорации (руки перед лицом).

Между черепом погребенного и восточной стенкой могилы, завалившись на бок, лежал слабопрофилированный сосуд, украшенный двурядным зигзагом в зубчатой технике (рис. 10, 3). Внешняя поверхность покрыта вертикальными расчесами. В примеси заметны песок и шамот.

Погребение 40 (рис. 7, 10-Б) было зафиксировано на западном участке раскопа, в системе кольцевидного ровика 1, в надматериковом грунте. Оно частично перекрывало северо-западный угол погребения 24, будучи по отношению к нему несколько более поздним. Это был очень слабой сохранности детский скелет, лежавший скорченно, на левом боку, ориенти-

рованный на север. У черепа ребенка расчищен развал придонной части крупного сосуда, которая, возможно, использовалась в качестве жаровни. В примеси отмечены песок и шамот.

Погребение 41 обнаружено в пределах круглой площадки, окруженной ровиком 1, на расстоянии 0,75 м к юго-востоку от погребения 38. Это детское захоронение, устроенное в надматериковом грунте, от него сохранились только маленький фрагмент черепа и обломок бедра, поэтому поза и ориентировка не установлены. Здесь же расчищена околomoгильная тризна в виде скопления костей МРС. В 35 см южнее зафиксирован лепной толстостенный сосуд с округлым туловом и почти вертикальным венчиком (рис. 10, 4). На широком обресе устья – мелкие наколы, выполненные заостренным предметом. В примеси много толченой раковины.

Погребение 42 располагалось здесь же, в непосредственной близости от сорок первой могилы. Это также детское захоронение, устроенное в надматериковом слое. Расположение несколько потревоженных костей скелета позволяет предполагать, что ребенка (*Infantilis I*) возрастом 2–3 года похоронили на левом боку, скорченно, головой к северо-северо-востоку. У головы умершего помещался неполностью сохранившийся острореберный сосуд (рис. 10, 5) с примесью толченой раковины, украшенный зубчатым штампом.

Погребение 43 также выявлено на круглой площадке кольцевидного ровика 1, на удалении 0,75 м к северо-востоку от сорок первого захоронения. От детского скелета, который некогда размещался в толще надматерикового грунта, сохранился только небольшой фрагмент черепа. Рядом расчищена околomoгильная тризна, где присутствуют обломки черепа и кости ног МРС, а также неполностью сохранившийся слабопрофилированный сосуд (рис. 10, 6). Венчик сосуда короткий, едва отогнутый. Фактура

рыхлая, слоистая, в примеси толченая раковина. На скошенном наружу об-
резе устья имеются косые линзовидные насечки.

Погребение 44 (рис. 10, 7) зафиксировано в центральной части па-
мятника, на расстоянии 1,75 м южнее коллективного захоронения 34. Это
грунтовая подпрямоугольная яма, северный край которой расширен у дна
наподобие подбоя. На дне могилы, головой в подбитой нише, ориентиро-
ванный на северо-восток, лежал скелет зрелого мужчины (*Adultus*) возрас-
том 25–30 лет. Он был похоронен в скорченной позе, на левом боку, руки
помещались перед лицом.

На запястье правой руки и коленном окончании правого бедра отме-
чены яркие зеленые пятна от воздействия хлоридов меди. Около рук за-
фиксирован древесный тлен. Между правым локтем умершего и восточной
стенкой могилы стоял неорнаментированный, несколько асимметричный,
реберчатый горшок с прямым плечиком (рис. 10, 8). Внешняя поверхность
хорошо заглажена, в примеси заметны песок и шамот.

Погребение 45 выявлено на центральном участке раскопа, в 1 м юж-
нее коллективного погребения 34. Это грунтовая яма подпрямоугольной
формы, стенки которой несколько суживались, примерно до середины ее
глубины, а затем вновь расширялись. На дне могилы обнаружены разроз-
ненные кости детского скелета. Поза и ориентировка погребенного не ус-
тановлены. В середине, несколько ближе к восточной стенке, стоял неор-
наментированный баночный сосуд открытого профиля (рис. 10, 9). Внеш-
няя поверхность шероховатая, с косыми расчесами, в примеси заметны
включения песка и шамота.

Погребение 46 располагалось здесь же, в центре раскопа, в 1,25 м к
ЮВ от погребения 45. Здесь расчищена грунтовая яма подпрямоугольной
формы, стенки которой котловидно расширялись ко дну. На дне расчище-
ны остатки детского скелета – обломки черепа и несколько ребер. Очевид-

но, ребенок был уложен головой к северу. Поза не восстанавливается. Здесь же выявлены жаровенка из донной части горшка (рис. 10, 11) и неорнаментированный баночный сосуд закрытого профиля (рис. 10, 10). В примеси керамических изделий отмечены песок и шамот.

Погребение 47 (рис. 10, 12) располагалось примерно на границе между центральным и западным участками раскопа, в 1 м к северо-западу от 44 захоронения. На дне грунтовой ямы овальной формы расчищен скелет взрослого мужчины (Maturus II) возрастом 40–50 лет, погребенного в сильно скорченной позе адорации, на левом боку, головой к юго-западу. Между тазовым отделом скелета и восточной стенкой могилы стоял лепной сосуд вертикальных пропорций. Под черепом зафиксирован обломок бронзовой височной подвески. Фрагмент такой же подвески обнаружен в процессе выборки могильного заполнения в юго-западном углу ямы.

Погребальный инвентарь: желобчатые бронзовые подвески удлиненных пропорций, свернутые в 1,5 оборота, имеют на внешней стороне крошечные выпуклости, выбитые изнутри (рис. 10, 13, 14). Длина подвесок 3,4 см. Слабопрофилированный асимметричный сосуд с коротким, едва отогнутым наружу венчиком, был грубо сформован и небрежно заглажен по внешней поверхности (рис. 10, 15). В примеси заметны песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 48 (рис. 11, 1) отмечено на юго-западном участке раскопа, в 6,5 м к юго-западу от ровика 1 и в 1,75 м от края прибрежной террасы. Это прямоугольная яма, на дне которой, ближе к западной стенке, лежал скелет взрослого мужчины (Maturus II) возрастом 40–50 лет, погребенного в сильно скорченной позе, на левом боку, головой к северо-востоку. В грудном отделе позвоночника зафиксирован продолговатый кусочек древесного тлена длиной 7 см. Между стопами и южной стенкой могилы выявлен локальный участок слабого прокала грунта под воздействи-

ем огня. Линза прокала имеет овальную форму, ее размеры 33 X 20 см, толщина – до 8 см.

Перед лицевым отделом черепа в неровную линию были поставлены три реберчатых сосуда различных размеров. Сосуд 1 (рис. 11, 2) – подострореберный, с прямым плечиком, с расчесами по внешней поверхности. Не орнаментирован. Сосуд 2 (рис. 11, 3) – подострореберный, несколько асимметричный, с коротким венчиком и прямым плечиком. На верхней части сосуда имеется гребенчатый орнамент в виде зигзага и горизонтального ряда вертикальных оттисков. Сосуд 3 (рис. 11, 4) – крупная биконическая банка с прямым плечиком. Не орнаментирован. На внешней поверхности заметны расчесы зубчатым штампом. В примеси всех горшков отмечены песок и шамот.

Погребение 49 (рис 11, 5) располагалось на западном участке раскопа, в системе кольцевидного ровика 1, прорезая его юго-восточный край рядом с проемом выхода. На дне подпрямоугольной ямы, северная стенка которой была заметно подбита, лежал скелет взрослого мужчины (Maturus II) возрастом 40–50 лет, захороненного в скорченной позе, на левом боку с завалом на грудь, головой к северо-востоку. Правая рука плотно сжата в локте, левая протянута кистью к восточной стенке. У черепа стоял слабопрофилированный сосуд с высоким, плавно отогнутым наружу венчиком, грубо сформованным наподобие воротничка (рис. 11, 6). На внешней поверхности отмечены разнонаправленные расчесы зубчатым штампом. В примеси присутствуют песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 50 (рис. 11, 7) выявлено на южном участке раскопа, в 1,5 м к юго-западу от сорок девятой могилы. Это грунтовая, подпрямоугольная яма, на дне которой обнаружен скелет подростка (Infantilis II) возрастом 7–8 лет. Умерший лежал несколько ближе к северной короткой стенке, на левом боку, в скорченной позе, головой к северу. Кисть левой руки у

груди, правая рука протянута к восточной стенке могилы. Между тазовым отделом скелета и западной стенкой стоял лепной баночный сосуд закрытого профиля с максимальным расширением в верхней части тулова (рис. 11, 8). Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси заметны песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 51 обнаружено на юго-западном участке раскопа, в 2 м к юго-западу от погребения 48 и в 1 м от края террасы. На дне овальной ямы, стенки которой несколько суживались ко дну, зафиксированы остатки детского скелета (несколько обломков черепа), на основании которых можно лишь предположить, что умерший был ориентирован на северо-запад. Очевидно, в головах стоял приземистый баночный сосуд закрытого профиля с максимальным расширением в средней части тулова (рис. 11, 9). Внешняя поверхность шероховатая, со следами вертикального сглаживания штампом. В примеси имеются песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 52 (рис. 11, 10) зафиксировано на границе между центральным и южным участками раскопа, в 1,5 м южнее сорок шестой могилы. Здесь располагалась прямоугольная яма, продольные стенки которой оснащены узкими ступеньками. В центре лежал скелет молодой женщины (*Adultus*) возрастом 21–24 лет, погребенной в позе адорации, на левом боку, головой к северу. У коленей стоял слабопрофилированный сосуд с высоким, плавно отогнутым наружу венчиком и слегка вогнутым днищем (рис. 11, 11). Внешняя поверхность шероховатая, со следами разнонаправленного сглаживания штампом. В примеси заметны песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 53 располагалось на центральном участке раскопа, в 3 м к северо-востоку от погребения 52. Это грунтовая яма прямоугольной формы, стенки которой суживались ко дну, а восточный край оборудован

ступенькой. На дне могилы расчищен скелет юноши (Juvenis) возрастом 15–16 лет, захороненного в позе адорации, на левом боку, головой к северу. Против лицевого отдела черепа, у восточной стенки, завалившись на бок, лежал слабопрофилированный сосуд, с высоким, плавно отогнутым венчиком (рис. 12, 1). Поверхность сосуда шероховатая, со следами небрежного сглаживания. В примеси есть песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 54 (рис. 12, 2) выявлено на центральном участке раскопа, в 4 м к северо-востоку от погребения 39. Это захоронение, вместе с погребениями 55 и 56, входит в комплекс мавзолея 2 (рис. 24), большого продолговатого углубления, ориентированного с юга на север (подробно при описании сакральной архитектуры). На дне большого углубления пятьдесят четвертая могила имела подпрямоугольную форму. Ее стенки расширялись по всему периметру в направлении дна. На дне расчищен скелет взрослой женщины (Maturus I) возрастом 30–40 лет, погребенной на левом боку с завалом на грудь, в позе адорации, головой к северо-востоку. У ее колен стоял лепной сосуд баночной формы, под которым сохранились остатки органической подстилки темно-коричневого цвета. Возле шейного и поясничного отделов позвоночника расчищены два скопления пастовых и сурьмяных бусин. За спиной обнаружены два продолговатых кусочка древесного тлена. Над тазом умершей, в 5 см выше, лежала костяная проколка с обломленным острием.

Погребальный инвентарь: бусы пастовые (всего 6 штук) – дисковидные, диаметром 3–4 мм, белого и зеленоватого оттенков и бусы сурьмяные (всего 18 штук) – обычный рубленный бисер серого цвета диаметром от 2 до 4 мм (рис. 12, 3). Проколка изготовлена из продольно расколотовой ножной кости МРС (рис. 12, 5). Изделие, длина которого составляет 7,9 см, хорошо заполировано. Острие обломлено в древности. Баночный сосуд открытого

профиля, не орнаментирован (рис. 12, 4). Внешняя поверхность неровная, со следами грубого сглаживания наискосок. В примеси заметны включения толченой раковины.

Погребение 55 (рис. 12, 6) зафиксировано в комплексе мавзолея 2, в 3,5 м к юго-юго-западу от предыдущего захоронения. На дне обширной ямы подквадратной формы расчищено парное погребение молодого мужчины (*Adultus*) возрастом 20–25 лет (скелет 1) и, предположительно, подростка (скелет 2). Оба умерших похоронены на левом боку, в скорченной позе адорации, головами к северо-северо-востоку. Подросток лежал за спиной взрослого человека.

Возле голени мужчины найден обломок кости КРС. В северо-восточном углу могилы, завалившись устьем к югу, лежал неорнаментированный баночный сосуд закрытой профилировки, с грубыми косыми расчесами (рис. 12, 8). В примеси отмечены песок и шамот. Под сосудом прослежен коричневый органический тлен.

В северо-западном углу могилы стоял слабопрофилированный сосуд приземистых пропорций с коротким венчиком и слабовыраженной шейкой (рис. 12, 7). На широком тулове следы косоугольного сглаживания. В примеси песок и шамот. По внешнему краю обреза устья нанесены косые линзовидные насечки. Под венчиком прочерчен короткошаговый зигзаг, ниже, только на одной стороне, изображен нерегулярный ряд элементов, в котором присутствуют свастика и несколько пересекающихся коротких отрезков. Под днищем сосуда также зафиксированы остатки органической подстилки в виде коричневого тлена.

Погребение 56 (рис. 12, 9) располагалось в средней части мавзолея 2, около его западной стенки, в 1,25 м к юго-западу от погребения 54. Это прямоугольная грунтовая яма, стенки которой расширялись ко дну. На дне ямы расчищен скелет ребенка, погребенного на левом боку, в скорченной

позе, головой к северо-северо-западу. Перед грудным отделом скелета лежали два альчика МРС, а возле теменной части черепа стоял подколоколо-видный сосуд с реберчатым туловом (рис. 12, 10). Сосуд орнаментирован горизонтальными линиями, зигзагами и косо штрихованными треугольниками. Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси заметны включения толченой раковины.

Погребение 57 (рис. 13, 1) зафиксировано на юго-восточном участке раскопа, в 3 м южнее погребения 53. Планиграфически это захоронение связано с системой серповидного ровика 2 (рис. 24). Оно прорезает левый створ входа, оставленного в ровике с юго-восточной стороны. Это глубокая, подпрямоугольная яма, восточная стенка которой оснащена двумя ступеньками, а в западной стене устроено заплечико, на котором лежала околomoгильная тризна (череп и кости ног МРС). На дне могилы лежал скелет взрослой женщины (Maturus II) возрастом 40–50 лет, погребенной в сильно скорченной позе, на левом боку с завалом на грудь, головой к северу. Около её колен лежали 7 костяных вязальных спиц (рис. 13, 4-10), а возле северной стенки стоял лепной баночный сосуд (1). Еще одна банка (сосуд 2) в развале зафиксирована перед лицевым отделом черепа.

Погребальный инвентарь: спицы изготовлены из расщепленных трубчатых костей МРС. Они разнотипны, две имеют выделенные рабочие острия, пять обычные стержневидные. Длина инструментов от 5 до 8,5 см. Сосуд 1 (рис. 13, 2) – баночной формы, закрытого профиля, с максимальным расширением в средней части тулова. Внешняя поверхность шероховатая, покрытая разнонаправленными расчесами. В примеси есть песок и шамот. Сосуд 2 (рис. 13, 3) – также закрытой баночной формы с наибольшим расширением в верхней части тулова и косыми расчесами на внешней поверхности. В качестве отошителей отмечены песок и шамот. Оба сосуда не орнаментированы.

Погребение 58 выявлено здесь же, в системе ровика 2, на восточном краю его левого створа, на удалении в 1,5 м восточнее от пятьдесят седьмой могилы. Здесь, на дне прямоугольной ямы расчищен скелет ребенка (*Infantilis I*) возрастом 6–7 лет, которого похоронили в скорченной на левом боку позе, головой к северо-северо-востоку. Перед грудью умершего стоял лепной неорнаментированный сосуд баночной формы, закрытого профиля (рис. 13, 11). Внешняя поверхность сосуда покрыта косыми расчесами. В примеси отмечены песок и шамот.

Погребение 59 находилось на юго-восточном участке раскопа, в 2 м западнее захоронения 57. В прямоугольной грунтовой яме, стенки которой несколько суживались ко дну, обнаружен только раздавленный детский череп, остальные части скелета не сохранились. По расположению черепных фрагментов можно предположить, что ребенка похоронили на левом боку, головой к северу. В северо-восточном углу могилы стоял неорнаментированный слабопрофилированный сосуд с вертикальными расчесами на шейке (рис. 13, 12). В примеси заметны песок и шамот.

Погребение 60 зафиксировано на юго-восточном участке раскопа, на расстоянии 0,75 м к северо-северо-востоку от погребения 59. Это детское захоронение было устроено в надматериковом грунте над юго-западным отрезком ровика 2. От детского скелета сохранились только компактно лежащие фрагменты черепа. Рядом обнаружены два лепных горшка.

Сосуд 1 (рис. 13, 13) – баночный, закрытого профиля, с максимальным расширением в средней части тулова. В примеси песок и шамот.

Сосуд 2 (рис. 13, 14) – слабопрофилированный, с коротким венчиком и едва намеченной шейкой. Днище ровное, утолщенное. Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси песок и шамот. Оба сосуда не орнаментированы.

Погребение 61 (рис. 13, 15) обнаружено на южном участке раскопа, в 2,5 м западнее захоронения 52. На дне прямоугольной ямы, стенки которой были несколько подбиты в северную и восточную стороны, лежал скелет взрослого мужчины (*Maturus I*) возрастом 30–40 лет, погребенного в скорченной позе, на левом боку с завалом на спину, головой к северо-северо-востоку. Кисть левой руки возле подбородка, правая рука выставлена вперед. Перед лицевым отделом расчищен развал лепного сосуда слабопрофилированного типа с коротким венчиком, максимальное расширение которого приходится на верхнюю часть тулова. Внешняя поверхность шероховатая, в примеси заметны песок и шамот. Сосуд не орнаментирован (рис. 13, 16).

Погребение 62 (рис. 13, 17) располагалось на юго-восточном участке раскопа, в 1,75 м южнее погребения 58. Это прямоугольная грунтовая яма, стенки которой суживались почти по всему периметру. На дне могилы, ближе к северо-западному углу, лежал скелет юной женщины (*Juvenis*) возрастом 15–18 лет, погребенной в скорченной позе адорации, на левом боку, с завалом на грудь, головой к северо-северо-западу. В северо-восточном углу могилы стоял неорнаментированный баночный сосуд открытой профилировки (рис. 13, 18). Треснувший еще в древности, он подвергался починке. По обеим сторонам вертикальной трещины имеются два сверленных отверстия для стягивания шнуром или ремешком. Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси заметны песок и шамот.

Погребение 63 (рис. 14, 1) отмечено на юго-восточном участке памятника, в 1,5 м южнее погребения 57 и в 2 м к западу от предыдущей могилы. Это детское захоронение помещалось в грунтовой яме подпрямоугольной формы. Вплотную к ней, с восточной стороны, прослеживался материковый выкид в виде удлиненно-овальной линзы размерами 0,9 X 0,3 м, толщина которой достигала 25 см. На дне расчищен скелет ребенка (*In-*

fantilis I) возрастом около 1 года. По расположению костей установлено, что его похоронили на левом боку, скорченно, головой к северо-северо-западу. Между черепом и восточной стенкой стоял глиняный лепной сосуд слабопрофилированной формы с вертикальным венчиком и слегка вогнутым днищем (рис. 14, 2). Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси заметна толченая раковина. Сосуд орнаментирован горизонтальными линиями в зубчатой технике и одним рядом подтреугольных оттисков.

Погребение 64 (рис. 14, 3) зафиксировано на юго-восточном участке раскопа, в 1,5 м к северо-западу-западу от погребения 63. Это овальная яма, к которой с северо-северо-востока примыкал прямоугольный тамбур размерами 1,06 X 0,65 м. На самом краю могилы, с ее восточной стороны, лежала линза материкового выкида овально-удлиненной формы. Ее размеры 2 X 0,65 м, мощность до 20 см. На дне могилы расчищен скелет подростка (Infantilis II) возрастом 8–9 лет, погребенного в позе адорации, на левом боку с завалом на грудь, головой к северу. Перед лицевым отделом черепа стоял лепной слабопрофилированный сосуд с широким устьем, коротким венчиком и едва намеченной шейкой (рис. 14, 4). Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси отмечены песок и шамот. Верхняя часть сосуда орнаментирована до максимального расширения тулова. Зубчатым штампом нанесены три горизонтальные линии, зигзаг и косой крест.

Погребение 65 (рис. 14, 5) обнаружено на восточном участке раскопа, в 2 м восточнее погребения 54. Это была грунтовая яма подпрямоугольной формы, короткая западная стенка которой оснащена горизонтальной ступенькой. На ступеньке оставлена околomoгильная тризна в виде черепа и ног козы, не исключено, что вместе со шкурой. В центре могилы, на дне расчищены остатки детского скелета, по которым можно установить лишь скорченную на левом боку позу и ориентировку к юго-востоку-востоку. Возле черепа, завалившись на бок, лежал колоколовидный сосуд с ребер-

чатым туловом (рис. 14, 6). На обратной стороне венчика имеется четко выраженное внутреннее ребро. Внешняя поверхность шероховатая, со следами грубого сглаживания, в примеси заметна толченая раковина. Верхняя половина сосуда орнаментирована гребенчатым штампом. Косые короткие оттиски нанесены на плоский обрез устья, на шейке горизонтальная линия, на плечике опоясывающий ряд ромбов.

Погребение 66 было расположено в системе ровика 2 (прорезало край его правого створа), в 2 м к северо-востоку от погребения 58. В грунтовой яме подпрямоугольной формы расчищен плохо сохранившийся скелет ребенка, по разрозненным костям которого определяются лишь левобочная скорченность и северная ориентировка. Между черепом и восточной стенкой стоял лепной сосуд с необычно широким днищем и зауженной горловиной (рис. 14, 7). На обратной стороне резко отогнутого венчика есть четко выраженное внутреннее ребро. Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси заметны песок и шамот. Сосуд украшен зубчатым штампом. На верхней части тулова нанесены пересекающиеся линии, образующие вертикальную решетку.

Погребение 67 (рис. 14, 8) выявлено непосредственно перед входом на пространство ровика 2, в 1 м южнее погребения 66. На дне округлой грунтовой ямы с отвесными стенками расчищен скелет взрослого мужчины (*Maturus I*) возрастом 35–45 лет, погребенного головой к юго-востоку, на левом боку, в позе адорации. Между правым локтем и бедренными костями лежали кости ног МРС, а возле лба, у левого локтя и около юго-западной стенки могилы обнаружены три разнотипные бронзовые обоймы (скорее всего, окончаний шнуров) (рис. 14, 9–11). Они имеют трубчатую форму, свернуты в 1,5 и 2,5 оборота, размеры 13–14 мм.

Погребение 68 (рис. 14, 12) зафиксировано в пространстве ровика 2, в 3 м южнее захоронения 65. Это округлая яма, которая у дна была оборудо-

вана двумя параллельными ступенями. Здесь расчищен скелет молодой женщины (*Adultus*) возрастом 20–25 лет, погребенной в скорченной позе, на левом боку с завалом на спину, головой к северо-востоку. Перед лицевым отделом черепа лежал лепной сосуд баночной формы с закрытой профилировкой и максимальным расширением в верхней части тулова (рис. 14, 13). Внешняя поверхность шероховатая, с косыми полосами грубого сглаживания. В примеси есть песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 69 обнаружено на восточном участке раскопа, в 0,8 м к северо-востоку от погребения 65. Это детское захоронение, устроенное в надматериковом грунте, от которого сохранились лишь несколько обломков ребер. Здесь же, завалившись набок лежал лепной сосуд приземистых пропорций, с высоким, плавно отогнутым наружу венчиком и округлым туловом (рис. 15, 1). Внешняя поверхность шероховатая, с косой штриховкой, в примеси заметна толченая раковина. Верхняя часть сосуда орнаментирована зубчатым штампом. На шейке четыре горизонтальные линии, под которыми ряд подтреугольных оттисков.

Погребение 70 (рис. 15, 2) выявлено на восточном участке раскопа, в 1,5 м севернее погребения 65. Это овальная грунтовая яма с подбоем в южную сторону, в которой расчищен скелет женщины преклонного возраста (*Senilis*, более 55 лет), погребенной в сильно скорченной позе, на левом боку, головой к юго-востоку-востоку. Перед умершей лежали кости ног МРС.

Погребение 71 располагалось в центральной части раскопа, в 2 м западнее входа в мавзолей 2. Здесь расчищено безынвентарное захоронение ребенка, похороненного в надматериковом грунте, на левом боку, скорченной, головой к северу.

Погребение 72 (рис. 15, 3) отмечено на юго-западном участке раскопа, в 6 м к юго-востоку от погребения 51. На дне подпрямоугольной ямы,

стенки которой суживались по всему периметру в направлении дна, расчищен скелет зрелого мужчины (Maturus II) возрастом 40–50 лет, погребенного в сильно скорченной позе, на левом боку, головой к северо-востоку. При этом кисти рук подложены под голову. Около шейных позвонков зафиксированы две пастовые бусины, а возле черепа и у колен стояли два лепных сосуда.

Погребальный инвентарь: бусы пастовые двучастные, белого цвета, диаметром 2,5 и 3 мм (рис. 15, 4). Сосуд 1 (рис. 15, 5) – острореберный, с коротким, едва отогнутым наружу венчиком и наибольшим расширением в средней части тулова. Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси песок и шамот. Сосуд не орнаментирован. Сосуд 2 (рис. 15, 6) – острореберный, прямоплечий, с максимальным расширением в верхней части тулова. На плечике ряд косых, небрежно прочерченных отрезков. Внешняя поверхность шероховатая, со следами грубого сглаживания ниже ребра. В примеси заметны песок и шамот.

Погребение 73 (рис. 15, 7) обнаружено на юго-западном участке раскопа, в 2,75 м к юго-востоку от предыдущего захоронения. На дне прямоугольной ямы, несколько ближе к восточной стенке, расчищен скелет взрослого мужчины (Maturus II) возрастом 40–50 лет, погребенного в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к северо-востоку. В юго-западном углу могилы лежали компактно сложенные фаланги человеческих пальцев (всего 6 штук). Вплотную к лицевому отделу черепа стоял лепной баночный сосуд (1). Второй, более крупный (2), был помещен ближе к восточной стене, у колен.

Сосуд 1 (рис. 15, 8) – неорнаментированная прямостенная банка, внешняя поверхность которой хорошо заглажена. В примеси заметны песок и шамот. Сосуд 2 (рис. 15, 9) – закрытая банка с максимальным расширением в верхней части тулова. Внешняя поверхность шероховатая, со сле-

дами грубого сглаживания. В примеси песок и шамот. Под обрезом устья имеется орнамент в виде двурядной «елочки», выполненной зубчатым штампом. Точно такой же опоясывающий ряд расположен чуть ниже наибольшего расширения тулова.

Погребение 74 выявлено на юго-восточном участке раскопа, в пределах правого створа ровика 2, на расстоянии 0,45 м восточнее захоронения 66. Не исключено, что оба комплекса возникли на памятнике одновременно, и предварительно для них готовилась одна площадка на окончании правого створа рва. На дне прямоугольной ямы лежал плохо сохранившийся скелет ребенка, которого похоронили на левом боку в скорченной позе, головой к северу. Положение рук не ясно, ноги подогнуты в коленях. У лица был поставлен слабопрофилированный сосуд с коротким, слабо отогнутым венчиком (рис. 15, 10). С обратной стороны отмечено некое подобие внутреннего ребра. Внешняя поверхность шероховатая, со следами грубого разнонаправленного сглаживания. В примеси заметны песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 75 зафиксировано на юго-восточном участке раскопа, в 1,25 м восточнее погребения 67. Это детское захоронение, устроенное в надматериковом грунте. От скелета ребенка не осталось ни одного объемного фрагмента, лишь точечные вкрапления белесого тлена. Здесь обнаружен баночный прямостенный сосуд (рис. 15, 11). Он асимметричен, с шероховатой внешней поверхностью, с примесью песка и шамота. Не орнаментирован.

Погребение 76 располагалось здесь же, на юго-востоке памятника, в 1 м восточнее предыдущего захоронения. Это такое же детское погребение в надматериковом грунте, где скелет не сохранился. Его уровень отмечен по неполному развалу лепного сосуда баночной формы закрытого профиля, максимальное расширение которого приходилось на нижнюю часть туло-

ва. Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси есть песок и шамот. Сосуд не орнаментирован (рис. 15, 12).

Погребение 77 (рис. 15, 13-А) было обнаружено на восточном участке раскопа, в 3 м к юго-востоку-востоку от семидесятой могилы. Оно было устроено в надматериковом грунте. Детский скелет не сохранился, если не считать пятен костного тлена. Здесь расчищен развал слабопрофилированного сосуда с вертикальным венчиком и округлым туловом (рис. 15, 14). Его внешняя поверхность тщательно заглажена, в примеси заметны песок и шамот. Сосуд не орнаментирован. Этот комплекс частично перекрывал западный край могилы погребения 78.

Погребение 78 (рис. 15, 13-Б) размещалось здесь же, в непосредственной близости от вышеописанного комплекса. Это прямоугольная яма, стенки которой суживались в направлении дна по всему периметру. На дне могилы, в центре, расчищен скелет подростка (*Infantilis II*) возрастом 8–9 лет, похороненного в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к северу. Около восточной стенки ямы компактно лежали четыре путовые кости лошади, в северо-восточном углу стоял лепной слабопрофилированный сосуд с высоким, плавно отогнутым наружу венчиком, четко выделенной шейкой и слегка вогнутым днищем (рис. 15, 17). Внешняя поверхность шероховатая, со следами сглаживания штампом. В примеси заметны включения песка и шамота. Верхняя часть сосуда украшена до линии максимального расширения тулова. Между двумя рядами подтреугольных оттисков гребенчатым штампом нанесены шесть горизонтальных линий. При расчистке черепа подростка обнаружены две бронзовые желобчатые подвески овальной формы, свернутые в 1,5 оборота (рис. 15, 15, 16).

Погребение 79 (рис. 16, 1) выявлено в центральной части раскопа, в 2,5 м западнее северного окончания мавзолея 2. Это грунтовая яма подпрямоугольной формы, стенки которой суживались ко дну по всему пери-

метру. На дне ямы расчищено парное захоронение взрослой женщины (Maturus I) возрастом 30–40 лет и ребенка. Оба были похоронены скорченно, на левом боку, головами к северу. У основания черепа взрослого человека зафиксирован фрагмент бронзовой желобчатой подвески размерами 10 X 4,5 мм (рис. 16, 2), а возле нижней челюсти обломки пастовых бусин, из которых восстановлена только одна (рис. 16, 3). Между черепом младенца и восточной стенкой могилы стоял лепной сосудик с плавно отогнутым наружу венчиком, четко выделенной шейкой и расширенным туловом (рис. 16, 4). Его внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси заметны песок и шамот. На плечике сосуда прочерчены две горизонтальные линии и между ними зигзаг.

Погребение 80 (рис. 16, 5) обнаружено в центральной части раскопа, в 1,5 м к северо-западу от погребения 79. В грунтовой яме, подпрямоугольной формы, стенки которой плавно суживались ко дну, расчищен скелет подростка (Infantilis II) возрастом 10–11 лет, который лежал в скорченной позе на левом боку с завалом на грудь, ориентированный на северо-восток. Между локтями умершего и восточной стенкой ямы лежали 4 альчика МРС.

Погребение 81 располагалось на восточном участке раскопа, в пространстве ровика 2, прорезая его правый створ, в 2,5 м к юго-востоку от погребения 68. Могильная яма трапециевидной формы содержала скелет юной женщины (Juvenis) возрастом 15–18 лет, которую похоронили вплотную к северо-восточной стенке, в скорченной позе, на левом боку, головой к северо-западу. На кистях рук, лежавших перед лицевым отделом черепа, стоял лепной сосуд баночной формы с закрытой профилировкой, наибольшее расширение которого приходится на верхнюю часть тулова. Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси есть песок и шамот. Сосуд не орнаментирован (рис. 16, 6).

Погребение 82 зафиксировано на северо-восточном участке раскопа, в надматериковом грунте. Здесь расчищен скелет ребенка плохой сохранности. По имеющимся останкам достоверно можно говорить лишь о левобочной позе и северо-западной ориентировке. В 0,6 м южнее обнаружена околomoгильная тризна – фрагменты черепа и кости ног МРС. Возле черепа были поставлены два сосуда, выявленные в виде развалов. Сосуд 1 (рис. 16, 7) миниатюрная биконическая баночка с максимальным расширением в средней части тулова. Фактура рыхлая, с примесью песка и шамота. Верхняя часть покрыта орнаментом, выполненным тонким перевитым шнуром, в виде кривой решетки. Сосуд 2 (рис. 16, 8) – вертикальных пропорций, осторереберный, с прямым плечиком и четко выделенной шейкой. Внешняя поверхность шероховатая, с косыми расчесами ниже ребра, в примеси заметны песок и шамот. На шейке и плечике имеется нерегулярный декор в виде различных комбинаций простых и парных углов и крестов.

Погребение 83 было выявлено на северном участке раскопа, в 1,75 м восточнее тридцать третьей могилы. Это детское захоронение, устроенное в надматериковом грунте. От скелета остались лишь обломки черепа, одно крыло таза и бедро, исходя из чего можно заключить, что ребенка похоронили в левобочной скорченности, головой к северу. Около таза, завалившись набок, лежал лепной сосуд с округлым туловом, коротким венчиком и зауженной, относительно днища, горловиной (рис. 16, 9). Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси есть песок и шамот. Верхняя часть украшена тремя зигзагами, выполненными гребенчатым штампом.

Погребение 84 расположено на северном участке раскопа, в 1 м к юго-востоку от захоронения 83, в надматериковом грунте. От скелета ребенка остались обломки нескольких ребер, костей ног и таза, положение которых указывает на левобочную скорченность и северную ориентировку. В 0,2 м севернее зафиксирована околomoгильная тризна – компактно

лежавшие части черепа и кости ног МРС. Около детских костей обнаружены три мелких фрагмента бронзовой трубчатой подвески (рис. 16, 11). У таза лежал лепной сосуд слабопрофилированной формы с коротким вертикальным венчиком и наибольшим расширением в верхней части тулова (рис. 16, 10). Внешняя поверхность шероховатая, в примеси отмечены песок и шамот. Верхняя часть украшена прочерченным орнаментом в виде двух зигзагов, образующих горизонтальный ряд ромбов.

Погребение 85 (рис. 16, 12) вскрыто в центральной части раскопа, в 1 м к северо-северо-востоку от восьмидесятой могилы. Это грунтовая яма овальной формы, стенки которой суживались ко дну по всему периметру. На дне, ближе к западной стенке, лежал скелет подростка (*Infantilis II*) возрастом 8–9 лет, погребенного на левом боку в позе адорации, головой к северо-северо-востоку. Между кистями рук и восточной стенкой ямы стоял баночный прямостенный сосуд, шероховатый, со следами сглаживания наискосок (рис. 16, 13). В примеси заметны песок и шамот. Под неровно обрезанным устьем имеются две горизонтальные линии, выполненные зубчатым штампом.

Погребение 86 (рис. 16, 14) обнаружено на границе северного и центрального участков раскопа, в 3 м севернее предыдущего комплекса. На дне подпрямоугольной грунтовой ямы расчищен скелет ребенка (*Infantilis I*) возрастом 3–4 года, захороненного в скорченной позе, на левом боку, головой к северо-северо-востоку. Против грудного отдела скелета стоял баночный сосуд с максимальным расширением в верхней части тулова (рис. 16, 15). В примеси заметны песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 87 располагалось на центральном участке раскопа, в 1 м к юго-востоку от захоронения 85. Это грунтовая могила подпрямоугольной формы, стенки которой суживались в направлении дна по всему периметру. На дне ямы, ближе к западной стенке, лежал скелет ребенка (*Infantilis I*)

возрастом 4–5 лет, несколько потревоженный, но указывающий на то что первоначальное положение соответствовало левобочной скорченности и северной ориентировке с незначительным склонением к востоку. Напротив лицевого отдела черепа стоял лепной баночный сосуд закрытого профиля с максимальным расширением в верхней части тулова и неровно обрезанным устьем (рис. 16, 16). Внешняя поверхность шероховатая, со следами разнонаправленного сглаживания, в примеси имеются песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 88 (рис. 16, 17) выявлено здесь же, в 0,4 м севернее предыдущего комплекса. Это овальная грунтовая яма с заплечиками по всему периметру, на которых первоначально лежало поперечное перекрытие из деревянных плашек шириной не более 4 см. Их остатки зафиксированы ниже, в заполнении основной камеры. Под ними, на дне ямы, несколько ближе к западной стенке лежал скелет ребенка (*Infantilis I*) возрастом 3–4 лет, погребенного в скорченной позе, на левом боку, головой к северо-северо-востоку. Между средним отделом скелета и восточной стенкой стоял приземистый, подострорреберный сосуд с коротким, слабо отогнутым наружу венчиком и максимальным расширением в средней части тулова. В примеси имеются песок и шамот. Сосуд не орнаментирован (рис. 16, 18).

Погребение 89 (рис. 17, 1) обнаружено на границе центрального и северо-восточного участков раскопа, в 2,5 м восточнее предыдущей могилы. На дне подпрямоугольной ямы с несколько суживающимися стенками расчищен скелет молодой женщины (*Adultus*) возрастом 18–20 лет, погребенной в позе адорации, на левом боку, головой к северо-северо-востоку. У черепа зафиксирован развал лепного сосуда, возле шейных позвонков найдены несколько пастовых бусин и три бронзовых наконечника, при основании черепа и под ним обнаружены две бронзовые височные подвески.

Погребальный инвентарь: бронзовые наконечники (рис. 17, 5-7) – тонко раскованные пластинки удлинненно-овальной формы с пробитыми узкими отверстиями для подвешивания, размерами от 4,9 до 6,3 см. Височные подвески (рис. 17, 3,4) – желобчатые, овальной формы, свернутые в 1,5 оборота, размерами 19 X 13 и 20 X 13,5 мм. Три бусины из белой пасты (рис. 17, 2) – дисковидные, диаметром 3,5–5 мм. Сосуд баночной формы (рис. 17, 8) – не орнаментирован. Профиль слегка прикрытый, устье широкое, его обрез неровный, уплощенный. Внешняя поверхность шероховатая, со следами небрежного сглаживания. В примеси заметны песок и шамот.

Погребение 90 зафиксировано на северо-восточном участке раскопа, в 1,25 м к северо-востоку от захоронения 89. В подквадратной грунтовой яме, стенки которой суживались по всему периметру в направлении дна, расчищен скелет ребенка (*Infantilis I*) возрастом 7–8 лет, похороненного в позе адорации, на левом боку с завалом на грудь, головой к северу. В 0,6 м южнее края могилы выявлена тризна в виде двух компактных скоплений костей МРС. Около колен умершего стоял лепной баночный сосуд закрытого профиля с максимальным расширением в средней части тулова и заметно вогнутым днищем (рис. 17, 9). Внешняя поверхность шероховатая, с обширными кавернами, в примеси отмечены песок и шамот. Под устьем нанесены три горизонтальных ряда мелких зерновидных наколов. Ниже, и только на одной стороне, короткий отрезок таких же насечек. Возле восточной стенки лежали 4 путовые кости лошади.

Погребение 91 выявлено на юго-восточном участке раскопа, на расстоянии в 3,25 м к юго-востоку от захоронения 67. На дне овальной грунтовой ямы, несколько ближе к восточной стенке, лежал скелет ребенка (*Infantilis I*) возрастом 6–7 лет, которого похоронили на левом боку, скорченно, головой к северо-северо-западу. Положение рук не ясно. Перед лицевым отделом черепа зафиксированы кость ноги МРС и баночный, бикони-

ческий сосудик с максимальным расширением в верхней части тулова (рис. 17, 10). Внешняя поверхность тщательно заглажена, в примеси есть песок и шамот. На плечике прочерчен однорядный зигзаг.

Погребение 92 располагалось на северном участке раскопа, в 2,5 м к северо-северо-востоку от тридцать второй могилы. Здесь, в грунтовой яме овальной формы, стенки которой суживались ко дну по всему периметру, расчищен скелет ребенка (Infantilis I) возрастом 6–7 лет, погребенного скорченно, на левом боку с некоторым завалом на грудь, головой к северо-западу. Перед средним отделом скелета стояли два лепных сосуда. Один из них, тот, что поменьше (1), имел реберчатое расширение тулова, короткий венчик, несколько выпуклое плечико. Внешняя поверхность покрыта вертикальными расчесами штампом. Видимо, этим же инструментом на плечико нанесен орнамент – однорядный зигзаг между двумя горизонтальными линиями (рис. 17, 11). Второй сосуд, более крупный (2), слабопрофилированный, с коротким венчиком, шероховатой внешней поверхностью и следами вертикального заглаживания пальцами (рис. 17, 12). Не орнаментирован. В примеси обоих сосудов заметны песок и шамот.

Погребение 93 (рис. 17, 13) обнаружено на центральном участке раскопа, в полуметре к юго-востоку от захоронения 86. В грунтовой могиле трапециевидной формы, восточная стенка которой была оборудована горизонтальной ступенькой, расчищен скелет ребенка (Infantilis I) возрастом 5–6 лет, лежавший у западной стены. Умершего похоронили в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к северу. Около нижней челюсти зафиксированы три пастовые бусины белого цвета, размерами 4,5–5,5 мм (рис. 17, 14) У восточной стенки ямы, против среднего отдела скелета, завалившись набок, лежал лепной баночный сосуд открытой профилировки (рис. 17, 15). Он не орнаментирован, внешняя поверхность шероховатая, с кавернами. В примеси отмечены песок и шамот.

Погребение 94 зафиксировано рядом, в 0,75 м восточнее предыдущего комплекса. В грунтовой подпрямоугольной яме, стенки которой слегка суживались ко дну, расчищен скелет юной женщины (*Juvenis*) возрастом 15–19 лет, захороненной в скорченной позе, на левом боку, головой к северу. Положение рук не установлено, скелет заметно потревожен. В северо-восточном углу могилы, против черепа стоял лепной сосуд подколоколо-видной формы с широким устьем и внутренним ребром с обратной стороны короткого венчика (рис. 17, 16). Внешняя поверхность покрыта вертикальными и горизонтальными расчесами. В примеси заметна толченая раковина. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 95 (рис. 17, 17) выявлено на восточном участке раскопа, в 0,3 м к юго-востоку от погребения 78. На дне подпрямоугольной могилы расчищен скелет молодой женщины (*Juvenis*) возрастом 17–20 лет. Умершую уложили в скорченной позе, на левом боку с сильным завалом на спину, головой к северо-северо-западу. Левая рука плотно сжата в локтевом изгибе и кистью притянута к плечу. Положение правой руки не ясно, но не исключено, что она была протянута к бедрам. В северо-восточном углу ямы, напротив черепа, завалившись набок, лежал лепной слабопрофилированный сосуд с высоким, плавно отогнутым наружу венчиком (рис. 17, 18). Внешняя поверхность шероховатая, в кавернах и трещинах. В примеси отмечены песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 96 обнаружено на юго-восточном участке раскопа, в 1,25 м к северо-востоку от захоронения 91. Очертания и дно овальной могилы были сильно нарушены норами землероев. В центре лежал детский скелет, также потревоженный перекопом. Все же установлено, что ребенка (*Infantis I*) возрастом 3–4 лет похоронили в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к северо-северо-востоку. Погребение безынвентарно.

Погребение 97 (рис. 17, 19) располагалось на северном участке раскопа, в 3,5 м восточнее захоронений 31 и 32. На дне грунтовой ямы трапециевидной формы, расчищен скелет ребенка (*Infantilis I*) возрастом 4–5 лет, который лежал несколько ближе к северо-западной стенке. Ребенок был похоронен в позе адорации, на левом боку, головой к северо-востоку. Кости скелета в двух местах (у шейного и тазового отделов) покрыты слоем однородной глины светло-серого цвета толщиной 1-2 см. На северо-западном краю ямы (снаружи) лежала глиняная жаровня – крупный придонный фрагмент сосуда. Напротив грудного отдела скелета расчищен развал лепного острореберного сосуда с коротким венчиком и вогнутым плечом (рис. 17, 20). Внешняя поверхность шероховатая, с косыми расчесами ниже ребра. В примеси отмечены песок и шамот. По шейке и плечу сосуд орнаментирован трехрядной «елочкой», выполненной коротким гребенчатым штампом.

Погребение 98 зафиксировано на том же участке, в 1 м к юго-востоку от предыдущего комплекса. Это грунтовая яма подпрямоугольной формы, южная стенка которой оборудована горизонтальной карманообразной ступенькой, а северная и восточная немного подбиты. Здесь обнаружен скелет подростка (*Infantilis II*) возрастом 10–12 лет, лежавший несколько ближе к северо-западной стенке, на левом боку, скорченно, головой к северо-востоку. Кисть левой руки перед лицом, правая рука выставлена вперед на уровне пояса.

В северо-восточном углу могилы, против черепа стоял лепной сосуд баночной формы (рис. 17, 22). Профиль банки закрытый, максимальное расширение приходится на верхнюю часть тулова, днище утолщенное, несколько выпуклое. Внешняя поверхность шероховатая, в кавернах. Второй сосуд, поменьше размерами, также баночный, но открытой профилировки, несколько асимметричен и приземист (рис. 17, 21). Поверхность шерохо-

ватая, небрежно сглаженная. Оба сосуда не орнаментированы, в примеси заметны песок и шамот.

Погребение 99 выявлено на юго-восточном участке раскопа, в 1,75 м восточнее девяносто первой могилы. В центре овальной грунтовой ямы лежал плохо сохранившийся скелет ребенка (*Infantilis I*) возрастом 4–5 лет, которого похоронили в скрченной позе, на левом боку, головой к северу. Правая рука выставлена вперед на уровне груди. Перед лицом умершего был поставлен баночный сосуд закрытого профиля с максимальным расширением в средней части тулова (рис. 18, 5). Внешняя поверхность шероховатая, с кавернами, в примеси заметны песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 100 (рис. 18, 1) располагалось на юго-восточном участке раскопа, в системе ровика 2, на расстоянии 1,5 м севернее девяносто шестой могилы. Это обширная грунтовая яма подквадратной формы, которая по всему периметру оснащена узкими заплечиками. На дне ямы, в центре, расчищено парное захоронение двух взрослых людей. Скелет 1 (юная женщина *Juvenis*, возрастом 15–18 лет) лежал ближе к восточной стенке, в скорченной позе адорации, на левом боку с завалом на грудь, головой к северу. Скелет 2 (молодая женщина *Adultus*, возрастом 25–30 лет) находился за спиной первого, ближе к западной стене. Женщину похоронили на левом боку, с такой же северной ориентировкой, в скорченной позе. Кисть правой руки лежала перед лицом, левая выставлена вперед на уровне груди. Перед лицом второго погребенного лежала пястная кость КРС, а у темени, завалившись на бок, лежал баночный сосуд (1). Второй, слабопрофилированный, горшок был поставлен между погребенными, на уровне их голов (2), а третий, также слабопрофилированный, сосуд (3) лежал между первым скелетом и восточной стенкой.

Сосуд 1 (рис. 18, 2) – баночный, закрытого профиля, с максимальным расширением в верхней части тулова и утолщенным днищем. Внешняя поверхность шершавая, с косой штриховкой. В примеси заметны песок и шамот. На плечике имеется однорядный зигзаг, выполненный частозубчатым штампом.

Сосуд 2 (рис. 18, 3) – округлобокий, с вертикальным венчиком и тонким, слегка вогнутым днищем. Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси песок и шамот. На плечике зубчатым штампом нанесены свисающие, косо штрихованные треугольники, на венчике горизонтальный ряд насечек.

Сосуд 3 (рис. 18, 4) – слабопрофилированный, с высоким, плавно отогнутым наружу венчиком, едва намеченной шейкой и утолщенным днищем. Внешняя поверхность шероховатая, с кавернами, в примеси отмечены песок и шамот. Сосуд украшен гребенчатым штампом: по венчику проходит ряд косых отрезков, а по плечу две горизонтальные линии, заштрихованные короткими косыми отрезками.

Погребение 101 выявлено на северо-восточном участке раскопа, в 1,1 м севернее погребения 90, в надматериковом грунте. Это плохо сохранившийся детский скелет (*Infantilis*, возрастом 3–4 лет), о котором достоверно известно, что он лежал в скорченной позе, на левом боку, с северной ориентировкой. Перед умершим зафиксированы два альчика МРС и лепной сосуд баночной формы с закрытой профилировкой (рис. 18, 18). Максимальное расширение тулова приходится на верхнюю часть, дно слегка вогнуто. Внешняя поверхность шероховатая, со следами грубого сглаживания, в примеси замечена толченая раковина. Сосуд орнаментирован зубчатым штампом и подтреугольными оттисками. Это горизонтальные линии и ряды в верхней части сосуда и вертикальные отрезки в придонном пространстве.

Погребение 102 обнаружено на северо-восточном участке раскопа, в 1 м восточнее погребения 90. В грунтовой яме, которая имела форму неправильного овала, расчищен скелет подростка (*Infantilis II*) возрастом 9–10 лет, погребенного в позе адорации, на левом боку, головой к северу. Между тазовым отделом скелета и восточной стенкой могилы зафиксированы два сосуда. Один из них, миниатюрный, баночной формы, похоже, не был даже обожжен (рис. 18, 7). Фактура очень рыхлая и хрупкая, с большим количеством песка. Не орнаментирован. Второй, покрупнее, имел слабопрофилированную форму и короткий, почти вертикальный венчик (рис. 18, 6). Внешняя поверхность шероховатая, грубо сглаженная, с большим количеством обширных каверн. В примеси заметны песок и шамот. Сосуд украшен нерегулярным орнаментом в виде разнонаправленных цепочек мелких наколов и прочерченных линий.

Погребение 103 вскрыто на северо-восточном участке раскопа, в 1,25 м к северо-востоку от предыдущего комплекса. Это неглубокая грунтовая яма подпрямоугольной формы, на дне которой расчищен скелет маленького ребенка (*Infantilis I*) возрастом около 1 года, очень слабой сохранности. Многие части скелета не сохранились, поэтому можно отметить лишь слабую левобочную скорченность и северо-западную ориентировку умершего. В юго-восточном углу могилы, напротив коленей погребенного, зафиксирован неполный развал баночного сосуда с сильно прикрытым профилем и максимальным расширением в верхней половине тулова (рис. 18, 8). Внешняя поверхность шероховатая, с множеством каверн, в примеси отмечены песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 104 находилось на северо-восточном участке раскопа, в системе серповидного ровика 3 (оно прорезало его край на юго-восточном отрезке), всего лишь в полуметре к юго-востоку от предыдущего комплекса. В подпрямоугольной грунтовой яме расчищен скелет ребенка (*Infantilis*

I) возрастом 3–4 лет. Несмотря на плохую сохранность костей, достоверно установлено, что умерший был погребен в скорченной позе, на левом боку, головой к северу. Ноги согнуты в коленях под прямым углом, а скрещенные руки протянуты к коленям. На юго-западном краю ямы зафиксирована околомогильная тризна, в которой отмечены фрагменты черепа и кости ног МРС. Такая же тризна расчищена в полуметре к юго-юго-западу, над окончанием правого створа ровика 3.

В юго-восточном углу могилы, против колен погребенного стоял слабопрофилированный сосуд с коротким, плавно отогнутым наружу венчиком и максимальным расширением в верхней части тулова (рис. 18, 9). На плоском обресе устья заметны ногтевые отпечатки. Ряд таких же отпечатков имеется на шейке сосуда. Внешняя поверхность шероховатая со множеством каверн и отслоек. В примеси есть песок и шамот.

Погребение 105 зафиксировано на восточном участке раскопа, в системе ровика 2, между погребениями 81 и 100. Оно было впущено непосредственно в ров, северный борт которого специально для этого был слегка подбит. Здесь расчищен скелет ребенка (*Infantilis I*) возрастом 3–4 лет, погребенного в скорченной позе, на левом боку с завалом на грудь, головой к северо-востоку. Руки были плотно сжаты в локтях, а их кисти подложены под шею. Перед лицевым отделом черепа стоял лепной баночный сосуд закрытого профиля с наибольшим расширением в верхней части тулова (рис. 18, 10). Внешняя поверхность шероховатая, со следами грубого сглаживания. В примеси заметны песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 106 (рис. 18, 11) выявлено на северном участке раскопа, в 1 м к северо-северо-востоку от погребения 94. Грунтовая яма овальной формы содержала захоронение молодой женщины (*Adultus*) возрастом 18–21 лет, скелет которой лежал на левом боку с сильным завалом на грудь, в

позе адорации, головой к северу. На южном краю ямы зафиксирована околомогильная тризна – фрагменты черепа и кости ног МРС. Около левого локтя погребенного лежали 4 клыка хищного животного с просверленными отверстиями, а между правым плечом и восточной стенкой могилы стояли два лепных сосуда.

Погребальный инвентарь: ожерелье из клыков хищника (рис. 18, 14-17) – скорее всего от разных животных. Три клыка были просверлены по предварительно пропиленным с обеих сторон бороздкам, и лишь один – по естественной поверхности. Длина клыков от 4,15 до 4,5 см, диаметр сверлин 1,5–2 мм. Сосуд 1 (рис. 18, 12) открытая банка с неровно сформованным устьем. Внешняя поверхность шероховатая, с вертикальными расчесами. В примеси песок и шамот. Сосуд 2 (рис. 18, 13) – также баночной формы, но закрытого профиля, с наибольшим расширением в верхней части тулова и толстым дном. В примеси заметны песок и шамот. Оба сосуда не орнаментированы.

Погребение 107 (рис. 19, 1) было обнаружено на юго-восточном участке раскопа, в полуметре восточнее захоронения 100. Это грунтовая яма подпрямоугольной формы, которая была оснащена заплечиками почти по всему периметру. На дне могилы, в центре, лежал скелет молодой женщины (*Adultus*) возрастом 18–20 лет, погребенной в скорченной позе, на левом боку с завалом на грудь, головой к северо-востоку. Кисти рук у подбородка. Около восточной стенки могилы, напротив тазового отдела скелета, стоял баночный сосуд закрытой профилировки с неровно обрезанным устьем и слегка вогнутым дном (рис. 19, 2). Сосуд не орнаментирован. В примеси заметны песок и шамот.

Погребение 108 (рис. 19, 3-4) располагалось на северо-восточном участке раскопа, в полуметре к северо-востоку от сто первой могилы. Эта неглубокая, грунтовая яма подпрямоугольной формы перекрывала более

древнее захоронение 111. В погребении зафиксированы скелеты двух детей разного возраста. Ближе к западной стенке лежал младенец (*Infantilis I*) возрастом менее 1 года, от которого сохранились не все кости, но можно констатировать левобочную скорченность и ориентировку на северо-северо-запад. В центре лежал ребенок постарше, (*Infantilis I*) возрастом 6–7 лет, сохранность костей которого немногим лучше. Его также уложили на левый бок, скорченно, головой к северо-северо-западу. Кисти рук перед лицом. У таза младенца и в ногах подростка лежали кости МРС и здесь же зафиксированы два сосуда.

Сосуд 1 (рис. 19, 4) – малая прямостенная банка с тщательно заглаженной внешней поверхностью. В примеси заметна толченая раковина. Вся поверхность сосуда покрыта сложным нерегулярным орнаментом, напоминающим пиктограмму. В композиции выделяются ряды оттисков короткого штампа, прямые и ломаные линии, цепочка ромбов, прочерченные тонкие линии.

Сосуд 2 (рис. 19, 5) – слабопрофилированный, с вертикальным венчиком. Внешняя поверхность шероховатая, в примеси песок и толченая раковина. Сосуд украшен косыми гребенчатыми отрезками и подтреугольными оттисками.

Погребение 109 выявлено на северо-восточном участке раскопа, в 2 м к северо-востоку от предыдущего комплекса, в системе серповидного ровика 3. На дне могилы подпрямоугольной формы расчищен детский скелет слабой сохранности. Ребенка (*Infantilis I*) возрастом 3–4 лет похоронили в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к северо-северо-востоку. Около локтя лежала путовая кость лошади, а между черепом умершего и восточной стенкой могилы расчищен неполный развал баночного сосуда закрытой профилировки (рис. 19, 6). Внешняя поверхность

шероховатая, бугристая, в примеси отмечены песок и шамот. Под устьем имеется неровная линия ногтевых отпечатков.

Погребение 110 (рис. 19, 7) зафиксировано на восточном участке раскопа, в системе ровика 2, в 1,5 м к северо-западу от сто седьмой могилы. Оно было впущено непосредственно в ров, значительно расширив и углубив его северный отрезок. Это обширная яма подквадратной формы, на дне которой расчищен скелет молодого, очень крупного мужчины (*Adultus*) возрастом 20–25 лет, погребенного в скорченной позе, на левом боку, головой к северо-северо-востоку. Левая рука плотно сжата в локте, кисть у плеча, правая выставлена вперед на уровне груди. За спиной погребенного, под пяточной костью и перед тазовым отделом скелета отмечены участки белесого растительного тлена от подстилки. Возле его рук зафиксированы два лепных сосуда и два ребра МРС. Сосуд 1 (рис. 19, 8) – слабопрофилированный, с коротким венчиком, очень тщательно заглаженный по всей поверхности. В примеси есть песок и шамот. Сосуд 2 (рис. 19, 9) – остро-реберный, с выпуклым плечиком, тщательно заглаженный, с примесью песка и шамота. Оба сосуда не орнаментированы.

Погребение 111 (рис. 19, 3-Б) выявлено в центре пространства, окруженного серповидным ровиком 3, после снятия комплекса погребения 108, перекрывавшего эту, более древнюю, могилу. На дне грунтовой подпрямоугольной ямы расчищен скелет взрослой женщины (*Maturus I*) возрастом 30–40 лет, погребенной в скорченной позе, на левом боку с завалом на грудь, головой к северо-востоку-востоку. Руки протянуты к бедрам. Перед лицевым отделом черепа компактным блоком были уложены голова и ноги МРС.

Погребение 112 (рис. 20, 1) вскрыто на северном участке раскопа. Оно занимало центр пространства, ограниченного кольцевидным ровиком 4. Ближайшим к нему захоронением является могила 97. Она расположена

в 2,75 м к юго-западу. В грунтовой яме овальной формы расчищен скелет подростка (*Infantilis II*) возрастом 12–13 лет, которого похоронили в сильно скорченной позе адорации, на левом боку, головой к юго-востоку. Перед погребенным лежали кости ноги МРС в естественном сочленении.

Погребение 113 (рис. 20, 2) обнаружено на юго-восточном участке могильника, в 5 м к юго-востоку от захоронения 99. На дне грунтовой ямы подпрямоугольной формы, стенки которой суживались почти по всему периметру, расчищен скелет подростка, погребенного в скорченной позе, на левом боку, головой к северу. Кисть правой руки у подбородка, левая рука выставлена вперед на уровне груди. Перед лицевым отделом черепа зафиксированы два сосуда. Они однотипны, и разница лишь в размерах (рис. 20, 3,4). Это прямостенные, неорнаментированные банки приземистых пропорций, с утолщенными днищами. Внешняя поверхность сосудов шероховатая, в примеси заметны песок и шамот.

Погребение 114 (рис. 20, 5) отмечено на юго-восточном участке раскопа, в 3,5 м восточнее погребения 96. Это глубокая овальная яма, стенки которой были несколько подбиты почти по всему периметру. На дне лежал скелет подростка (*Infantilis II*) возрастом 8–9 лет, погребенного в позе адорации, на левом боку с завалом на грудь, головой к северу. Перед лицевым отделом черепа стоял слабопрофилированный сосуд с вертикальным венчиком. Второй сосуд, баночной формы и гораздо меньших размеров, находился у локтя.

Сосуд 1 (рис. 20, 7) – слабопрофилированный, с коротким вертикальным венчиком. Внешняя поверхность шероховатая, в примеси заметны песок и шамот. Сосуд 2 (рис. 20, 6) – миниатюрная прямостенная баночка с шероховатой поверхностью и примесями песка и шамота. Оба сосуда неорнаментированы.

Погребение 115 (рис. 20, 8) зафиксировано здесь же, в 0,75 м севернее предыдущего комплекса. Это оригинальная могила, которая, возможно, является имитацией подбойной конструкции. Первоначально на небольшую глубину вырыли подквадратную яму, после чего значительно углубили ее западную половину, придавая погребальной камере овальные очертания. Стенки камеры несколько подбиты по всему периметру. На дне расчищен скелет подростка (*Infantilis II*) возрастом 10–11 лет, которого похоронили на левом боку, скорченно, головой к северу. Кисть левой руки лежала перед лицом, правая выставлена вперед на уровне груди.

Вплотную к лицевому отделу черепа стоял слабопрофилированный сосуд с коротким вертикальным венчиком (рис. 20, 10). Он не орнаментирован. Внешняя поверхность шершавая, небрежно заглаженная. В примеси заметны песок и шамот. Второй сосуд стоял у локтевого сгиба погребенного. Это миниатюрная прямостенная баночка с неустойчивым выпуклым дном (рис. 20, 9). В примеси есть песок и шамот. Сосуд не орнаментирован.

Погребение 116 (рис. 20, 11) располагалось на восточном краю раскопа, на расстоянии 3,25 м восточнее захоронения 95. Оно устроено в глубокой, подпрямоугольной яме, стенки которой суживались ко дну почти по всему периметру. Здесь расчищен скелет мужчины почтенного возраста (*Maturus II*, 45–55 лет), погребенного в сильно скорченной позе, на левом боку с завалом на грудь, головой к северо-востоку.

Между черепом и восточной стенкой могилы стоял неорнаментированный сосуд баночной формы (рис. 20, 12). Его внешняя поверхность покрыта полосами небрежного сглаживания. В примеси замечены песок и шамот. Второй сосуд зафиксирован у правого плеча. Он имеет округлобокую форму с высоким венчиком и зауженной горловиной (рис. 20, 13).

Внешняя поверхность хорошо заглажена, в примеси песок и шамот. Сосуд не орнаментирован. Между горшками лежала раздробленная лопатка МРС.

Погребение 117 (рис. 20, 14) было выявлено на восточном участке раскопа, в 2,5 м восточнее сто шестнадцатой могилы. Оно относится к системе аморфного ровика 5, впущено непосредственно в его центральный отрезок. Грунтовая яма овальной формы, стенки которой несколько суживались ко дну почти по всему периметру, содержала захоронение подростка (*Infantilis II*) возрастом 10–11 лет. Его похоронили в скорченной позе, на левом боку, с сильным завалом на грудь, головой к северо-северо-востоку. Череп умершего развернут в обратную сторону, лицевым отделом к северо-северо-западу (возможно, в результате декапитации).

Перед погребенным стояли два баночных сосуда. Сосуд 1 (рис. 20, 16) – миниатюрная закрытая баночка с максимальным расширением в верхней части тулова и слегка вогнутым днищем. На одной стороне сосуда тонким острием начертаны ломаная линия и короткий косой отрезок. Внешняя поверхность шершавая, в примеси песок и шамот. Сосуд 2 (рис. 20, 17) – прямостенная банка средних пропорций, несколько асимметричная, с вогнутым днищем. В качестве отощителей здесь отмечены песок и шамот. Сосуд не орнаментирован. У основания черепа зафиксирована белая пастовая бусина, дисковидной формы, диаметром 4 мм (рис. 20, 15).

Погребение 118 (рис. 21, 1) размещалось на восточном участке раскопа, в 1 м к северо-востоку от 115 могилы. Примечательно, что у них несколько схожи погребальные конструкции в стремлении имитировать именно идею подбоя. Здесь вначале было подготовлено аморфное углубление, а затем в его западной половине вырыли подпрямоугольную яму с заплечиками. На дне лежал скелет молодого мужчины (*Adultus*) возрастом 20–25 лет, в позе адорации, на левом боку, с некоторым завалом на грудь, головой к северо-востоку. Погребение оказалось безынвентарным.

Погребение 119 (рис. 21, 2) вскрыто на юго-восточном участке раскопа, в 2 м восточнее захоронения 114. Это подпрямоугольная грунтовая яма, стенки которой суживались ко дну по всему периметру. Здесь расчищен скелет мужчины почтенного возраста (*Maturus II*, 45–55 лет), погребенного в позе адорации, на левом боку, головой к северо-северо-востоку. В северо-восточном углу могилы, против черепа умершего стоял баночный биконический сосуд с максимальным расширением в верхней части тулова (рис. 21, 4). Второй сосуд, поменьше размерами, зафиксирован в виде развала около левого предплечья. Это прямостенная банка с шероховатой внешней поверхностью (рис. 21, 3). Оба сосуда не орнаментированы. В качестве отощителей в их фактуре присутствуют песок и шамот.

Погребение 120 отмечено на юго-восточном участке раскопа, в 1 м восточнее погребения 113. Здесь, на дне неглубокой овальной ямки, стенки которой суживались по всему периметру, расчищен плохо сохранившийся скелет ребенка. По имеющимся фрагментам заметно, что его похоронили на левом боку, в слабо скорченной позе, головой к северо-северо-востоку. Руки выставлены вперед на уровне пояса.

Около восточной стенки, перед умершим стояли два сосуда. Сосуд 1 (рис. 21, 5) – миниатюрная банка с закрытой профилировкой и округлым туловом. Дно слегка вогнуто. Внешняя поверхность шершавая, со следами грубого сглаживания. Сосуд 2 (рис. 21, 6) – биконическая банка с максимальным расширением в верхней части тулова и слегка вогнутым днищем. Оба сосуда не орнаментированы. В примеси отмечены песок и шамот.

Погребение 121 выявлено на восточном участке раскопа, в 1,5 м к юго-востоку от 117 захоронения. В грунтовой яме овальной формы, стенки которой суживались ко дну по всему периметру, обнаружен детский скелет плохой сохранности. Установлено, что ребенка похоронили в скорченной позе, на левом боку, головой к северо-востоку. Кости рук не сохранились.

Перед умершим стояли два лепных сосуда, а за его спиной, возле западной стенки, найден фрагмент каменного абразива. Сосуд 1 (рис. 21, 7) – средних пропорций, слабопрофилированный, с коротким венчиком и максимальным расширением в верхней части тулова, был орнаментирован зубчатым зигзагом и каплевидными насечками, заполнявшими его пространства. Внешняя поверхность хорошо заглажена. В примеси заметны песок и шамот. В заполнении горшка обнаружена кость КРС. Сосуд 2 (рис. 21, 8) – миниатюрная закрытая баночка с толстыми стенками и широким дном. Не орнаментирован. В качестве отощителей отмечены песок и шамот. Обломок оселка из мелкозернистого серого песчаника имеет форму неправильного пятиугольника размерами 5 X 3,5 см. На всех поверхностях заметны следы сработанности (рис. 21, 9).

Погребение 122 (рис. 21, 10) было обнаружено на восточном участке раскопа, в 1,5 м восточнее захоронения 118. По-видимому, здесь мы также имеем дело с имитацией подбойной могилы, поскольку в конструкции четко прослеживаются погребальная камера неправильной овальной формы, стенки которой суживаются по всему периметру, и рудимент входной ямы, более напоминающий карманообразную ступеньку в западной части комплекса. На дне ямы расчищен скелет ребенка, погребенного в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к северо-востоку.

Перед умершим стояли два лепных сосуда. Сосуд 1 (рис. 21, 11) – закрытая банка средних пропорций с максимальным расширением в средней части тулова. На плечике – горизонтальный ряд коротких оттисков гребенчатого штампа. Внешняя поверхность шершавая, в примеси есть песок и шамот. Сосуд 2 (рис. 21, 12) – миниатюрная баночка открытого профиля. Поверхность шероховатая, в примеси песок и шамот. Не орнаментирован.

Погребение 123 зафиксировано на юго-восточном участке раскопа, в 3 м к юго-востоку от 119 могилы. На дне овальной грунтовой ямы, стенки

которой суживались по всему периметру, расчищен скелет ребенка (*Infantis I*) возрастом менее 1 года, захороненного в позе адорации, на левом боку, головой к северо-востоку.

У головы умершего стоял закрытый баночный сосуд (1) с наибольшим расширением в верхней части тулова (рис. 21, 13). Другой сосуд (2), меньших размеров, выявлен около рук погребенного. Это также баночный сосуд, но прямостенного типа (рис. 21, 14). Оба горшка не орнаментированы. В примеси присутствуют песок и шамот.

Погребение 124 (рис. 22, 1) одиноко располагалось на северо-восточном участке раскопа, на расстоянии в 10 м севернее захоронения 121. В прямоугольной могиле расчищен скелет взрослого мужчины (*Matus II*) возрастом 40–50 лет, погребенного на левом боку, скорченно, головой к северо-востоку. Кисть левой руки подложена под голову, правая — перед лобным отделом черепа.

Около рук зафиксированы несколько ребер МРС и лепной баночный сосуд прямостенного типа (рис. 22, 2). Верхняя часть сосуда украшена прорезанным зигзагом. Внешняя поверхность тщательно заглажена, в примеси отмечены песок и шамот. Возле стоп умершего найден фрагмент бронзовой иглы (или шильца) овального сечения (рис. 22, 3). Длина обломка 1,8 см.

Погребение 125 было вскрыто на юго-восточном участке раскопа, в 2 м к юго-востоку от погребения 123. В неглубокой грунтовой яме прямоугольной формы расчищен несколько потревоженный скелет ребенка (*Infantis I*) возрастом 6–7 лет. По положению костей скелета установлено, что ребенка похоронили в скорченной позе, на левом боку с сильным завалом на грудь, головой к северо-востоку. Положение рук не ясно.

Перед лицевым отделом черепа зафиксирован миниатюрный баночный сосуд прямостенного типа (рис. 22, 4). Он неорнаментирован, очень

тщательно заглажен. Его особенностью является зауженное доньшко. Второй сосуд, более крупный, стоял чуть южнее, на локтевом окончании правого плеча. Это слабопрофилированный горшок с коротким вертикальным венчиком (рис. 22, 5). Он также неорнаментирован, но ниже максимального расширения тулова, которое приходится на среднюю часть, его внешняя поверхность покрыта вертикальными расчесами. В примеси сосудов заметны песок и шамот.

Погребение 126 открыто на юго-восточном участке раскопа, в 2 м к юго-западу от предыдущего 125 захоронения. Это грунтовая яма неправильно-овальной формы, в которой расчищен скелет ребенка (*Infantilis I*) возрастом 5–6 лет, погребенного в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к северо-востоку.

Под черепом зафиксирована подсыпка из мелких угольков. У лобного отдела черепа, привалившись, стоял слабопрофилированный сосуд с коротким венчиком (рис. 22, 6). У него шероховатая внешняя поверхность, в примеси заметны песок и шамот. Сосуд не орнаментирован. Второй сосуд, покрупнее размерами, обнаружен возле локтевого сгиба. Это неорнаментированная закрытая банка с максимальным расширением в верхней части тулова (рис. 22, 7). В примеси отмечены песок и шамот. Между сосудами лежала кость МРС, а за тазом умершего, около западной стенки – обломок створки речной раковины *unio*.

Погребение 127 (рис. 22, 8) выявлено на юго-восточном участке раскопа, в 1 м к юго-востоку от предыдущей могилы. Это округлая яма, подбитая у дна в северо-западной части своего периметра. Первоначально могила имела овальную форму, но со временем северо-восточный и юго-западный края обвалились до среднего уровня ее глубины. На дне ямы лежал скелет взрослой женщины, погребенной в скорченной позе адорации,

на левом боку с завалом на грудь, головой к северо-западу, именно в ту сторону, которая подбита, наподобие карманообразной ниши.

У грудного отдела скелета, завалившись набок, лежал миниатюрный баночный сосуд прямостенного типа (рис. 22, 9). Он неорнаментирован, шероховат, со штриховкой косоугольного сглаживания. Под устьем – следы нагара. В примеси заметны песок и шамот. У основания черепа зафиксирована бронзовая височная подвеска, свернутая в 1,5 оборота (рис. 22, 10). Она относится к типу желобчатых подвесок удлиненно-овальной формы. Размеры украшения 4 X 1,7 см. На запястье правой руки сохранились 4 обломка бронзового желобчатого браслета (рис. 22, 11, 12). Между локтем и восточной стенкой лежало ребро МРС.

Погребение 128 (рис. 22, 13) находилось на юго-восточном участке раскопа, в 3,5 м от погребения 122. В подпрямоугольной грунтовой яме расчищен скелет мужчины преклонного возраста (*Senilis*, 55–60 лет), погребенного в сильно скорченной позе, на правом боку с завалом на грудь, головой к юго-западу. Левая рука согнута под прямым углом и вывернута локтем вперед, кисть у голени. Стопа левой ноги неестественно развернута назад. Погребение оказалось безынвентарным.

Погребение 129 обнаружено на юго-восточном участке раскопа, в 3 м к северо-востоку от захоронения 125. На дне неглубокой грунтовой ямы расчищен скелет ребенка (*Infantilis II*) возрастом 8–9 лет, который был похоронен в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к северо-западу.

Между умершим и северо-восточной стенкой могилы зафиксированы два лепных сосуда. Сосуд 1 (рис. 22, 15) – миниатюрная банка прямостенного типа, украшенная насечками по обрезу устья и такими же насечками, построенными в виде свисающих треугольников, в верхней половине тулова. В примеси отметим песок и шамот. Сосуд 2 (рис. 22, 14) – закрытая

банка средних пропорций с максимальным расширением в верхней части тулова. На плечике имеются косые расчесы, ниже наибольшего расширения - вертикальные полосы грубого сглаживания. В примеси – песок и шмот.

Погребение 130 (рис. 22, 16) – самое восточное в раскопе. Оно располагалось в 1,5 м к юго-востоку от захоронения 128. Это грунтовая яма подпрямоугольной формы, стенки которой расширялись ко дну по всему периметру. Здесь расчищено безынвентарное захоронение взрослого мужчины (Matugus I) возрастом 30–40 лет, погребенного в нестандартной позе – ничком на груди. Умерший ориентирован головой на север, при этом лицо повернуто назад, в западную сторону. Руки согнуты в локтях, кисти – под грудиной.

Погребение 131 (рис. 22, 17) выявлено на восточном участке раскопа, в 3 м севернее захоронения 128. В тесной овальной яме, стенки которой суживались ко дну по всему периметру, в сильно скорченной позе лежал скелет взрослого человека. Он был похоронен на левом боку, его голова упиралась в северо-восточный угол могилы, запястье левой руки перед лицом, правая протянута к коленям. За головой, у северной короткой стенки, в 20 см выше дна могилы, лежали два фрагмента керамики и отщеп окремнелого известняка (рис. 22, 18).

ГЛАВА 2

Формализованный анализ материалов могильника

Формализованный подход к описанию и анализу массовых археологических материалов – наиболее удобен как рабочий инструмент. В археологии до сих пор нет единого методического алгоритма, который подходил бы абсолютно ко всем эпохам или даже известным культурам. Исследователями предпринимались неоднократные попытки создания универсальных кодов для обработки погребального обряда и крупных массивов керамики или инвентаря. Они неплохо работают на региональном уровне в рамках отдельных археологических культур, оптимальны при анализе и сравнении единых комплексов [Каменецкий И.С., 1983; он же, 1986; Андреева М.В., 1989].

Смеловский могильник представляет собой один из крупнейших памятников среди известных грунтовых кладбищ бронзового века Евразии, и это создает известные трудности при описании и оценке массовых показателей погребальной обрядности и инвентаря. В известной степени справиться с этой задачей помогает сведение множественных данных в статистические таблицы (приложения 1–3), что заметно сокращает монотонные текстовые описания погребений и параметров инвентаря. Но анализ индивидуальных особенностей, эволюционных изменений, межкультурной контактности исследуемых комплексов невозможен без создания типологических схем, рассчитанных именно на данный памятник.

Типология погребальных сооружений

Погребальные сооружения – очень важная культуuroобразующая категория признаков. Формы могильных ям, детали их оснащения, ориентировки – прямо или косвенно дают исследователям основания для уточнения культурно-хронологических привязок исследуемых комплексов. Поэтому формальный анализ данного вида полученной при раскопках информации всегда присутствует как в отчетной документации, так и в научных публикациях погребальных памятников.

В ходе исследований Смеловского могильника зафиксированы разнообразные формы материковых ям, содержавших захоронения людей. По внешним признакам они дифференцированы на 10 типов, внутри которых наблюдаются варианты, различающиеся по деталям оснащения. Эти детали могут быть весьма вариативны, но принципиальная значимость ведущего признака при этом не нарушается (рис. 27–29). Основная задача данного вида формального анализа – верно определить значимый признак выделяемого типа.

1. Прямоугольная яма – тип, в котором значимым признаком является четкое оформление углов могилы. Процентное содержание этого типа в общем массиве невелико, всего 4,67% (рис. 27). Здесь различаются только два варианта – ямы с вертикальными стенками (1) и ямы, стенки которых несколько суживаются в направлении дна могилы по всему периметру (вариант 1.1.).

2. Прямоугольная яма с округленными углами – наиболее часто встречающаяся форма (41,12%). Этот тип морфологически близок предыдущему, но значимый признак здесь – это именно то, что их отличает друг от друга, принципиальное скругление углов могилы (рис. 27). В рамках типа различаются 6 вариантов: ямы с вертикальными стенками (2); ямы с зауженными стенками по всему периметру (2.1.); ямы с заплечиками (сту-

пеньками) в продольных стенках (2.2.); ямы с расширяющимися (слегка подбитыми) короткими стенками (2.3.); ямы, одна короткая стенка которых суживается в направлении дна, а вторая короткая стенка слегка подбита (2.4.); ямы, стенки которых расширяются (слегка подбиты) в направлении дна по всему периметру (2.5).

3. Квадратная яма с округленными углами – тип, значимым признаком которого является именно форма могилы, соответствующая квадрату или максимально близкая данному показателю (рис. 27). Процентное содержание этого типа – 4,67%. Здесь различаются 2 варианта: яма с вертикальными стенками (3); яма, стенки которой суживаются в направлении дна по всему периметру (3.1.).

4. Трапециевидная яма с округленными углами и вертикальными стенками (рис. 28). Значимый признак здесь – это, прежде всего, сама форма могилы, хотя скругленность углов и вертикальность стенок также отмечаются во всех вариантах. Вариативность отмечена только в ориентировках продольной оси этих ям. Содержание их невелико – 5,6%. Выделены два варианта: ямы с меридиональной ориентировкой продольной оси (4); ямы с широтной ориентировкой продольной оси (4.1.).

5. Овальная яма – тип, значимым признаком которого является именно форма могилы (рис. 28). Это довольно представительная выборка, составляющая в общем массиве 19,62%. По оснащению стен здесь различаются три варианта: ямы с вертикальными стенками (5); ямы, стенки которых суживаются в направлении дна по всему периметру (5.1.); ямы, стенки которых оснащены заплечиками (ступенькой) по всему периметру (5.2).

6. Ямы с подбоями или подбитыми стенками, имитирующими подбой (рис. 28). Значимым признаком данного типа является наличие подбоя в классическом виде или в фазе угасания основного принципа. Это не просто нарушение вертикальности стенок при рытье могилы, как отмечено для

вариантов 2.3., 2.4. и 2.5., а именно конструктивная особенность погребального сооружения. Как наиболее сложная форма этот тип особенно вариативен и сравнительно представителен (10,28%). Весьма различны такие могилы по формам входных ям (прямоугольная с округленными углами, овальная, круглая), по размерам и направленности подбоев, по наличию или отсутствию ступеньки и деревянного заклада, разделяющих входную яму и погребальную камеру. Отчетливо различимы 7 вариантов подбойных конструкций: прямоугольная яма со ступенькой и обширным подбоем в западной стене (6); овальная яма с широтной ориентировкой, короткой ступенькой и малым подбоем в северной продольной стене (6.1.); прямоугольная яма со ступенькой, деревянным закладом и глубоким подбоем в восточной стене (6.2.); круглая яма без ступенек, со стенками, значительно подбитыми по всему периметру (6.3.); прямоугольная яма без ступенек, со стенками, значительно подбитыми по всему периметру (6.4); прямоугольная яма без ступеньки, со значительно подбитой северной короткой стенкой (6.5.); овальная яма без ступеньки, со значительно подбитой восточной продольной стенкой (6.6.).

7. Круглая яма – тип, в котором значимым признаком является именно форма могилы (рис. 28). Такие ямы редки (4,67%). Различаются всего 2 варианта: ямы с вертикальными стенками (7); ямы, стенки которых суживаются в направлении дна могилы (7.1.).

8. Яма со ступенькой в короткой стенке (рис. 29). При очень малом содержании данного типа в общем массиве (2,8%), он, к тому же, крайне маловариативен. Это всегда прямоугольные ямы с округленными углами, и значимым признаком здесь является именно наличие ступеньки в короткой стенке. Отличие наблюдается только в ориентировке продольных осей ям, в зависимости от которой различными становятся местоположения ступенек, и если рассматривать данный тип как реминисценцию подбойной кон-

струкции, то это уже разные направления входа в погребальную камеру, что представляется весьма существенным в сакральной обрядности. Выделены 2 варианта: яма с меридиональной ориентировкой и ступенькой в южной короткой стене (8); яма с широтной ориентировкой и ступенькой в западной короткой стене (8.1.).

9. Ямы со ступеньками в продольных стенках (рис. 29). Значимый признак данного типа – наличие одной ступеньки в продольной (причем, именно восточной) стене могилы. Процентное содержание типа невелико – 3,73%, его вариативность выражается в неустойчивости самой формы могилы (прямоугольная, овальная, трапециевидная). Различаются 4 варианта: яма прямоугольной формы с округленными углами и узкой ступенькой (9); овально-прямоугольная яма с узкой ступенькой (9.1.); овальная яма с широкой ступенькой (9.2.); яма прямоугольной формы с округленными углами и широкой, слегка пологой ступенькой (9.3.).

10. Ямы с тамбурами (рис. 29). Здесь значимый признак – это прилегающий к могиле, чаще по ломаной оси, пологий или ступенчатый узкий тамбур, напоминающий вход. При крайне малом содержании (2,8%) этот тип вариативен, и каждый из 3 вариантов представлен конкретным комплексом: прямоугольная яма с округленными углами и пологим трапециевидным тамбуром (10); прямоугольная яма с округленными углами, узкой ступенькой в западной стенке и пологим прямоугольным тамбуром (10.1.); квадратная яма с округленными углами, узкой ступенькой в западной стенке и ступенчатым тамбуром параболической формы (10.2.).

Рассмотренные типы могильных сооружений можно также условно разделить на простые и сложные формы. Различные варианты простых типов (прямоугольные, квадратные, трапециевидные, овальные, круглые) характерны для многих культур эпохи бронзы, наименее вариативны и, видимо, более соответственны канонизированным сакральным идеологемам.

Возникая однажды, причем в самых архаичных срезах исторической диахронии, на переломах развития идеологии они могут видоизменяться, усложняясь и приобретая самые причудливые детали оснащения, но в периоды стабильности вновь возвращаются, как наиболее оптимальные и наименее трудозатратные.

Сложные типы погребальных конструкций представлены в Смеловке наибольшим количеством вариантов и, по-видимому, отражают процесс деградации подбойных могил от классических вариантов с подбоями, закладами и ступенями (6.2., б) через сокращение размеров подбоя (6.1.) к бесступенчатым ямам с малыми подбоями и имитациями (6.3.–6.6.). Возможно, дальнейшая линия нивелировки подбойной традиции выразилась в появлении простых ям со ступенями и тамбурами (типы 8–10).

Положения умерших

Положения умерших – не менее важная категория информации. Наряду с могильными конструкциями они, с учетом пространственной ориентировки скелетов, хорошо диагностируют культурно-хронологические позиции погребальных комплексов. В Смеловке зафиксированы 6 основных типов положений скелетов, вариативность которых различна (рис. 30).

1. Подавляющее большинство в могильнике составляют захоронения со скелетами, скорченными на левом боку (71,29%). Скорченность строго на левом боку – это ведущий для данного типа, особо значимый признак. Здесь выделены 5 вариантов, которые различаются только по положениям рук: классическая для срубной культуры «поза адорации» с руками перед лицом (1); нарушенная «поза адорации», в которой левая рука перед лицом, а предплечье правой руки лежит на левом плече (1.1.); нарушенная «поза адорации» – левая рука перед лицом, правая выставлена вперед и протянута кистью к левому локтю (1.2.); классическая для степных куль-

тур средней бронзы «поза скачущего всадника» с руками, подогнутыми в локтях и протянутыми к коленям (1.3.); нарушенная «поза всадника» – обе руки протянуты к коленям, но левый локоть вывернут вперед (1.4.).

2. Тип положения, очень близкий предыдущему, – скорченная поза на левом боку с заметным завалом на грудь, что является значимым признаком. Содержание данного типа также весьма представительно (17,59%), и в совокупности с предыдущим типом эта деталь обрядности полностью приводит наш памятник в соответствие с основной традицией эпохи поздней бронзы. В рамках второго типа, также по положениям рук, различаются 4 варианта: близкая варианту 1 «поза адорации» с обеими руками перед лицом (2); несколько нарушенная «поза адорации», в которой при завале на грудь правое плечо лежит поверх резко согнутой левой руки (2.1.); нарушенная «поза адорации», правая рука перед лицом, левая под грудью, кистью протянута к коленям (2.2.); близкая варианту 1.4. нарушенная «поза скачущего всадника», при которой обе руки протянуты к коленям, но левая вывернута локтем вперед (2.3.).

3. Скорченное положение на правом боку (значимый признак) составляет в общем массиве всего 2,77%. Здесь отмечены лишь 2 варианта, различающиеся положением рук: правобочная адорация (3) и сильная скорченность на правом боку с некоторым завалом на грудь, при которой локоть левой руки резко выставлен вперед за коленные сочленения, предплечье параллельно голени, а кисть направлена к стопам, которые, к тому же, неестественно вывернуты назад (3.1.).

4. Скорченное положение на груди (значимый признак) также составляет всего 2,77%. Зафиксированы 3 варианта, различающиеся положением головы, рук и ног: поза, при которой голова лежит на левом височном отделе, локти расставлены в стороны, кисти под корпусом на уровне пояса, ноги подогнуты в коленях влево (4); поза, при которой голова лежит

на правом височном отделе, локти расставлены в стороны, кисти под корпусом на уровне груди, ноги подогнуты в коленях влево (4.1.); абсолютно нестандартная поза, при которой голова лежит на лицевом отделе, локти плотно прижаты к корпусу, кисти рук под ключицами, правая нога почти протянута, левая резко согнута в колене, стопа возле таза (4.2.).

5. Положение на спине (значимый признак) с таким же малым процентным содержанием (2,77%). Три варианта данного типа различаются степенью скорченности (от сильной до почти вытянутого положения), позициями рук и ног: скорченная поза, при которой руки согнуты в локтях, а кисти перекрещены в области груди, ноги подогнуты в коленях влево (5); скорченная поза, при которой ноги подогнуты в коленях влево, левая рука у головы, а кисть правой руки протянута вдоль бедра к коленям (5.1.); вытянутая поза, при которой левая рука протянута вдоль корпуса, правая слабо согнута, кисть на поясе, голени скрещены (5.2.).

6. Близкое типам 1 и 2 положение на левом боку с завалом на спину составляет 2,77%. Значимым признаком здесь является спинное отклонение от строго левобочной скорченности. Одновременно это и варианты нарушенной адорации. Выделены два варианта: поза, при которой обе руки резко согнуты в локтях, левая кисть у лица, правая – на верхней части левого плеча (6); левобочная скорченность с завалом на спину, при которой левая кисть у лица, правая протянута к левому локтю (6.1.).

Безусловно, формализация анализа предполагает скрупулезную дифференциацию массива на возможно большее число вариантов, при которой значимы абсолютно все отклонения от известных стандартов. Вместе с тем, здесь следует учитывать всевозможные, далекие от реальной обрядовости, искажения сакральных положений умерших в результате распада органических тканей, деятельности мелких землероев, подвижки грунтов, заполняющих могилы. Но вполне очевидно, что мы вправе обратить вни-

мание на устойчиво стандартную левобочную скорченность, выделяя здесь «позу адорации» и «позу скачущего всадника» со всеми незначительными отклонениями в положениях рук и завалами корпуса (типы 1, 2, 6). Аномальными на их фоне выглядят типы 3, 4, 5 (захоронения на правом боку, на груди, на спине), которые весьма любопытны как особые случаи в развитии погребальной идеологии.

Классификация керамики

Представленная здесь классификация основана на многолетних работах автора по систематизации керамики срубных поселений и погребальных комплексов Нижнего Поволжья [Лопатин В.А., 1987; он же, 1991; он же, 2002. С. 38–42; он же, Филимонова С.А., 2003]. Первые классификационные опыты с керамикой из погребений Смеловского могильника были представлены вскоре после завершения полевых работ на памятнике [Лопатин В.А., Шамгуллина С.А., 2000; Лопатин В.А., Филимонова С.А., 2001]. В основе анализа и систематизации смеловской керамики – методика так называемого «аналитического» подхода, предложенная А.А. Бобринским [Бобринский А.А., 1986. С. 137]. Данный метод наиболее удобен в работе с керамическими комплексами, в которых отсутствуют твердые стандарты форм сосудов, что в целом характерно для культур бронзового века.

Суть формализации анализа заключается в использовании геометрической модели абстрактного сосуда в качестве оперативной матрицы. В данном случае фронтальное изображение сосуда рассматривается в составной комбинации нескольких геометрических фигур (рис. 31-Б). Формально каждая из фигур любой комбинации в рамках модели может соответствовать технологическому компоненту реального лепного сосуда. Чем больше фигур (компонентов) в модели (реальном сосуде), тем сложнее

форма. С данным положением связан первый уровень классификации керамического комплекса по степени сложности форм сосудов [Лопатин В.А., 1991. Рис. 1; он же, 2002. С. 40]. Наиболее сложные формы соотносятся с венчиковыми сосудами (горшки), во фронтальном изображении которых содержатся три геометрические фигуры, а наименее сложные – безвенчиковые (банки), в составе моделей которых одна или две фигуры.

Была установлена также конкретная операционная терминология для всех частей сосуда и маркировка его параметров (рис. 31-Б). Единая унифицированная терминология для обозначения конкретных долей и параметров, а также система измерений представляются очень важной методической установкой. В систематизации керамических комплексов она является определяющей как при выделении значимых признаков типов, так и при последующей статистико-комбинаторной обработке. К примеру, сравнение всей полученной типологической группы с массивом керамических комплексов, признаки которых были выделены по другой методической схеме, заведомо даст неверный результат.

Близкая схема замеров основных параметров сосудов, основанная на методиках В.Ф. Генинга и И.С. Каменецкого [Генинг В.Ф., 1973. С. 118; Каменецкий И.С., 1983. С. 221-250] апробирована М.В. Андреевой в публикации материалов из раскопок курганов на Чограе [Андреева М.В., 1989. С. 124, рис. 51]. Безусловное достоинство этого опыта заключается в абсолютно верном и максимально полном учете всех высотных и широтных параметров, что позволяет составить достоверную описательную характеристику керамического сосуда. Но множество неясностей возникает из-за приверженности автора к ассоциативной терминологии в обозначении сосудов в целом (миска, горшок, кувшин), что в известной степени нарушает принцип формализации подхода. Не вполне определенными кажутся обозначения отдельных частей сосуда (венчик, шейка). Зачастую многие ис-

следователи называют венчиками закраины (устья) простых баночных сосудов, или, если речь идет о фрагментированной керамике, – крупный обломок верхней части сосуда, где, кроме венчика, присутствуют шейка, плечико, максимальное расширение тулова. Это в корне неверно, если следовать принципу приближения археологии к кругу естественных наук. К отказу от этнографически ассоциативной терминологии при описании керамики призывал А.А. Бобринский и был прав в том, что операционная часть исследования артефакта должна быть максимально точной [Бобринский А.А., 1986].

Вместе с тем, терминология, адресованная отдельным частям керамических сосудов, антропатическая² по своей сути (венчик, шейка, плечо, тулово), очевидно не случайна и является наиболее традиционной, архаичной, возможно, отвечающей принципам восприятия формы древними гончарами. Сохраняя данный ряд ассоциаций, мы, возможно, наметим один из штрихов к искомой модели культурогенеза. А пока, возвращаясь к нашей обобщенной геометрической модели сосуда (рис. 31-Б), конкретизируем основные позиции анализа, выраженные в терминах и параметрах.

Формально они адресованы определенным линиям и фигурам нашей модели, под которыми подразумеваются части реального сосуда:

– *устье* – условная линия, соответствующая верхнему краю сосуда и широтному параметру D1. Эта деталь универсальна, она присутствует в

² Антропатизм – понятие, исследуемое, в основном, в области развития идеологии и касающееся ассоциативного восприятия божеств. На супрематеистической фазе развития идеологии возникают офантазированные образы высших существ, которым адресуются внешние антропоморфные воплощения. Антропоморфизм (изобразительное выражение антропатизма) в принципе противоположен зооморфизму в восприятии Бога, но история религии знает переходную фазу химерических воплощений (божество в виде получеловека-полуживотного) и еще более древний тотемизм. По всей вероятности, антропатизм – более широкое явление, касающееся не только чисто духовной сферы мироощущения, но и одухотворенно-практической области бытия. В круг антропатических ассоциаций включались самые привычные предметы, например глиняные сосуды, формы которых отдаленно напоминали фигуры людей, и даже их половозрастные категории (острорезерный горшок – мужчина, округлобокий сосуд – женщина, малая банка – ребенок). Отсюда – соответствующие частям человеческого тела термины «венчик, шейка, плечо, тулово». Особенно ярко керамический антропатизм проявился в гончарстве американских индейцев, где известны антропоморфные сосуды.

любом сосуде – сложном (венчиковом) и простом (безвенчиковом). Нередко устья простых безвенчиковых банок называют венчиками, что недопустимо. Ассоциативный термин «устье» подходит функциональному принципу этой части сосуда (откуда сливается содержимое), хотя вполне уместны обозначения, соответствующие форме (закраина) или технологическое – «обрез верхнего края»;

– *венчик* – верхняя часть сосуда между линиями устья и шейки, соответствующая высотному параметру Н1. Венчик характерен только для сложных (венчиковых) форм. Этот ассоциативный термин, уже одним своим именем поясняющий конструктивную сущность конкретной детали сосуда (то, что венчает форму), устраняет любые двусмысленности своего толкования. В антропоматическом смысле венчик, располагающийся над линией шейки, соответствует голове (венчает голову);

– *шейка* – условная линия между венчиком и плечом сосуда, соответствующая широтному параметру D2. Данное положение, возможно, типично только для определенных архаических комплексов керамики, поскольку более поздние кувшинообразные формы имеют высокие цилиндрические шейки, являющиеся уже не условными линиями, а частями форм. Как и венчик, шейка – атрибут сложных (венчиковых) сосудов, простые безвенчиковые банки шеек не имеют;

– *плечо* – часть сосуда между линиями шейки и максимального расширения тулова, соответствующая высотному параметру Н2. Данная категория почти универсальна, она отсутствует только в одном простейшем типе баночных сосудов открытых форм;

– *максимальное расширение тулова* – условная линия между плечом и придонной частью сосуда, соответствующая широтному параметру D3. Это абсолютно универсальная категория, присущая как простым, так и

сложным формам. У открытых банок она соответствует одновременно и диаметру устья;

– *придонная часть* – часть сосуда между линиями максимального расширения тулова и днища, соответствующая высотному параметру НЗ. Придонная часть характерна абсолютно для всех степеней сложности керамических форм. У простейших открытых банок она соответствует также всему тулову;

– *днище* (дно, донце) – в геометрической модели это условная линия под придонной частью, ограничивающая нижнее пространство всей плоскости изображения. Она соответствует широтному параметру D4. Обозначая нижний край тулова, данная категория, вместе с тем, имеет не антропатическую ассоциацию, а связана с этимологией иранской гидронимии (*dn, dna, don*), указывающей на определенную сакрализацию сосуда и его содержимого (таинственная водная глубина, пучина);

– *тулово* – совокупность всех частей и линий сосуда с их параметрами (сосуд в целом). Данная категория соответствует формам любых типов или вариантов реальных сосудов, а также их моделированным трактовкам.

В настоящей работе предлагается наиболее дробная классификация керамического комплекса Смеловского могильника, учитывающая не только степень сложности формы, но также разделяющая основные группы сосудов (колоколовидные, остросереберные, округлобокие, баночные) на типы и варианты типов (рис. 32–37). Это иерархическая схема, в которой, в прямой зависимости, увязаны два больших отдела (1), четыре группы (2), десять типов (3) и семнадцать вариантов сосудов (6). Правомерность выделения указанных таксонов, подтверждается геометрическими моделями (5) и ведущими значимыми признаками (4) по каждому варианту. В специаль-

ной графе (7) приведены процентные показатели по содержанию каждого варианта в общем массиве комплекса.

В 1 отделе сложных *сосудов с венчиками* выделяются 3 группы. Первая группа – колоколовидные формы³ – распадается на два типа: *колоколовидные округлобокие* и *колоколовидные острореберные* по таким значимым признакам, как округлое или реберчатое оформление тулова (рис. 32).

В рамках первого типа выделены 3 варианта по различному соотношению широтных показателей формы.

1.1. Вариант, в котором диаметр устья равен диаметру максимального расширения тулова ($D1=D3$). Такие сосуды зафиксированы в погребениях №№ 1, 2, 19, 28, 43, 94 и общее их содержание составляет 4,44%. Как правило, они очень бедно, или совсем не орнаментированы. Отметим упорядоченные вертикальные расчесы на шейке, горизонтальные ряды короткого штампа, косых насечек и подтреугольных оттисков.

1.2. Сосуды, у которых максимальным является диаметр устья ($D1>D3$). Они обнаружены в погребениях №№ 7, 14, 27 и в общем массиве составляют 2,22%. Отметим несколько более пышную и даже реликтового характера орнаментацию: горизонтальные ряды и «елочки», нерегулярное построение декора, каплевидные насечки на каннелированной шейке.

1.3. Значимый признак третьего варианта – диаметр устья меньше максимального расширения тулова ($D1<D3$). Эти сосуды отмечены в погребениях №№ 11 (сосуд 2), 26, 41, 66. В качестве декора здесь присутствуют зигзаги, горизонтальные линии, дугообразные фигуры, решетка и ряды насечек.

Второй тип колоколовидных сосудов представлен одним вариантом (2.) реберчатых форм с прямым плечом, где значимым признаком является

³ Значимые признаки данной группы общеизвестны: выраженная *колоколовидность*, наличие характерного ребра и желобка на внутренней стороне отогнутого наружу венчика, нередко каннелированная шейка, рельефные расчесы на внешней стороне тулова, примесь толченой раковины в тесте.

равное соотношение диаметров устья и максимального расширения тулова ($D1=D3$). Это сосуды из погребений №№ 56, 63, 65, процентное содержание которых 2,22%. Они относительно пышно украшены зигзагами, ромбами и подтреугольными оттисками в сочетании с горизонтальными линиями.

Вторая группа первого отдела – острореберные сосуды с максимальным реберчатым расширением тулова в верхней трети его высоты (рис. 33). Эта группа подразделяется на три типа, значимыми признаками которых является форма плеча.

Тип 3.1. – *острореберные сосуды с прямым плечом* (значимый признак 0-показатель плеча): выявлены в погребениях №№ 35, 42, 44, 48 (сосуд 1), 104, 121 (сосуд 1). Содержание этого типа в общем массиве комплекса 4,44%. Некоторые сосуды орнаментированы зигзагами, горизонтальными линиями, насечками.

Тип 3.2. – *острореберные сосуды с вогнутым плечом* (значимый признак –показатель плеча): зафиксированы в погребениях №№ 37, 34 (сосуд 3), 72 (сосуд 1). Общее содержание типа 2,22%. Срубные сосуды не орнаментированы. Пышно украшен инокультурный керамический артефакт из п. 37 – косо штрихованными ромбами и многорядным зигзагом.

Тип 3.3. – *острореберные сосуды с выпуклым плечом* (значимый признак +показатель плеча): единственный экземпляр обнаружен в погребении 110 (сосуд 2). Мизерное содержание данного типа в общем массиве Смеловки (0,74%) естественно. Это подтверждается классификациями многих срубных комплексов, где выпуклоплечие реберчатые формы всегда единичны.

Третья группа первого отдела – округлобокие сосуды с максимальным расширением в верхней трети общей высоты (рис. 33, 34). Она распа-

дается на три типа, где значимые признаки – высота и степень отогнутости венчиков.

Тип 4. – *округлобокие сосуды с короткими вертикальными венчиками*, у которых диаметр устья равен диаметру шейки (значимый признак $D1=D2$). Такие сосуды отмечены в погребениях №№ 17, 53, 59, 77, 92 (сосуд 2), 100 (сосуд 2), 102 (сосуд 1), 108 (сосуд 2), 114 (сосуд 1), 125 (сосуд 1). Они довольно многочисленны (8,14%), некоторые орнаментированы зигзагами, горизонтальными линиями в сочетании с подтреугольными оттисками, нерегулярными композициями.

Тип 5. – *округлобокие сосуды с короткими отогнутыми наружу венчиками*, у которых высота венчика меньше высоты плеча (значимый признак $H1 < H2$). Сосуды этого типа выявлены в погребениях №№ 4, 6, 13, 15, 18, 32, 34 (сосуд 4), 39, 48 (сосуд 2), 55 (сосуд 1), 61, 64, 69, 74, 95, 97, 100 (сосуд 3), 110 (сосуд 1), 116 (сосуд 2), 126 (сосуд 2). Их содержание еще более представительно (14,81%). Многие сосуды украшены сложными, в том числе нерегулярными орнаментами, среди которых зигзаги, различные ряды, пиктограммы, горизонтальные линии в сочетании с подтреугольными оттисками (рис. 34).

Тип 6. – *округлобокие сосуды с высокими, отогнутыми наружу венчиками*, у которых высота венчика примерно равна высоте плеча (значимый признак $H1 = H2$). Таких горшков немного, всего 2,22%. Они найдены в погребениях №№ 49, 52, 78, и только один из них украшен горизонтальными линиями в сочетании с подтреугольными оттисками (рис. 34).

Второй отдел – *сосуды без венчиков* – представлен простыми баночными формами (рис. 35–37). Они объединяются в одну четвертую группу по признаку отсутствия венчика, но различаются по четырем типам, в которых вычленяются также отдельные варианты.

Тип 7. – *реберчатые (биконические) банки* подразделяется на два варианта по принципу расположения максимального расширения тулова относительно общей высоты сосуда (рис. 35).

7.1. – вариант, в котором максимальное реберчатое расширение приходится на середину общей высоты тулова (значимый признак $H_2=H_3$). Доля варианта невысока (1,48%), его сосуды обнаружены в погребениях №№ 8 и 109. Лишь один экземпляр украшен горизонтальным рядом слабых ногтевых оттисков.

7.2. – биконические банки с максимальным расширением в верхней трети общей высоты сосуда ($H_2 < H_3$). Они отмечены в погребениях №№ 48 (сосуд 3), 72 (сосуд 2), 91, 92 (сосуд 1) и в тризне из кв. 112. Содержание в общем массиве комплекса 3,7%. Некоторые экземпляры украшены зигзагами и горизонтальными линиями.

Тип 8. – *баночные сосуды с вертикальной стенкой* и максимальным расширением в верхней трети общей высоты тулова (значимый признак $D_2=D_3$). Удельный вес данного типа в общем массиве комплекса сравнительно высок (9,62%). Прямостенные банки выявлены в погребениях №№ 10 (сосуд 2), 73 (сосуд 1), 106 (сосуд 1), 108 (сосуд 1), 113 (сосуд 2), 116 (сосуд 1), 119 (сосуд 2), 121 (сосуд 2), 123 (сосуд 2), 124, 125 (сосуд 2), 127, 129 (сосуд 2). Лишь некоторые из них орнаментированы зигзагами, горизонтальными линиями и насечками, сгруппированными в виде треугольников. Обращает на себя внимание декор инокультурного экземпляра с коротким уступчиком на линии максимального расширения (п. 10). Это сравнительно сложная композиция в виде горизонтальных линий и треугольников. Нерегулярный орнамент (пиктограмма) на сосуде из погребения 108, уже представленная в одной из публикаций по Смеловке [Игнатов М.Е., Лопатин В.А., 2005] – особая тема, к которой обратимся ниже.

Тип 9. – *закрытые баночные сосуды*, у которых диаметр устья меньше максимального расширения тулова, распадаются на три варианта по принципу соотношения высот плеча и придонной части (положение максимального расширения относительно общей высоты тулова).

9.1. – вариант, в котором максимальное расширение приходится на нижнюю треть общей высоты тулова (значимый признак $H_2 > H_3$). Сосуды данного варианта обнаружены в погребениях №№ 10 (сосуд 1), 75, 76. Они редки (всего 2,22%), имеют малые размеры и неорнаментированы. Очевидно, из-за особенности формы у этих банок непропорционально широкие днища, но данный факт вызывает еще одно предположение относительно генетической линии подобных сосудов, на чем более подробно также остановимся ниже.

9.2. – вариант с максимальным расширением в верхней трети общей высоты тулова (значимый признак $H_2 < H_3$) является самым многочисленным в смеловском комплексе керамики (рис. 36). Банки этого варианта выявлены в погребениях №№ 10 (сосуд 5), 23, 34 (сосуд 1), 50, 58, 73 (сосуд 2), 89, 98, 100 (сосуд 1), 101, 103, 106 (сосуд 2), 107, 115 (сосуд 1), 117 (сосуд 1), 119 (сосуд 1), 120 (сосуд 2), 123 (сосуд 1), 126 (сосуд 1), 129 (сосуд 1). Лишь редкие экземпляры таких сосудов имеют орнамент: стилизованные «ёлочки», зигзаг, прочерченные линии. Только один сосуд украшен орнаментом, который встречается в канонизированном виде на других формах смеловской керамики и уже обсуждался в печати как один из компонентов генетических процессов формирования срубной культуры [Лопатин В.А., 1999-Б; он же, 2000-Б]. Это горизонтальные линии в сочетании с подтреугольными оттисками.

9.3. – баночные сосуды с максимальным расширением в средней части тулова (рис. 37). Значимый признак этого варианта $H_2 = H_3$. Это также весьма представительная выборка (14,07%) сосудов, которые зафиксиро-

ваны в погребениях №№ 10, 11 (сосуд 1), 29, 34 (сосуд 3), 46, 47, 51, 55 (сосуд 2), 57, 60, 68, 90, 99, 105, 120 (сосуд 1), 122 (сосуд 1). Они крайне редко украшены, и орнаменты их бедны: горизонтальные ряды, линии. Особо отметим сосуд небольших размеров с парными отверстиями для подвешивания и глиняной крышкой из погребения 10.

Тип 10. – *открытые баночные сосуды* (рис. 37), у которых значимый признак – это максимальный показатель по диаметру устья ($D3_{\text{max}}$). В формальном обозначении широтных диаметров геометрической модели он равнозначен максимальному расширению тулова ($D3$). Удельный вес данного типа 8,88%. Открытые банки обнаружены в погребениях №№ 31, 34 (сосуд 5), 45, 54, 62, 93, 102 (сосуд 2), 113 (сосуд 1), 114 (сосуд 2), 115 (сосуд 2), 117 (сосуд 2), 122 (сосуд 2). Лишь один экземпляр (п. 31), имеющий, к тому же, инокультурный облик, украшен каннелюром и подтреугольными оттисками, построенными в виде многорядной волны. Все прочие сосуды этого типа не орнаментированы.

Прочий инвентарь

Смеловский могильник небогат. Здесь нет могил с престижными комплексами инвентаря, свидетельствующими о значительной социально-имущественной дифференциации общества. Это бескурганный некрополь равных, простое кладбище рядовых представителей древнеиранского скотоводческого общества, где, на фазе активного культурогенеза, в погребальной обрядности нарочито выпукло проявлялись традиционные эгалитарные принципы. Поэтому здесь нет дорогого оружия, инсигний власти, колесниц и пышных ювелирных украшений. Погребальный инвентарь рядовых общинников канонизированно скромнен (рис. 38–40). Социальные различия в Смеловке выражены иначе, в сложной планиграфии и архитек-

туре родовых участков, и это особая тема, которая будет рассмотрена в специальном разделе.

Здесь встречены два разнофункциональных вида предметов – *орудия труда и украшения*, которые различаются также по материалу, из которого они изготовлены (бронза, паста, сурьма, кость). К орудиям труда отнесены: бронзовое шило из погребения 35 (рис. 38); костяная проколка из погребения 54, набор (7 экземпляров) костяных вязальных спиц из погребения 57 (рис. 39); фрагмент бронзовой швейной иглы из погребения 124 (рис. 40).

Культурно-хронологические позиции орудий расплывчаты. Сквозной характер этих предметов бытового назначения не дает оснований считать их датирующими, они употреблялись в довольно широком временном интервале. Определиться с их позициями, напротив, помогают наблюдаемые особенности погребального обряда и керамики.

Группы украшений, изготовленных из различных материалов, составляют как отдельные предметы, так и наборы, принадлежавшие одному человеку: бронзовые браслеты и сурьмяный бисер (11 экземпляров) из погребения 10, сурьмяный бисер (16 экземпляров) из погребения 11, три пастовые бусины из погребения 22, костяная бусина из погребения 25, пастовая бусина из погребения 28, бронзовая височная подвеска и две пастовые бусины из погребения 32, фрагменты двух бронзовых височных подвесок с пуансонным орнаментом из погребения 47 (рис. 38); сурьмяный бисер (25 экземпляров) из погребения 54, три бронзовые обоймы⁴ из погребения 67, две двучастные пастовые бусины из погребения 72, две бронзовые височные подвески из погребения 78, фрагмент бронзовой подвески и пастовая бусина из погребения 79, фрагмент трубчатой подвески из погребения 84 (рис. 39); три пастовые бусины из погребения 93, три бронзовых наколни-

⁴ Обоймы из погребения 67 чисто условно отнесены к украшениям, хотя функционально они могут оказаться предметами фурнитуры, например наконечниками шнуров или ремешков, как деталей одежды.

ка, две бронзовые височные подвески и три пастовые бусины из погребения 89, четыре подвески из клыков хищника (п. 106), пастовая бусина из погребения 117, фрагменты бронзового браслета и бронзовая височная подвеска из погребения 127 (рис. 40).

Кроме того, по месту распределения в уборе костюма различаются украшения головы (височные подвески и накосники), украшения рук (браслеты), шейные украшения (ожерелья из бус и бисера) и нагрудные украшения-амулеты (подвески из клыков хищника).

В соответствии с половозрастным анализом скелетов умерших, украшения, как правило, принадлежали женщинам и детям (скорее всего, женского пола). Лишь в одном случае узкожелобчатые овально-удлиненные подвески с пуансонным орнаментом обнаружены в погребении мужчины 40-50 лет.

Культурно-хронологические позиции отдельных категорий украшений более узки и конкретны, о чем более подробно будет сказано при комплексном анализе обрядовых групп погребений.

ГЛАВА 3

Обрядовые группы погребений Смеловского могильника

Критерием при выделении обрядовых групп служат обобщенные характеристики комплексов, включающие особенности погребальных сооружений, обряда, керамики, инвентаря и составляющие компактные, отличающиеся друг от друга, совокупности. Систематизация характеристик позволила выделить три общие совокупности, условно обозначенные как обрядовые группы Смеловского могильника, в рамках которых также прослеживается определенная градация, как по вертикали, так и по горизонтали.

1 обрядовая группа (1 ОГ)

1 обрядовая группа (погребения №№ 6, 9, 12, 20, 24, 33, 34-А, 38, 67, 70, 111, 112, 128): характерна разнообразием форм погребальных сооружений и деталей их оснащения: овальные, округлые, прямоугольные, с подбоями и подбитыми стенками, со ступенями (рис. 41). Особенно сложна конструкция комплекса коллективного погребения № 34 (мавзолей № 1), в основе которого, впрочем, угадывается обычная могила с подбоем в восточную сторону (34-А), позже многократно переоборудованная в ходе последующих детских подхоронений (34-Б, В, Г). Разнообразны также ориентировки могильных ям и скелетов: северная, северо-восточная, восточная, юго-восточная, юго-западная, западная. Отсутствуют только строго

южное и северо-западное направления (рис. 31-А). Отмечены различные позы погребенных, большинство – левобочные, с разной степенью завала на грудь или спину, и неустойчивым положением рук, что, как маркирующий признак, представляется существенным для комплексов переходного, от средней к поздней бронзе, типа. Только в двух погребениях отмечены глиняные сосуды (№№ 6 и 34), в одной могиле найдены три бронзовые обоймы, свернутые из тонких пластин (№ 67), в пяти захоронениях обнаружены кости мелкого, реже крупного, рогатого скота (№№ 20, 33, 70, 111, 112), в двух – кости лошади (№№ 9, 12). Следы огня присутствуют в обрядности двух комплексов (№№ 6, 24). В первом случае это небольшое углистое пятно на дне могилы, а во втором углями и золой было насыщено все могильное заполнение. Столь скудный погребальный инвентарь характеризует указанные комплексы как «аскетичные», что в целом является одним из важнейших типобразующих признаков для всей первой обрядовой группы.

Между тем, при всей внешней пестроте погребального обряда, представляется возможным разделить эту группу на два основных стандарта по типам могил и, таким образом, отразить неоднозначность комплексов по горизонтали. Синхронные хронологически, эти стандарты, вероятно, демонстрируют этнокультурную мозаичность переходного периода. Один из них – ямы подпрямоугольных и овальных форм с широтными ориентировками, в которых умершие лежат в скорченных левобочных позах головами к востоку, северо-востоку, реже к югу, юго-востоку (№№ 24, 38, 67, 111, 112, 128). Второй – могилы подбойных конструкций (№№ 6, 9, 12, 20, 33, 34, 70), которые ориентированы на север, северо-восток, реже к востоку, западу, юго-западу. Причем, некоторые комплексы 1 обрядовой группы являются промежуточными типами между указанными стандартами (№№

6, 20, 33, 70). В конструкциях этих могил наблюдаются либо деградации признаков названных стандартов, либо их смешивание (рис. 41).

Подчеркнутый аскетизм погребенных с восточными ориентировками, их престижные позиции в планиграфических ситуациях (например, центральные положения на площадках с ровиками), следует расценивать, как отражение особого прижизненного статуса умерших. Именно захоронения этих «пращуров» сопровождаются многочисленными свитами могил и только к ним совершались подхоронения детей – «посланников из мира живых в мир мертвых» (Лопатин В.А., 2000. С. 100-101).

Комплексы подбойных могил Смеловки наиболее похожи на захоронения из Мурманского кургана (Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988. С. 130-139). Планиграфия внутреннего расположения ям в мавзолее № 1 имеет такую же широтную направленность, абсолютно идентична мурманской конструкция ровика № 1, размещенного на этой же площадке (рис. 23). Разница лишь в ширине восточных «ворот». В Мурманском кургане она составляет целых 7 м, а в Смеловке проход значительно уже.

Реминисценция подбойной конструкции могильных сооружений весьма заметна в комплексах раннесрубного времени, поскольку она необычна и в целом характерна для предшествующей эпохи средней бронзы. Позже она встречается как под курганными насыпями, так и в грунтовых погребальных памятниках, весьма редко и при интерпретации всегда заставляет обращаться к проблемам культурогенетического порядка. До открытия Мурманского кургана в Ровенском районе Саратовской области срубные подбои в степном Заволжье вообще не были известны [Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988. С. 137]. Вместе с тем, к западу от Волги отрывочные сведения о могилах катакомбного типа в срубной культуре уже тогда рисовали картину довольно широкой географии этого явления – от нижневолжского Правобережья [Шилов В.П., 1964. С. 97, 98, рис. 5, 4, 5] до Се-

верного Причерноморья, хотя последние [Братченко С.Н., 1977. С. 13, рис. 1, 19-22], по нашему мнению, ошибочно связывались с финалом бронзы. В посткатакомбный период подбои тогда были известны в материалах бабинской культуры (КМК) [Березанская С.С., 1979. С. 5; она же, 1982. С. 29; Отрощенко В.В., 1978. С. 84; Шарафутдинова Э.С., 1978. С. 79; Шарафутдинова И.Н., 1982. С. 51].

В настоящее время выделена уже целая свита посткатакомбных культурных типов, которые маркируют сложное порубежное время между эпохой средней бронзы и поздним бронзовым веком, причем в степных ареалах этих образований катакомбные реминисценции в устройстве могил фиксируются весьма устойчиво. В частности, раскопками двух Белогорских могильников на юге правобережной Саратовской области были выявлены позднекатакомбные и переходные комплексы, которые содержали элементы подбоев и их имитаций [Дремов И.И., 1996. С. 105, рис. 4, Д, 3; с. 106, рис. 5, Б, 1; с. 108, рис. 6, Г, 2]. Еще до первой публикации этих уникальных материалов вышла малоизвестная работа В.В. Филипченко, в которой автор предложил оригинальный вариант интерпретации материальных комплексов двух белогорских погребений, связав их с памятниками вольско-лбищенского типа, что отражало определенный этап в развитии идеи о многокомпонентности начальной фазы культурогенеза в Поволжье [Филипченко В.В., 1993. С. 149-152]. В той же статье был упомянут комплекс с подобной керамикой вольского типа в саратовском Заволжье [там же. С. 152], в полном объеме опубликованный только три года спустя [Баринов Д.Г., 1996. С. 92, рис. 3, В, 4]. Насколько разнообразен был в степном Волго-Уралье, на данном хронологическом этапе, погребальный обряд и неустойчив идеологический канон, можно судить по необычным комплексам с вольской керамикой из Дедуровского Мара и 4 кургана могильника Тамар-Уткуль VII, исследованных в Оренбургской области, где за-

фиксированы скорченные, причем, в сидячем положении, погребения, устроенные в курганной насыпи [Богданов С.В., 1998. С. 31, рис. 6; с. 36, рис. 10; с. 37, рис. 11, 1]. Весьма необычна катакомбная конструкция, выявленная в 1981 году в могильнике Спартак (к. 2) на территории Северо-Западного Казахстана [Ким М.Г., Кригер В.А., Малов Н.М., 1993. С. 152-161]. Это, бесспорно, двухступенчатая катакомба (авторы сообщают о сохранившемся своде погребальной камеры), которая устроена в южной стене обширной входной штольни квадратной формы, причем здесь наблюдается преднамеренное смещение ступеней, ведущих к погребальной нише, в западную сторону, на общем плане захоронения явно заметен разрыв меридиональной оси. Умерший лежал в подбое, около южной стенки, в слабоскорченной на левом боку позе адорации, головой к западу и лицом к входной яме [там же. С. 155, рис. 2]. Инвентарь, сопровождавший погребенного, в целом можно отнести к покровскому времени, хотя керамический сосуд по всем признакам более соответствует раннесрубным показателям, на что указано в публикации [там же. С. 157, рис. 3; с. 159-160]. Вместе с тем, в его орнаментации присутствуют элементы, характерные для позднесинташтинского декора (глубоко прочерченные линии на шейке и свисающие треугольники в нижнем ряду), сама композиция, кроме того, построена по принципу узкозональности. Прочие предметы (нож, булава, шило, орнаментированные костяные кольца) бытуют как в покровское, так и в раннесрубное время. Как бы то ни было, определенно можно отметить главное – катакомбные реминисценции в погребальной обрядности и инвентаре маркируют отдельные культурные группы конца средней начала поздней бронзы на очень широкой территории и фиксируются в материалах бабинского, криволюкского, вольско-лбищенского, синташтинского, потаповского, покровского, раннесрубного и раннеалакульского типов.

В совокупности оба стандарта первой обрядовой группы и их промежуточные варианты в Смеловке наглядно иллюстрируют нестабильное состояние степных культур Заволжья в указанный период [Мерперт Н.Я., 1985. С. 3–10]. Ослабленное, дезинтегрированное степное население, видимо утратившее этническую резистентность, становится в это время очень восприимчивым к инокультурным влияниям, что и привело, в последствии, к скоротечной трансформации всего местного этнокультурного массива.

Не исключено, что большинство комплексов, составляющих первую группу, может быть синхронизировано с материалами «раннесрубных» сезонных стойбищ дюнного типа (Лопатин В.А., 1989. С. 137-138). Незрелый характер керамического комплекса, выявленного на этих временных стоянках, заметный процент реликтовых и инокультурных элементов – также показательно иллюстрируют эпоху перехода. Такая же картина нестабильности, полное отсутствие идеологических канонов, ощущается в сфере погребального обряда. Видимо, это главный признак времени, в котором происходят процессы культуuroобразования на рубеже двух эпох в степном Волго-Уралье.

Вместе с тем, в последние годы наметились некоторые подходы к решению проблемы культурно-генетической интерпретации погребений 1 обрядовой группы Смеловского могильника. Это стало возможным после конкретизации локальных особенностей погребальных комплексов посткакомбного круга в степях Нижнего Поволжья, Восточного Подонья и Северо-Западного Прикаспия [Мимоход Р.А., 2004. С. 108–114; Ковалюх Н.Н., Мимоход Р.А., 2007. С. 35–39; Литвиненко Р.А., 2004. С. 102–108]. Они обладают определенным своеобразием, которое выражается в строго выдержанном обрядовом «аскетизме» и довольно низкой культурно-хронологической информативности, что проявляется, прежде всего, в пре-

имущественной безынвентарности погребений. Не случайно этот хронологический пласт долгое время не получал должной интерпретации для территории Нижнего Поволжья, да и в настоящее время остается мало изученным, хотя, разумеется, исследователи, занимавшиеся разработками проблем эпохи средней бронзы, по разному, в контекстах своих концепций, предлагали решения для её финала и перехода к позднему бронзовому веку. Среди существующих вариантов (позднекатакомбный, позднеполтавкинский, посткатакомбный, бабинский, финальный) [Кияшко А.В., 2002; он же, 2003. С. 26-36; Филипченко В.В., Малов Н.М., 1995; Литвиненко Р.А., 2004] очень интересен один из последних подходов к решению проблемы, предложенный Р.А. Мимоходом, который выделил в посткатакомбном массиве Нижнего Поволжья группу погребений «криволукского» типа, очертив ареал их распространения (от Астрахани до севера Саратовской области), преимущественно в правобережье, а также указал их основные культуuroобразующие признаки.

Погребения криволукской группы встречаются в курганах в качестве основных и впускных комплексов. Могильные ямы имеют овальную, реже подпрямоугольную форму. Положения скелетов – скорченное на левом боку, головой к северу и северо-востоку, к востоку и юго-востоку, гораздо реже в южные сектора. При этом в позициях скелетов отмечено неустойчивое положение рук, явно восходящее к катакомбной традиции («скачущий всадник»). Как редкие признаки указаны также органические подстилки и минеральные подсыпки (охра, мел). Определенным стандартом криволукских комплексов является размещение в могилах костей ног МРС, как правило, перед скелетом человека. Обычно эти захоронения безынвентарны. Крайне редко здесь встречаются разнотипные сосуды и фрагменты керамики, в облике которых присутствуют позднебабинские и вольско-лбищенские черты. Отмечены различные, как ни странно ранние, ва-

рианты бабинских пряжек, в том числе редкие, сложнофигурные экземпляры поясной фурнитуры из кости, бусы катакомбных типов, наконечники стрел с выемчатым основанием, выпрямители [Мимоход Р.А., 2004. С. 109, 113–114, рис. 1–4]. Отдельные экземпляры керамических сосудов из погребений криволукского типа [там же. С. 114, рис. 4, 2, 3], не имеющие бабинских валиков, или характерных орнаментальных признаков «вольскалбища», по своим показателям близки смеловской посуде из пп. 6 и 34 (1 ОГ). Эти невыразительные баночные сосуды закрытых и открытых профилировок, неорнаментированные и явно отражающие неразвитость и отсутствие стандартов в керамическом комплексе, по-видимому, открывают динамику сосудов баночных форм эпохи поздней бронзы и полностью, на данном этапе, соответствуют начальной фазе становления срубной культуры.

В данном контексте интересно проследить также преемственность закрытых широкодонных банок, выявленных в поздних погребениях Смеловки (3 ОГ), от известных реповидных прообразов в катакомбном керамическом комплексе. Присутствие промежуточных вариантов (приземисто-шаровидные широкодонные банки) в покровских курганных комплексах уже было отмечено, например, в могильнике Золотая Гора [Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006. С. 111, рис. 26, б], а также в недавно исследованном автором кургане у разъезда Ивановский [Лопатин В.А., 2007. Рис. 25]. Наличие таких форм в материалах 3 ОГ и их отсутствие в более ранней 1 ОГ совсем не означает, что здесь нет преемственности. Очевидно, знаковая схема ранней обрядности Смеловки категорически исключала из принятой ритуалистики инвентарь и, в частности, керамику. Те два сосуда, которые мы имеем в 1 ОГ, – безусловно, случайные исключения из правила. Здесь налицо факт дискретной преемственности через 1 ОГ, либо опосредован-

ной передачи катакомбной традиции изготовления широкодонных банок, через покровские векторы культурогенеза.

Даже при самом поверхностном сравнении совершенно очевидна близость культуuroобразующих признаков криволукских погребений аналогичным показателям захоронений первого стандарта (в простых ямах) I обрядовой группы Смеловского могильника. Совпадения выражаются в большинстве признаков: восточная ориентировка, положение рук, кости МРС, безынветарность. Что касается второго стандарта (подбойные варианты могил и их имитации), то в посткатакомбном ареале им, возможно, наиболее близки признаки лолинской культуры (по Р.А. Литвиненко) и IV обрядовой группы криволукского типа (по Р.А. Мимоходу), где встречаются подбои и катакомбы с западным размещением погребальной камеры, северной ориентировкой скелетов, столь же «аскетичные» комплексы, но часто с костями животных, прежде всего МРС. Правда, степень достоверной преемственности позднекатакомбных (лолинских) показателей и наиболее ранних подбойных погребений Смеловки еще необходимо обстоятельно анализировать и уточнять.

Единственная категория металлических изделий, зафиксированных в I ОГ Смеловки, – бронзовые обоймы, свернутые из тонких пластин, – также подтверждает определенную преемственность с памятниками посткатакомбного типа. Подобные изделия фурнитуры для фиксации окончаний шнуров наиболее часто встречаются в материалах бабинской культуры Украины [Археология..., 1985. С. 456, рис. 123, 5].

Ареал распространения криволукских памятников также нуждается в уточнении, что справедливо отмечено Р.А. Мимоходом [Мимоход Р.А., 2004. С. 112]. По крайней мере, весьма перспективный вектор подобных исследований намечается в рамках пересмотра культурно-хронологических позиций некоторых известных погребальных комплексов

степного Заволжья. Захоронения криволюкского типа, похоже, составляли весьма устойчивую компактную группу в открытой степи между Волгой и Уралом. Причем, носители этого культурного признака довольно уверенно контролировали территорию Заволжья, поскольку большинство зафиксированных здесь, на данный момент, захоронений криволюкского типа являются в курганах основными. Это касается весьма выразительной группы комплексов, исследованных на Малом Карамане [Жемков А.И., Лопатин В.А., 2008. С. 93-118], а также в курганном могильнике Светлое Озеро, частично раскопанном на границе Саратовской области и Казахстана [Лопатин В.А., 1988. С. 6, 7. Рис. 25; он же, 1989. С. 6, 11, 12, 15, 21. Рис. 18, 2, 35, 6, 49, 4, 71, 4]. В Бережновском I могильнике выявлены 24 комплекса криволюкского типа, которые прежде расценивались, как срубные или катакомбные. Наиболее интересен курган 35, где в центре выделяется безынвентарное погребение в простой яме, в позе скачущего всадника с западной ориентировкой (бабинская традиция), окруженное кольцевидным ровиком [Синицын И.В., 1959. С. 94-101]. Непосредственно в ровик (как в Смеловке) впущены детские погребения с восточной ориентировкой и раннесрубной керамикой, что указывает на единство похоронно-поминального обряда, в котором заметно различаются культурные признаки центрального и сопровождающих комплексов.

В кургане 2 южной группы Иловатки [Смирнов К.Ф., 1959. С. 218] основное криволюкское погребение № 20 сопровождается расположенными по кругу детскими захоронениями как покровского, так и криволюкского типов, причем, в орнаментах некоторых покровских сосудов заметны реминисценции катакомбных традиций.

В одиночном кургане у с. Политотдельского [там же. С. 303] криволюкское погребение пожилой женщины (п. 2) сопровождается срубными захоронениями, скорее всего, раннего типа.

Пересмотр известных материалов должен значительно расширить ареал криволукской группы. Так, например, только среди опубликованных комплексов из зоны сооружения Сталинградской ГЭС выявлены 60 погребений с соответствующими посткатакомбными характеристиками. Примечательно, что криволукские могилы пока ни разу не отмечены как впускные или сопроводительные относительно покровских захоронений. С одной стороны, это безусловный факт известной хронологической преемственности. Но отмеченные выше курганные комплексы, в которых сочетаются основные посткатакомбные погребения и расположенные по кругу покровцы и ранние срубники, по-видимому, следует рассматривать как результат реального взаимодействия. Особо отметим центральное, престижное положение в погребальном обряде именно криволукских погребений, как правило, безынвентарных, канонизированно «аскетичных» в своих идеологических проявлениях. Вместе с тем, именно принцип аскезы в обрядности переходных культурных типов, видимо, стал причиной столь быстрой смены внешних культурных приоритетов. Покровско-криволукское взаимодействие стало катализатором культурно-исторической переориентации степного населения.

Внутригрупповая динамика (рис. 41), на примере первого стандарта, ощутима в переходе от неустойчивых ориентировок и положений рук умерших (пп. 111, 112, 128) к восточной обращенности и позе адорации (пп. 24, 38, 67). Второй стандарт 1 ОГ демонстрирует тенденцию деградации подбойно-катакомбной конструкции погребального сооружения. Наиболее ярко архаичные конструкции представлены комплексами 9, 12, 34-А. В погребениях 20 и 33 уже заметно сокращаются размеры погребальных камер, но еще сохраняются ступени. Бесступенчатые ямы 6 и 70 имеют лишь подбитые стенки, в одну сторону, или по всему периметру. Кроме того, погребенные здесь люди ориентированы в широтных направлениях, в

отличие от предыдущих захоронений, направленных меридионально. В целом, наблюдаемая динамика как бы стирает различия между двумя стандартами 1 обрядовой группы, выравнивает основные культурообразующие признаки (устранение обособленной погребальной камеры, устойчивость позы адорации и обращенности к востоку–северо-востоку).

2 обрядовая группа (2 ОГ)

2 обрядовая группа (погребения №№ 1, 2, 4, 7, 11, 17, 18, 19, 26-28, 31, 32, 37, 41, 43, 54, 56, 63, 65, 66, 69, 78, 101, 108): представлена простыми прямоугольными ямами (исключение округлая форма могилы погребения 31), иногда со ступенями в одной из коротких сторон (рис. 42). В Смеловке это, как правило, детские захоронения, планиграфически приуроченные к родовым участкам, в центре которых погребены представители 1 ОГ. Сохранившиеся скелеты лежат в устойчивых позах адорации и ориентированы в меридиональные сектора (север, северо-северо-восток, северо-северо-запад). Лишь два детских погребения (28 и 65) имеют широтную ориентировку, где умершие лежат головой к востоку. Прочие отклонения проявились в правобочной скорченности (пп. 26, 28) и обращенности к юго-западу (п. 26).

Нередко в могилах этой группы присутствуют кости животных, как правило, МРС и лишь в одном случае (п. 78) отмечены путовые кости лошади. Кости овец или коз представлены фрагментами черепов и ног уложенных в качестве тризн на специальные ступеньки, а иногда, как в п. 37 они перекрывают погребение в толще заполнения. Здесь остатки сразу двух взрослых особей МРС, очевидно шкуры, снятые вместе с головами и ногами, перекрывали южную часть ямы на уровне ее материкового края (рис. 8, 11). Перед скелетом ребенка, уложенные цепочкой, лежали игральные альчики. Два альчика МРС обнаружены перед погребенным ребенком

и в 56 могиле. Таким образом, кости животных в Смеловке присутствуют в погребальных комплексах в тризнах, либо, в качестве детского инвентаря в пространстве могилы (игральные альчики).

Внутреннее устройство могильных ям очень простое. Лишь в одном случае (п. 54) отмечены следы органической подстилки с вкраплениями охры, которые сохранились, впрочем, только под днищем горшка, стоявшего у колен погребенной здесь женщины. Признаки огненного обряда зафиксированы в парном детском погребении 17. Здесь зольный валик окружал комплекс в виде полукольца с запада и севера.

Погребения 2 обрядовой группы гораздо лучше обеспечены инвентарем, а на основании особенностей посуды здесь также выделены два условных стандарта (рис. 42). Динамика первого стандарта (пп. 1, 2, 4, 7, 11, 17, 26-28, 31, 32, 37, 41, 43, 54, 56, 65, 66) в рамках группы выглядит как постепенное стирание покровских признаков в керамике (деградация колоколовидности, сглаживание внутреннего ребра, сокращение высоты венчика, исчезновение расчесов на внешней поверхности сосудов и примеси раковины в тесте).

В основе первого стандарта 2 (покровской) обрядовой группы – комплексы детских погребений 1, 26-28, 31, 37, 41. Обнаруженные здесь сосуды представляются для Смеловки наиболее архаичными в своих культурообразующих показателях, хотя в рамках известного покровского массива – они не самые ранние и, по-видимому, относятся к развитому «покровску». Особенно выразительны сосуды из погребений 26, 27, 28 (утолщенные, высокие венцы с каннелированными шейками, резко выраженной внутренней реберчатостью, иногда подчеркнутой желобками, характерными рядами насечек и треугольных оттисков в верхней части сосудов, орнаментацией в виде волнистых линий).

Здесь же особо отметим керамику инокультурного облика из погребений 31, 37, 41. Сосуды с многорядными зигзагами явно близки синташтинским образцам, особенно реберчатая форма из п. 37. Такие варианты, с характерно скошенным наружу обрезом устья, известны на коренной территории синташтинской культуры, например, в материалах Большекараганского могильника, расположенного около Аркаима [Зданович Д.Г. и др., 2002. С. 33, рис. 15, 5; с. 38, рис. 20, 6]. Наиболее близок смеловскому сосуду экземпляр из погребения 10 кургана 25, в орнаментации которого похоже сочетаются штрихованные ромбы на шейке и многорядный зигзаг на придонной части тулова [там же. С. 45, рис. 25, 5].

В сводной работе В.В. Ткачева и А.И. Хаванского по классификации синташтинского керамического комплекса сосуда с подобной орнаментацией отмечены в Каменном Амбаре (подтип острореберных форм I.1.3.) и Синташтинском могильнике (подтип II.1.1. в группе форм со сглаженным ребром) [Ткачев В.В., Хаванский А.И., 2006. С. 35, рис. 35, 12; с. 156, рис. 52, 6]. В монографии А.В. Епимахова, посвященной могильнику Каменный Амбар 5, представлены еще два сосуда с подобными орнаментальными композициями, из погребений 11 и 15 кургана 2 [Епимахов А.В., 2005. С. 47, рис. 39, 6; с. 60, рис. 49, 2].

Любопытно, что в материалах средневожской Потаповки в подобных композициях, вместе с ромбами и многорядными зигзагами, обязательно присутствует еще один сюжет – сложные меандры-пирамидки [Васильев И.Б. и др., 1994. С. 124, рис. 20, 2; с. 125, рис. 21, 5]. Не исключено, что это региональная особенность средневожских памятников, близких Синташте, или следствие воздействия времени и некой нивелировки синташтинских стандартов в ходе развития потаповского керамического комплекса.

Представляется, что такая частая встречаемость композиций, где сочетаются цепочка ромбов и многорядный зигзаг, позволяет считать их одним из устойчивых инвариантов в синташтинском декоре, при всей известной его эклектичности. Возможно, наиболее ранний экземпляр среди синташтинских сосудов с подобной орнаментацией представлен в материалах могильника Танаберген II (к. 7, п. 18). Здесь на внешней поверхности горшка, вместе с ромбами и многорядными зигзагами, разделенными вертикальными линиями, сочетаются наклепные шишечки, размещенные на линиях шейки и максимального расширения тулова [Ткачев В.В., 1998. С. 49, рис. 1, 4]. Примечательно, в связи с этим, что своей формой сосуд из Танабергена заметно отличается, как от смеловского, так и от приведенных синташтинских аналогов. Он более приземист и наибольшее расширение его тулова приходится на середину общей высоты. В том же кургане (п. 23), в богатом колесничном комплексе (с ранним щитковым псалием), есть подобный реберчатый сосуд с парными шишечками на линии максимального расширения тулова и такой же композицией декора [Ткачев В.В., 2007. С. 32, рис. 11, 4].

Наблюдаемая синташтинская традиция, в ходе развития, донесла эти орнаменты до раннеалакульского времени, что можно отметить на примере сосуда из комплекса погребения 3 кургана 23 могильника Жаман-Каргала I (к. 23, п. 3) [Ткачев В.В., 2005. С. 58, рис. 4, 2]. В декоре данного сосуда, как и в потаповском экземпляре, очевидны явные искажения канона – появляются дополнительные сюжеты, нарушается четкость многорядного зигзага. В этом ряду укажем также на сосуд из Новокумакского могильника (к. 25, п. 11), в орнаментации которого появляются дополнительные простые зигзаги с коротким шагом, ромбы смещаются на линию максимального расширения тулова в верхней трети общей высоты, а много-

рядный зигзаг в придонной части выполнен подчеркнуто небрежно [Ткачев В.В., 2007. С. 61, рис. 31, 5].

Разумеется, нельзя утверждать, что в Смеловке мы имеем дело с абсолютно чистым синташтинским импортом. В большей или меньшей степени это, скорее всего, местные репликаны. Особенно это касается баночного сосуда открытой профилировки с каннелюром и многорядным зигзагом, нанесенным цепочками подтреугольных оттисков. Этот сосуд, обнаруженный в погребении 31 (рис. 42), изготовлен и декорирован с использованием инокультурных элементов, но среди каннелированных синташтинских «банок» (горшечно-баночные сосуды подтипа V.2.2. по В.В. Ткачеву) ему нет даже отдаленного аналога.

В упомянутом сводном издании [Ткачев В.В., Хаванский А.И., 2006] следует отметить также аналоги смеловскому сосуду из погребения 41 (рис. 42) – толстостенному экземпляру с вертикальным, расчесанным по горизонтали венчиком, у которого максимальное расширение тулова превосходит диаметр устья. Два похожих сосуда отмечены в Приуралье, в Ишкиновских могильниках, и один за Уралом, в Каменном Амбаре V [там же. С. 155, рис. 51, 3, 4, 13]. Наиболее ранний вариант подобной посуды отмечен в могильнике Ишкиновка I (к. 3, п. 5), в комплексе с ранним синташтинским горшком, в декоре которого присутствуют парные наклепные шишечки [Ткачев В.В., 2007. С. 66, рис. 34, 2, 3]. На сосуде из Ишкиновки наблюдаются такие же следы горизонтальной обработки, но по всей поверхности тулова, и даже несколько напоминающие каннелирование. В показателях формы он весьма близок толстостенному экземпляру из смеловского погребения 41. Подобный сосуд имеется также в материалах могильника Жаман-Каргала I (к. 23, п. 5) [Ткачев В.В., 2005. С. 60, рис. 5, 3]. Это почти такая же форма с вертикальным утолщенным венчиком и горизонтальными расчесами верхней части, но здесь нижнее пространство ту-

лова украшено парным и многорядным зигзагами. Автор представляет жаман-каргалинские комплексы как элитные захоронения, связанные с раннеалакульской фазой культурогенеза, что реально соответствует времени существования первой и второй обрядовых групп Смеловки.

Нельзя не отметить, что подобные формы керамики (округлое тулово, вертикальная цилиндрическая шейка) характерны для степных культур эпохи средней бронзы западных территорий. В частности, на них похожи кубковидные сосуды, а также компактная серия ритуальной посуды раннедонецкой катакомбной культуры. В орнаментах этих сосудов ярко выражены иконографические элементы змеиной и женской символики, в том числе сосцевидные налепы, похожие на рельефные шишечки (иногда парные) раннесинташтинских форм [Лихачев В.А., 1981. С. 72-76].

Весьма своеобразен также сосуд из смеловского погребения 7, у которого деградирующая колоколовидная форма сочетается с реликтовым сюжетом (чеканная трехрядная «ёлочка»), самым заметным в узкозональной композиции декора (рис. 42). Реликтовые орнаменты в срубном комплексе, в целом характерные для эпохи средней бронзы («ёлочки», фестоны, кольцевидные оттиски, налепные, треугольные в сечении валики, отпечатки витого шнура), прежде отмечались автором как индикаторы ранних фаз культурогенеза на материалах срубных поселений степного Волго-Уралья [Лопатин В.А., 2002. С. 105, рис. 2, 13, 16, 17, 29-32, 34; с. 106, рис. 3, 19, 20; с. 107, рис. 4, 3, 19, 40; с. 115, рис. 12, 1-5, 17; с. 119, рис. 16, 5]. Это явление характерно именно для раннесрубных поселений покровского времени, на развитых классических срубных памятниках яркие реликты крайне редки.

В последнее время все более очевидно, что реликтовые элементы средней бронзы в керамическом декоре были характерны и для некоторых погребальных покровских комплексов. Недавние исследования курганного

могильника Широкий Карамыш 2 выявили захоронения, по всей вероятности раннепокровские (к. 4, п. 9 и тризна?), в материалах которых присутствуют сосуды синкретичного характера [Дремов И.И. и др., 2005. С. 32, рис. 8, 4; с. 35, рис. 11, 3]. Необычными, привлекающими внимание, их делает сплошная, по всему тулову, «ёлочная» орнаментация, сочетающаяся с насечками и рядами треугольных оттисков. В комплексе с этими сосудами отмечены и покровские экземпляры с широко открытыми устьями, глубоко, на синташтинский манер, прочерченными горизонтальными линиями на венчиках и шейках, а также ритуальный сосудик с крышкой, «покровско-катакомбный» нож и круглая желобчатая подвеска [там же. Рис. 8, 11]. Объясняя подобное сочетание, авторы предположили возможность сосуществования катакомбной и «срубно-покровской» культур и, вместе с тем, констатировали редкость фактов, подтверждающих данное предположение [там же. С. 24].

В заволжской Терновке (к. 4, п. 15), также выявлен подобный сосуд [Памятники..., 1993. С. 135, табл. 5, 19], у которого катакомбная «ёлочная» орнаментация по всему тулову сочетается, в отличие от карамышских экземпляров, с традиционными покровскими показателями (колоколовидность, внутреннее ребро, ракушечная примесь). Заметим, что «елочный» декор далеко не всегда заполнял всю поверхность катакомбных сосудов, например, донецкого типа. Часто он размещался в виде ленточных фризов на верхней, средней и даже нижней части горшка, иногда сочетаясь с прочими сюжетами композиций. В этом смысле показателен факт существования сосуда из смеловского погребения 7, а также тех аналогий, где на покровских или раннесрубных горшках имеются «ёлочные реминисценции» в виде одного или нескольких рядов. Это можно отметить на примере покровских сосудов из той же Терновки (п. 5, к. 5 и п. 11, к. 4), раннесрубного сосуда из Старой Полтавки на севере волгоградского Заволжья (п. 2,

к. Е25), раннесрубного горшка с примесью ракушки из Успенского могильника в среднем течении Ахтубы, сосуда из насыпи кургана 2 Новобелогорского срубно-алакульского могильника, исследованного в северо-западном Казахстане [там же. С. 135, табл. 5, 14; табл. 6, 2; табл. 11, 3; табл. 26, 12; табл. 27, 2]. В третьей обрядовой группе (первый ранний стандарт) Смеловки также имеются два сосуда с подобной орнаментацией из пп. 73 и 97 (рис. 43).

Этот ряд аналогий можно было бы продолжить и проследить остаточность реликта на сопредельных территориях, но мы ограничимся степным Волго-Уралем и, в связи с этим, должны отметить, что пункты обнаружения сосудов с катакомбными реликтами в большей степени ложатся в южную часть региона и связаны с сухостепными и аридными ландшафтами, которые на востоке органично переходят в степное Южное Приуралье – часть ареала Синташты, где наиболее ярко были выражены процессы начального культуругенеза в Волго-Уралье.

Общеизвестен тезис о влиянии катакомбного мира на происхождение синташтинского феномена. Исследовательские модели формирования Синташты предполагают многокомпонентность этого сложного процесса, но большинство авторов, наряду с доно-волжскими абашевскими, местными постэнеолитическими, вольско-лбищенскими, турбинскими культурными группами, указывают на участие мощного юго-западного (степного катакомбного) импульса [Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977. С. 8-18; Боталов С.Г. и др., 1996. С. 64-68, рис. 1; Ткачев В.В., 2007. С. 308]. Более подробно остановимся на данном вопросе ниже, а пока, применительно к разбираемому сюжету, нам более интересна доля традиционно катакомбной «ёлочной орнаментации» в декоре синташтинской керамики. Примечательно, что она несравнимо выше, чем в покровском, или раннесрубном керамических комплексах и может покрывать как все тулово синташтин-

ского сосуда, так и его часть, сочетаясь с прочими элементами декора, заполняя, например, пространства сложных фигур. В синташтинском комплексе «ёлочки» связаны, в большей степени, с определенными типами посуды, составляя в их орнаментации весомый процент [Ткачев В.В., 2007. С. 161]. Приблизительно такая же картина наблюдается в орнаментах потаповской керамики, где указанный «мотив» составляет внушительную долю в 10,1% [Мочалов О.Д., 2008. С. 138-139].

Таковы наиболее ранние комплексы Смеловки, относящиеся к 2 (покровской) ОГ. Они представлены развитой покровской керамикой и синхронными ей инокультурными индикаторами позднесинташтинского и раннеалакульского типов. Дальнейшее развитие покровского комплекса в рамках всей группы, как видно, шло по линии изменений форм сосудов и орнаментации, все большем приближении их к будущим срубным стандартам. Так, при сохранении некоторой колоколовидности и при наличии внутреннего ребра, некоторые формы приобретают реберчатость в верхней трети общей высоты (пп. 56 и 65) и, по существу, уже представляют собой типичные острореберные сосуды. Их орнаментация (штрихованные зигзаги и ромбы) в срубное время получает широкое распространение. Другая тенденция – сокращение высоты венчика при сохранении внутреннего ребра на линии отгиба (пп. 7 и 43). В данном случае мы наблюдаем трансформацию округлобоких колоколовидных (покровских) форм в слабопрофилированные и округлобокие варианты срубного комплекса. Примечательно также, что чисто технологический признак внешней обработки поверхности покровских сосудов (хаотичные разнонаправленные расчесы) в какой то момент приобретают функции декора и маркируют часть керамики позднепокровского времени. Они покрывают уже не все тулово, а лишь узкую полосу на шейке (пп. 2 и 19) или венчике (п. 4), и похожи на ряды вертикальных отрезков. Возможно также, что о деградации покровских

форм можно судить по изменениям в соотношении диаметров устья и максимального расширения тулова. Наблюдается устойчивая тенденция к зауживанию устья, тогда как для ранних покровских сосудов характерна обратная картина: диаметры устья часто равны показателям максимального расширения тулова, а иногда их превосходят. В Смеловке эти процессы отразились в материалах погребений 11 и 17. Но особенно показателен в этом отношении сосуд из погребения 66 (рис. 42), у которого сочетаются зауженное устье, короткий венчик с внутренним ребром и непропорционально широкое днище, превосходящее по размеру диаметр шейки. Это наглядная иллюстрация реальной утраты покровской традиции керамического производства в ходе развития культуuroобразующих признаков Смеловки.

Динамика орнамента в рамках первого стандарта 2 (покровской) ОГ выразилась в переходе от горизонтальных рядов насечек и вдавлений (пп. 26-28), коротких оттисков штампа, иногда построенных в виде «елочки» (п. 7) к вполне срубным композициям, где присутствуют узнаваемые зигзаги, треугольники, ромбы, наклонные линии (пп. 4, 11, 17, 18, 56, 66). Правда, они продолжают сохранять присущую «покровску» узкозональность в вертикальном размещении сюжетов, разделенных горизонтальными линиями.

Аналогичные процессы перерастания покровских традиций керамического производства в срубные стандарты были отмечены в работе А.П. Семеновой на примере лесостепных средневожских материалов из раскопок курганов [Семенова А.П., 2001. С. 273-279]. При существенной разнице в критериях отбора значимых признаков в смеловском и средневожском керамических комплексах для последующей систематизации, тенденция трансформации вполне узнаваема. Представляется очевидным, что ранняя «покровская» группа керамики, по А.П. Семеновой, в рамках из-

вестного покровского массива является наиболее поздним вариантом, в котором уже заметно преобладают собственно срубные признаки. Смеловской 2 (покровской) обрядовой группе здесь полнее соответствуют сосуды т.н. «редких» форм, в которых наиболее выпукло выражены отмеченные выше черты покровска [Семенова А.П., 2001. С. 275, рис. 1, Г].

Среди погребений первого стандарта 2 ОГ лишь в одном (п. 32) было зафиксировано металлическое украшение – желобчатая височная подвеска округлой формы (рис. 8, 5). Здесь этот тип инвентаря сочетается с пастовыми бусами и слабопрофилированным сосудом, на придонной части которого заметны вертикальные расчесы (рис. 8, 4, б). Сосуд представляет собой уже вполне сложившийся раннесрубный тип (слабопрофилированный с коротким венчиком). Вместе с тем, округлая подвеска и, особенно, планиграфическая близость погребения 32 с детским захоронением 31, в котором находился баночный сосуд с каннелюром и подражанием синташтинскому декору, позволяют помещать 32 комплекс по соседству с начальной, покровской, фазой развития могильника, если не в конце этого этапа. Пастовые бусы и округлые желобчатые подвески с широкими лопастями отмечены как типы инвентаря, свойственные покровску и заходящие во времени в арсенал срубной культуры [Малов Н.М., 1992. С. 34, 44-45].

Аналогичным образом определяются культурно-хронологические позиции другой категории украшений – сурьяного бисера, входившего в состав женских уборов наряду с пастовыми (фаянсовыми) бусами. В рамках первого стандарта 2 ОГ бисер выявлен в двух женских захоронениях 11 и 54. Этот тип украшений весьма обоснованно представлен в указанной сводной работе Н.М. Малова, который отметил появление фаянсовых бус и сурьяного бисера в катакомбных культурах, предположил их привозной характер (Передний Восток, Кавказ), широкое бытование в бабинских, покровских, раннесрубных и раннеалакульских комплексах [там же. С. 44-

45]. В целом, подтверждая данную точку зрения, отметим, что в Смеловке таких украшений совсем нет в 1 ОГ, в позднем стандарте 3 (срубной) ОГ они отмечены лишь однажды, но довольно хорошо представлены в покровской 2 ОГ и ранних стандартах срубной 3 ОГ.

Особое место во 2 (покровской) ОГ занимает компактная выборка погребений (пп. 63, 69, 78, 101, 108), которая, на основании специфики керамических сосудов, условно выделена как второй стандарт (рис. 42). Это исключительно детские захоронения, в которых умершие лежат на левом боку, в позе адорации, головой к северу, иногда с незначительными отклонениями к востоку или западу. Здесь отмечены два случая подхоронения: в первом, к погребению 78 второго стандарта 2 ОГ, на край могилы впущено детское погребение 77 второго раннесрубного стандарта 3 ОГ; во втором – парное детское погребение 108 второго покровского стандарта подхоронено к погребению 111 («пращур» из 1 ОГ). Подхоронения в Смеловском могильнике – это особая тема, которой мы коснемся ниже, при реконструкции погребального обряда, в частности, сакральной символики трансферной коммуникации.

Самая яркая черта второго стандарта 2 ОГ – это удивительно стойкий инвариант декора посуды, в котором настойчиво повторяются сочетания горизонтальных гребенчатых линий и рядов подтреугольных оттисков. Иногда в композициях орнамента встречаются дополнительные аранжировки в виде вертикальных или наклонных отрезков, как, например, на сосудах из пп. 101 и 108 (примечательно, что это баночные формы), но общей идеи декора они не искажают. Устойчивый стандарт такого орнамента отмечен на округлобких сосудах с плавной профилировкой и высокими венчиками. Как правило, на шейках и плечиках таких сосудов размещаются от двух до шести горизонтальных линий, под которыми проходит один ряд треугольных оттисков. Исключение представляет сосуд из п. 78, укра-

шенный двумя рядами оттисков, между которыми размещены шесть гребенчатых линий.

Причастность этой группы именно к покровской фазе динамики Смеловки не бесспорна, поскольку формы сосудов не имеют признаков явной колоколовидности. Но представляется, что это именно тот случай, когда внешние морфологические черты покровского сосуда уже полностью сnivelированы, а сохранились другие, более устойчивые признаки. К таковым можно уверенно отнести ракушечную примесь, а также композиционное (узкозональное) построение орнамента.

По поводу этих захоронений автор уже высказывался в печати [Лопатин В.А., 1999-Б. С. 22-24; он же, 2000-Б], отмечая, с одной стороны, их возможную принадлежность к некой гипотетической родовой группе в планиграфии Смеловки, с другой, – вполне очевидную стойкость определенной гончарной традиции, внешне отличной как от ярких покровской, потаповской, синташтинской, несомненно участвовавших в культурообразовании, так и от завершенного производного – весьма монотонной срубной посуды.

Поиск аналогий в материалах широкой географической зоны, от Северного Приазовья и Поднепровья до Южного Зауралья, показал значительную пространственно-хронологическую устойчивость указанного типобразующего признака. Было установлено, что смеловской выборке наиболее близки два сосуда из покровских комплексов саратовского Поволжья: один экземпляр из детского захоронения в кургане у пос. СХИ на северной окраине г. Энгельса (зона известных покровских могильников), хранящийся в фондах городского краеведческого музея [Лопатин В.А., 2000-Б], второй – из материалов покровского поселения Вихляный Овраг, обнаруженного также в черте г. Энгельса, только на его южной окраине [Дремов И.И., 1992. С. 84, рис. 7, 1]. Они полностью повторяют канон: го-

ризонгальные линии, выполненные зубчатым штампом, сочетающиеся с одним рядом подтреугольных оттисков. Кроме того, отмечено, что основной орнаментальный элемент (подтреугольные оттиски), возможно, изначально связан с технологическими приемами уплотнения швов на стыках частей сложных керамических форм, а также имеет смысловую преемственность с зигзагами и свисающими треугольниками, которые обычно сопровождаются горизонтальными линиями. На известных раннесрубных памятниках степного Волго-Уралья подтреугольные оттиски встречаются как в погребальных, так и в поселенческих комплексах. В более позднее время развитой срубной культуры они часто сочетаются не только с горизонтальными линиями, но и другими элементами декора.

В южном Приуралье абсолютно аналогичное построение орнамента отмечено на сосуде из позднекатакомбного (по В.В. Ткачеву) погребения могильника Медведка (к. 7, п. 1) [Ткачев В.В., 2007. С. 237, рис. 69, 1]. Здесь же отметим, что поза и обращенность умершего из этого захоронения удивительно точно соответствуют криволукским показателям – восточная обращенность сочетается с левобочной скорченностью и «катакомбным» положением рук. Два ряда подтреугольных оттисков в сочетании с горизонтальными линиями есть на очень близкой смеловским керамической форме из Болдыревского I могильника, там же в Приуралье, правда, знакомый сюжет сопровождается еще крупными свисающими треугольниками и дополнительным орнаментальным фризом в придонной части [там же. С. 239, рис. 71, 5].

В степном Заволжье, в Преображенском построечном комплексе № 2 (кожевенная мастерская), на крупном сосуде инокультурного (раннеалакульского) облика также представлены два ряда оттисков в шахматном построении, сочетающиеся с широким каннелюром на шейке и косыми гребенчатыми отрезками на венчике [Лопатин В.А., 1996. С. 149, рис. 5, 18].

Как правило, сосуды данного типа встречаются в могилах в одном экземпляре. Лишь однажды (смеловское погребение 108) горшок с таким орнаментом найден вместе с обычной банкой, которая была украшена сложным пиктографическим рисунком, о чем более подробно будет сказано в разделе, посвященном анализу семантики декора (рис. 42).

Украшения из металла – две бронзовые желобчатые височные подвески слабоовальной формы выявлены в погребении 78, и это единственный случай во втором стандарте 2 ОГ (рис. 15, 15, 16). Овальные формы подвесок были выработаны именно в покровское время, и дальнейшее их развитие в арсенале срубной культуры, как представляется, шло по линии увеличения в размерах, удлинения и одновременного зауживания лопасти. Наш экземпляр уже приближается к раннесрубным вариантам и, вероятно, в рамках могильника относительно синхронен такой же подвеске из погребения 32 (первый стандарт 2 ОГ).

Группа погребений второго стандарта вряд ли может быть отнесена к времени первых «строителей» сакрального комплекса в Смеловке. С относительной долей уверенности ее можно синхронизировать с захоронениями первого стандарта 2 ОГ, которые уже отражают процесс нивелировки покровских признаков (пп. 2, 7, 19, 32, 54, 56, 65), а в первой обрядовой группе ей могли быть одновременны поздние «аскеты» с восточными ориентировками в позах адорации (пп. 24, 38, 67, 70).

3 обрядовая группа (3 ОГ)

3 обрядовая группа (погребения №№ 3, 5, 8, 10, 13-16, 21-23, 25, 29, 30, 34/2-4, 35, 36, 39, 40, 42, 44-53, 55, 57-62, 64, 68, 71-77, 79-100, 102-107, 109, 110, 113-127, 129-131) – наиболее многочисленная и внешне однообразная – представляет собой собственно срубный пласт Смеловского могильника.

Уже в первых публикациях, посвященных материалам Смеловки, в общих чертах была представлена возможная модель формирования локального варианта срубной культуры на периферии Волго-Уральского очага культурогенеза (Лопатин В.А., 1997, 1998, 1999, 2000). В частности, систематизация элементов погребальной обрядности, керамического и прочего инвентаря, позволила выявить в представительном массиве артефактов основные обрядовые группы, характеристики которых указывали на относительную неоднородность и разновременность комплексов. На этом основании было высказано предположение о формировании третьей обрядовой группы с показателями развитой срубной культуры в результате миксации двух различных компонентов – местного степного (1 обрядовая группа) и пришлого лесостепного, очевидно, волго-уральского (2 обрядовая группа).

Между тем, анализ материалов 3 группы позволил установить в рамках этого, внешне однородного, массива определенную градацию, указывающую на культууроформирующую динамику, и условно дифференцировать его на три стандарта (рис. 43-45). Первый и второй ранние стандарты 3 ОГ демонстрируют наиболее явную преемственность с подстилающими их первой и второй обрядовыми группами (рис. 41, 42), а общий поздний стандарт 3 ОГ представляется, как результат окончательной нивелировки и культурной стабилизации (рис. 45).

Первый ранний стандарт 3 ОГ (пп. 10, 14, 15, 35, 39, 42, 49, 55, 73, 79, 82-85, 89, 90-92, 97, 100, 106, 124, 130, 131) характерен устойчивостью форм могильных ям (подпрямоугольные, реже овальные и трапециевидные), ориентировок (северо-восточные, реже северные и с незначительными отклонениями к северо-западу), поз левобочной адорации, иногда с завалом на грудь и незначительными отклонениями в положениях рук. Эта группа обеспечена сравнительно более яркими наборами инвентаря, чем

все прочие стандарты. В керамике, которая может быть уверенно охарактеризована как раннесрубный комплекс, еще заметны остаточные реликты «покровска» и прочих участвовавших в культурогенезе компонентов. Некоторые формы сосудов сохраняют слабозаметные черты колоколовидных прообразов, а также расчесы на внешней поверхности тулова и узкозональность в построении орнамента (рис. 43, 14, 15, 35, 39, 100).

Наряду с этими, явно покровскими, реминисценциями, на других сосудах в раннесрубном комплексе заметно присутствие пережиточных элементов катакомбной орнаментики в виде «ёлочных» композиций (рис. 43, 14, 73, 82, 97). При этом отметим, что на формирование первого раннего стандарта 3 ОГ в большей степени определяющее воздействие оказывала покровская традиция, поэтому здесь, видимо, наблюдается непосредственная преемственность именно с 2 (покровской) обрядовой группой.

Общая тенденция развития в рамках первого раннего стандарта 3 ОГ направлена на упрощение керамического комплекса, даже некоторую небрежность в изготовлении и орнаментации посуды, что в полной мере отразилось уже в комплексе общего позднего стандарта (рис. 45). Это касается асимметрии форм, преимущества простых композиций орнамента (зигзаги, ряды косых отрезков, линии, решетки, солярная символика), составляющих специфику именно срубного декора.

Один из самых заметных комплексов указанной группы – парное захоронение 10, где выявлены скелеты молодого (*Adultus*) мужчины возрастом 25-30 лет и юной женщины (*Adultus*) 18-20 лет (рис. 5, 1-9). Погребение сопровождалось сравнительно богатым для Смеловки инвентарем, включающим целых 5 сосудов, а на женщине, кроме того, зафиксированы украшения (бронзовые браслеты и сурьмяный бисер). Керамический набор из 10 погребения принципиально важен, поскольку в комплексе он отра-

жает определенную позицию Смеловки на завершающей фазе становления срубной культуры.

Сразу отметим синкретичный характер этого набора, поскольку здесь сочетаются две типично срубные банки средних размеров без орнамента (рис. 5, 5, 6), закрытый баночный сосудик с крышкой и парными отверстиями для подвешивания (рис. 5, 4), миниатюрная закрытая банка с непропорционально широким днищем (рис. 5, 2) и средних размеров прямостенная банка с характерным уступом, украшенная горизонтальными линиями и треугольниками (рис. 5, 3).

Представляется, что миниатюрные сосуды с крышками, приобретающие в срубном комплексе формы закрытых банок, выполняли отнюдь не бытовые, а скорее сакральные функции и продолжали традицию абашевских и покровских ритуальных реберчатых сосудов с крышками. Морфологическое различие такой посуды в абашевских и покровских комплексах убедительно обосновано О.В. Кузьминой. Оно проявляется в высотных соотношениях максимального реберчатого расширения тулова, в формах днища, в характере орнаментации. Абашевские ритуальные сосудики пышно украшены традиционным декором, часто имеют округленные днища, реберчатое расширение тулова расположено в нижней трети общей высоты сосуда. Их покровские функциональные аналоги орнаментированы скромнее (как правило, зигзагами) или совсем не имеют декора, у них плоские днища, а максимальное расширение приходится на середину тулова. В целом, они близки покровским реберчатым формам обычных сосудов средних размеров [Кузьмина О.В., 1995. С. 32-35, рис. 4, 1-8]. Как уже было отмечено, вполне возможно, что, наряду с прочими покровскими реберчатыми прообразами, ритуальные сосудики открыли вектор на развитие в срубном керамическом комплексе разнообразных острореберных и биконических форм бытового предназначения. Важно отметить, что мелкая бы-

товая биконическая посуда часто сопровождает погребения детей, как это имеет место и в Смеловке, причем, только в первом раннем стандарте 3 ОГ (рис. 43, 82, 91, 92). Теперь ритуальную посуду, очевидно, маркируют уже не сами формы, а другие признаки, скорее всего, именно крышки, встречающиеся в комплексе с сосудами.

Кроме того, закрытая баночка с крышкой из десятого погребения Смеловки занимала в пространстве могилы особое место – не с другими четырьмя сосудами, поставленными в головах умерших, а около предплечий мужчины (против живота). Парные отверстия для подвешивания в верхней части сосуда и два отверстия на боковых выступах крышки указывают на шнур (или тонкий ремешок), который в качестве дужки крепился на самом горшке и, к тому же, пропускался через крышку. Само собой разумеется, что такой комплект не был предназначен для термической обработки пищи.

Прямостенная банка с уступчиком (рис. 5, 3) имеет широкие аналогии в раннеалакульском керамическом комплексе. В ближайшем по территории приуральском ареале алакульской культуры прямостенные банки с уступчиками отмечены в Алексеевском и Алакульском могильниках, правда, здесь сосуды, как правило, орнаментированы гораздо более пышно [Кузьмина Е.Е., 1994. С. 412, рис. 16], в чем еще ощущается эклектизм предшествующей синташтинской нормы. Но в целом, в динамике алакульского комплекса также наблюдается тенденция к упрощению декора, когда орнаментируется не сплошь все тулово сосуда, а отдельные его зоны и даже, как в срубной культуре, только его верхний отдел. В частности, подобная тенденция изменчивости отразилась в схеме В.В. Ткачева, который, разделив раннюю западноалакульскую культурную группу на две последовательные фазы, в более позднюю из них (кулевчинскую) помещает как

раз такие, сравнительно скромно, украшенные сосуды [Ткачев В.В., 2007. С. 343, рис. 78].

Из известных нам, на данный момент, аналогов смеловскому сосуду алакульского типа наиболее близкий, по орнаменту, экземпляр был обнаружен в материалах памятника Черняки III, исследованного в Южном Зауралье и квалифицированного как алакульское святилище [Стоколос В.С., 2005. С. 29, рис. 7, 3]. Это не абсолютное сходство, сосуд из Черняков более приземист и несколько рельефнее в профиле, кроме того, он слегка каннелирован, а в придонной части имеется дополнительный бордюр из штрихованных треугольников. Черняковский и смеловский экземпляры объединяет устойчивый инвариант декора в верхнем отделе тулова – сочетание штрихованных треугольников (ряд свисающих и ряд фигур, расположенных вершинами вверх), разделенных горизонтальными линиями. Такие орнаментальные композиции, особенно в сочетании с характерными уступчатыми профилями керамических форм, представляются именно алакульской спецификой, отличающей узнаваемые сосуды как инокультурные инкорпоранты. Это очень заметно в Смеловке, и те же самые признаки позволяют идентифицировать алакульские комплексы на самых дальних перифериях культурного ареала, например, в могильнике Чистолебяжье, на границе Курганской и Тюменской областей, где, у самой кромки леса и лесостепи, фиксируется взаимодействие индоиранского и финноугорского миров. Отмеченные элементы декора весьма устойчивы и в этой контактности [Могильников В.А., 1984. С. 32, рис. 2].

Очевидно, взаимодействие срубной и алакульской культур, завершающих свое становление в гигантском ареале культурогенеза, в это время еще довольно активно. Это выражается в межплеменном обмене различными технологическими новациями, возможно даже в межэтнических браках (супружеское (?) п. 10 в Смеловке), хотя говорить об этнических раз-

личиях на данном этапе развития иранского мира пока преждевременно. Очень скоро носители срубных и алакульских культурных своеобразий замкнутся в своих обширных природно-экологических нишах, полностью поглощенные своими внутренними хозяйственными проблемами. Для срубного мира в степном Поволжье начнется время самоизоляции и стагнации культурной динамики, что опосредованно отражают материалы волго-уральских поселений (развитый этап) [Лопатин В.А., 2002. С. 91], а также погребения общего позднего стандарта 3 ОГ в Смеловке.

Примечательно, что парные захоронения взрослых людей выявлены только в рассматриваемой группе. Мы не можем уверенно интерпретировать 10 захоронение как супружеское, хотя в литературе встречаются многочисленные толкования парных комплексов, как погребений близких людей, особенно, если скелеты фиксируются в коитальных позах. В Смеловке этого нет, может быть, еще и потому, что утверждающаяся канонизация погребального обряда уже требовала определенных, выдержанных в строгих нормах, параметров сакрального алгоритма, особенно для общинных грунтовых кладбищ. Возможно, разнополыми были люди, погребенные в 55 захоронении из мавзолея 2, но здесь половозрастную характеристику удалось получить только для одного скелета – молодой (*Adultus*) мужчина возрастом 20-25 лет. Второй умерший, судя по останкам, был более грацилен, что вполне соответствует женским параметрам, но и находки – два глиняных сосуда – никак дополнительно не диагностируют данный комплекс (рис. 12, 6-8). Скелеты из парного захоронения 100 определены как однополые – женщины юного (*Juvenis*, 15-18 лет) и молодого (*Adultus*, 25-30 лет) возраста, погребенные с тремя глиняными сосудами (рис. 18, 1-4).

В материалах названного стандарта выделяется компактный набор предметов, выше охарактеризованных как орудия труда, украшения и амулеты. Это бронзовое шило (п. 35), браслеты (п. 10), наконечники, подвески и

бусы (п. 89), фрагмент подвески и бусы (п. 79), фрагмент трубчатой подвески и бусы (п. 84), просверленные клыки хищного животного (п. 106), фрагмент бронзовой швейной иглы (п. 124). Все вещи надежно ложатся в раннесрубное время, как по своей типологии, так и по сочетанию с керамическими сосудами, представленными в комплексах.

Бронзовое прямоугольное в сечении шило обнаружено в комплексе с остросеребряным сосудом, на придонной части которого заметны вертикальные расчесы, на прямом плече имеется однорядный зигзаг, а на шейке, под коротким венчиком, – горизонтальная линия (рис. 8, 8-10). Набор принадлежал зрелой женщине (Maturus I) возрастом 30-40 лет, и нет никаких сомнений в том, что знаковая символика шила, как трудового инструмента, отражает здесь прижизненную специализацию умершего, связанную с кожаным производством⁵.

Металлические шилья нередко встречаются в женских захоронениях, причем, как правило, в знаково сакрализованных комплексах, где могут присутствовать украшения, прочие инструменты, например, костяная проколка, как это отмечено в покровском погребении 20 кургана 1 в Бородаевке [Памятники..., 1993. С. 139, табл. 9, 14, 15].

Еще более сакрализован женский комплекс из соседнего со Смеловкой Узморья. Здесь, в погребении 8 кургана 2, бронзовое шило найдено вместе с украшениями (браслеты, подвески, бусы), пластинчатым ножом явно производственного характера, биконическим сосудом и ритуальными костяными фигурками с глиняными намазками, инкрустированными бисером [там же. С. 137, табл. 7, 1-9].

В парном захоронении из богатейшего могильника Натальино II (к. 2, п. 1) престижный воинский инвентарь (нож-кинжал, наконечники стрел,

⁵ Кожевенное производство – широкое понятие. Здесь мы имеем ввиду не первичную переработку, т.е. выделку кож из шкур животных, которое было чрезвычайно трудоемким процессом и, безусловно, относилось к сфере мужского труда, а последующие процессы по изготовлению одежды и обуви (шитье).

костяные детали плети) сочетались с женским набором (пастовые бусы, костяная проколка, фрагмент шила или иглы, половинка пластинчатого ножа) [там же. С. 131, табл. 1, 2-13], причем, как мужской, так и женский инвентарь представлены в строго знаковой форме, когда по принципу «pars pro toto» целое подменяется частью. Смысл подмены заключается в том, что вместо целого колчанного набора в могилу кладут 1-2 стрелы, а вместо дорогого целого ножа – его обломок, а может быть преднамеренно сломанный клинок.

Встречаются и более универсальные наборы, отражающие сразу несколько придомных женских профессий (кожевенное дело, шитье легкой одежды, шерстопрядение), как, например, в погребении 1 из кургана E14 в Краснополье (Preis) [там же. С. 142, табл. 12, 12-17], где в одном комплексе обнаружены бронзовое шило, игла, костяное дисковидное пряслице и подвески, свернутые в 1,5 оборота.

Совершенно иной смысл вложен в деталь (обломок бронзовой иглы) погребальной обрядности смеловского 124 захоронения, где расчищен скелет взрослого (Matugus) мужчины возрастом 40-50 лет, уложенного в позе традиционной левобочной адорации (рис. 22, 1-3). Около запястий стояла малая банка с прочерченным одинарным зигзагом, рядом лежали кости МРС. Фрагмент иголки найден между стопами резко подогнутых в коленях ног и тазом, причем, это средняя часть игольного стержня, без острых окончаний. Игла – не мужская атрибутика, в данном комплексе она не отражает прижизненной трудовой специализации умершего. Можем предположить, что этот инструмент подвергся преднамеренной порче, отражая определенную специфику родственных отношений, в чем-то близкую преднамеренной порче зеркал и колющих металлических предметов в более поздних комплексах раннего железного века.

Узкожелобчатые браслеты с зауженными несомкнутыми окончаниями из 10 погребения (рис. 5, 8, 9) характерны для раннесрубных и раннеалакульских комплексов. В разработке Н.М. Малова такие украшения отнесены к типу У-2 (дуговидно-желобчатые), своим происхождением связываются с петровско-алакульскими традициями [Малов Н.М., 1992. С. 25], и данный вывод косвенно подтверждается наличием в нашем 10 захоронении алакульского сосуда.

Относительно одновременны указанному типу браслетов бронзовые узкожелобчатые височные подвески овальной формы (тип У-12 по Н.М. Малову) из погребения 89 (рис. 17, 3, 4). Отмечено, что такие украшения были выработаны именно в срубном очаге бронзовой металлургии и локализовались в степной зоне Поволжья [Агапов С.А., Иванов А.Ю., 1978. С. 50-51]. В некоторых комплексах встречаются как овальные, так и округлые варианты желобчатых подвесок [Малов Н.М., 1992. С. 34], что можно рассценивать как продолжительное существование архаичных покровских (округлых) типов, передаваемых из поколения в поколение по женской линии.

В одном комплексе с указанными подвесками зафиксированы также типичный срубный сосуд – закрытая неорнаментированная банка, фаянсовые бусы и три пластинчатых наколика (рис. 17, 1-8). Три смеловских наколика удлиненно-листовидной формы являются простейшими вариантами среди известных подобных украшений женской прически, тогда как встречаются более сложные типы, с дополнительными накладками на место крепления, украшенными чеканными орнаментами [там же. С. 36]. Н.М. Малов определяет наколики как украшения типа У-16 и выводит из урало-казахстанских культур начала эпохи поздней бронзы (кротовская, петровская), под влиянием которых аналогичные ювелирные изделия переходят в федоровские комплексы, а также приживаются в срубной и бегазы-дандыбаевской культурах.

Интересен факт обнаружения в Смеловке фрагмента трубчатой кольцевидной подвески, свернутой из тонкой бронзовой пластинки. Он был зафиксирован в детском погребении 84 в комплексе с груболепным слабопрофилированным сосудом вертикальных пропорций, украшенным двумя небрежно нанесенными зигзагами (рис. 16, 10, 11). Такие подвески квалифицированы как украшения типа У-7, появляющиеся в андроновском ареале и более всего характерные для раннепетровских и алакульских памятников. В Поволжье они проникают еще в покровское время. Отмечено также, что трубчатые и спиральные (желобчатые) подвески нередко присутствовали в погребениях вместе, очевидно в единых гарнитурах [там же. С. 31-32].

Подвески-амулеты, изготовленные из клыков хищника обнаружены в смеловском погребении 106. Здесь, в овальной (редкой для первого раннего стандарта 3 ОГ) могильной яме, расчищено захоронение молодой женщины (*Adultus*) возрастом 18-21 лет, погребенной в позе левобочной адорации с сильным завалом на грудь. Примечательно, что во всей группе это единственная могила, на краю которой отмечена ритуальная тризна (череп и кости ног МРС), что сближает ее с комплексами более ранних (1 и 2) обрядовых групп, а также с погребением 57 из второго раннего стандарта 3 ОГ. Амулеты находились перед грудью умершей женщины и здесь же, у локтевых сочленений, стояли две типично срубные банки. В целом, комплекс, несомненно, является раннесрубным (рис. 18, 11-17). Всего в ожерелье было 4 клыка, просверленных на корневых окончаниях. Все они разные, что, возможно, является следствием естественной асимметрии в развитии зубного аппарата одного зверя, но не исключено, что зубы могли принадлежать разным особям хищников.

Такие амулеты в материалах срубной культуры довольно редки. В ближайшем пространстве степи они (целых 13 экземпляров) отмечены в

комплексе парного захоронения из Натальино (к. 3, п. 1), где находились также бусы, подвески, дисковидное пряслице и типично покровский сосуд [Памятники срубной.., 1993. С. 131, табл. 1, 14-24].

Один просверленный клык найден в комплексе с бусами, покровским сосудом и бронзовым ножом в погребении 8 кургана 2 из ближайшей к Смеловке заволжской Терновки (к. 2, п. 8) [там же. С. 136, табл. 6, 4-6, 14].

Ожерелье из клыков хищника (29 экземпляров) украшало женщину из парного захоронения в эталонном Покровском могильнике (к. 35, п. 2), где обнаружена знаковая мужская символика (два ножа, тесло, костяной медальон), женские украшения (бусы и браслеты), а также три сосуда, один из которых орнаментирован в синташтинской манере [там же. С. 146, табл. 16, 11-21].

Удивительно, что такая внешне мужская (охотничья) атрибутика, как украшения из клыков хищника, в погребальных комплексах присуща, в основном, женщинам, но Н.М. Маловым было замечено, что такие подвески, причем, только в одном экземпляре могут встречаться и в детских захоронениях [Малов Н.М., 1992. С. 41]. Указывая на широкое распространение этих амулетов в различных культурах бронзового века Евразии, автор особо отмечает их полное отсутствие в абашевских комплексах Волго-Донья [там же. С. 42], о чем также ранее писал К.В. Сальников применительно к Приуралью [Сальников К.В., 1967. С. 121].

Очевидно, знаковая символика мужской атрибутики (охотничьи трофеи) в женском ритуале действует в обрядовой практике примерно по той же схеме, что и женский атрибут (игла) в ритуале погребения мужчины. Это определенный комплекс внутриродственных отношений – прижизненные и посмертные дары близких людей (нередко предельно символические, но вуалирующие глубокий смысл), отражающие идею воссоеди-

нения, как в реальном, так и в потустороннем мирах. Подобные погребальные дары личных вещей отмечались для памятников бронзового века Кавказа. Они зафиксированы в девяти погребениях могильника Сержень-Юрт, причем, все дары были знаками женской ментальности по отношению к усопшим мужчинам (браслеты, двулопастные подвески, пряслица) [Козенкова В.И., 2002. С. 49]. Подобные факты ранее отмечались также в ближайшем Хорочоевском могильнике [Круглов А.П., 1958. С. 86]. В.И. Марковин оценивал личные дары, как знак скорби и единства близких людей в загробном мире, где женщина символически сопровождает близкого мужчину по долгу супружества [Марковин В.И., 1969. С. 106].

Сравнивая *первый* ранний стандарт 3 ОГ с одновременным *вторым* стандартом той же группы (пп. 23, 34/Б, В, Г, 44, 46, 52, 57, 60, 64, 68, 76, 77, 88, 93, 107, 115, 122, 127), нельзя не отметить очевидные различия по двум основным принципиальным признакам (рис. 44). В отличие от простых, классически срубных, могильных ям первого стандарта, в устройстве могил второго заметны реминисценции некогда сложных подбойных сооружений в виде подбитых стенок, имитаций обособленно выделенных погребальных камер (обширные ступени, заплечики) и дромосов (декоративные тамбуры). Если в керамическом комплексе первого стандарта вполне ярко представлено разнообразие форм и орнаментов, в том числе с элементами реликтов, то сосуды второго стандарта, по своей монотонности, простоте и слабой орнаментированности, максимально близки керамике общего позднего стандарта 3 ОГ (рис. 45), что, в целом, уже характеризует их как показатель развитой срубной культуры.

С другой стороны, оба стандарта, безусловно едины в рамках 3 ОГ по таким основным культуuroобразующим признакам, как устойчивая левобочная адорация и ориентировка (северная, с отклонениями к северо-востоку или северо-западу).

В керамической серии второго раннего стандарта 3 ОГ наиболее ранними представляются два неорнаментированных сосуда из детских погребений 23 и 77 (рис. 7, 8, 9; 15, 13-А, 14). В первом случае, средних пропорций сосуд закрытой профилировки, с коротким плечиком, выделенным слабым уступчиком, сочетался в одном комплексе с шайбовидной пастовой бусиной. Во втором, слабопрофилированная форма с высоким вертикальным венчиком была помещена в подхоронение к более ранней могиле 78 из второго стандарта 2 ОГ (рис. 42). Не исключено, что в слабо заметной специфике этих форм, отличных от срубных, проявляются некоторые реминисценции предшествующих традиций средней бронзы. Отметим также, что, наряду с прочими, эти традиции, возможно, сыграли определенную роль в генезисе некоторых типов срубного комплекса, например, округлобоких сосудов с вертикальным венчиком 4 типа (рис. 33), а также самого распространенного типа 9.2 – закрытые банки с максимальным расширением в верхней трети общей высоты тулова (рис. 36).

Прочие сосуды данного группового стандарта, вероятно, демонстрируют процесс стабилизации основных форм срубного керамического комплекса, баночных, остросеберных, округлобоких и слабопрофилированных. Не случайно, видимо, они столь выраженно просты и практически не декорированы, поскольку, в рамках погребальной обрядности, тесно взаимосвязаны с угасающей традицией подбоев, традицией, маркирующей в 1 ОГ принцип «аскезы». Уже теперь, на данной линии формирования культуры, явственно проявляются классические черты массового срубного обряда, выражающиеся в простоте и канонизации ведущих признаков (поза, ориентировка, два сосуда).

Прочие предметы инвентаря представлены во втором раннем стандарте 3 ОГ бронзовыми браслетом и височной подвеской (п. 127), пастовыми бусинами (п. 93) и набором костяных вязальных спиц (п. 57). Пред-

ставленные выше основные тенденции развития желобчатых украшений предполагают изменения форм и параметров, направленные, во-первых, на зауживание пластин, а во-вторых, приводят к удлинению таких категорий, как височные подвески, что в полной мере проявляется на примере комплекса из 127 захоронения (рис. 22, 8-12). Н.М. Малов относит такие формы к типу У-12 [Малов Н.М., 1992. С. 34], но, вероятно, наиболее удлиненные варианты, появляясь уже в самых поздних покровских погребениях, присущи собственно срубным комплексам и бытуют в них наряду с удлиненными подвесками, изготовленными из узких, овальных и прямоугольных в сечении дротов⁶. В погребении 127 узкожелобчатые браслет и подвеска зафиксированы в комплексе с типично срубной прямостенной банкой малых размеров. Могильная яма овальной формы преднамеренно подбита (расширена по дну) в виде небольшой ниши в северо-западную сторону, куда головой ориентирован умерший, уложенный в позе левобочной адорации. Здесь, соответственно специфике стандарта, сочетаются сложившиеся срубные показатели (поза, ориентировка, украшения, сосуд) и слабая подбойная реминисценция 1 обрядовой группы.

Подобная картина наблюдается во всех комплексах 2 стандарта 3 ОГ, но наиболее ярко симбиоз традиций проявился в захоронении 57, где выявлены вязальные спицы из кости (рис. 13, 1-10). Могильное сооружение, в основе которого прослеживается простая прямоугольная яма, ориентированная по меридиану, дополнительно оснащено ступенькой в западной стене и ступенчатым тамбуром в восточной продольной стенке. Таким образом, реминисценция предшествующей традиции проявилась в стремлении обособить погребальную камеру, в обозначении входа для посетителей (скорее всего, символических), что сближает этот комплекс с идеей

⁶ Косвенно это подтверждается, например, находкой в одном комплексе узкожелобчатого браслета и дротовой удлиненной подвески в 1/1 из Ровного (Zelman) [Памятники срубной..., 1993. С. 142, табл. 12, 29, 30].

мавзолея (п. 34), а также в наличии тризны (череп и кости ног МРС) на специальной ступеньке в северо-западном углу. В самом обряде и инвентаре уже фиксируются признаки сложившейся культуры: левобочная адорация с завалом на грудь, северная ориентировка, две типично срубные закрытые банки и костяные вязальные спицы, уложенные компактным блоком перед грудью женщины почтенного возраста (Maturus II – 40-50 лет).

В погребальном обряде этот тип инструментария, в подобных представительных наборах (7 экземпляров), довольно редок. Он также наполнен знаковой символикой и отражает прижизненную специализацию в комплексе домашнего женского труда. Сложность идентификации предмета заключается в морфологической близости изделий, различных по своей функциональности, и только трасологический анализ может помочь разделить вязальные спицы и проколки, которые внешне одинаковы. Вероятно, наиболее достоверны определения тех спиц, которые имеют четко выделенную специальной поперечной бороздкой рабочую часть, как это видно на двух, из семи смеловских, экземплярах (рис. 13, 5, 7). Опытами трасологических исследований А.Н. Усачука установлено широкое распространение костяных вязальных спиц на памятниках различных культур эпохи поздней бронзы от Поднепровья до Зауралья, в том числе и в срубной культуре, где известны 44 предмета из материалов поселений и около 60 экземпляров из погребений [Усачук А.Н., Литвиненко Р.А., 2003. С. 163].

В ближайшем степном ареале срубной культуры эта морфологическая категория инвентаря (спицы или проколки) часто встречается как на поселениях, так и в погребениях, что вполне естественно для области распространения пастушеского хозяйственно-культурного типа. В материалах специализированной постройки № 2 (кожевенная мастерская) на Преображенском поселении, среди 11 костяных стержневидных изделий, только одно имело слабо выделенную и очень короткую рабочую часть, что отно-

сительно достоверно позволяет считать его вязальной спицей [Лопатин В.А., 2002. Рис. 9, 15]. Знаковый символ спицы в погребальной обрядности чаще всего подчинен принципу «части вместо целого». Как правило, это только один экземпляр костяного инструмента, который нередко сочетается в комплексе с другими орудиями женского труда (пряслице, игла, шило). Набор спиц из 57 погребения Смеловки – редкое исключение из этого правила, лишь одна абсолютная аналогия – семь спиц, уложенные таким же компактным блоком перед скелетом, – известна нам по материалам курганного могильника Покровка, исследованного в Северо-Восточном Приазовье [Литвиненко Р.А., 1999. С. 13, рис. 9, 8-12]. Этот комплекс определен как раннесрубный с покровскими чертами, здесь обнаружены также неорнаментированный слабопрофилированный сосуд, фаянсовые бусы и бронзовый проволочный перстень, восьмерковидный щиток которого образован спирально закрученными концами. В форме сосуда, действительно, угадывается слабая колоколовидность, но, учитывая восточную ориентировку скелета, можно было бы уточнить позицию данного захоронения, как, безусловно, раннесрубную, с остаточными покровскими и позднебабинскими элементами.

Раннесрубный пласт Смеловки, представленный двумя условными стандартами, по-существу, вероятно, демонстрирует две взаимодействующие линии формирования локального варианта культуры. Один вектор вырастает из 2 (покровской) обрядовой группы и слагает первый раннесрубный стандарт 3 ОГ, который характерен относительной пышностью ритуала, и обилием инвентаря. Второй продолжает традицию 1 ОГ, ставшую уже менее аскетичной, но ощутимо более скромную по сравнению с синхронным первым стандартом. Межкультурная миксация, начавшаяся в ходе взаимодействия первой и второй обрядовых групп, на раннесрубной фазе еще не успела стереть генетических различий, проявляющихся в от-

дельных деталях. Но уже устойчиво были зафиксированы ведущие культурные признаки: поза смиренного поклонения, обращенность лицом к восходу солнца и типы погребального инвентаря, которые постепенно канонизируются в стандартные наборы, тяготеющие к усредненно-скромным вариантам отправления ритуала.

В полной мере указанная тенденция отразилась в материалах общего позднего стандарта 3 обрядовой группы (пп. 8, 13, 29, 45, 47, 48, 50, 53, 58, 59, 61, 62, 72, 74, 80, 81, 86, 87, 95, 98, 99, 102-105, 109, 110, 113, 114, 116, 117, 119, 120, 121, 123, 125, 126, 129). В канонизированных признаках погребальной обрядности и инвентаря этой группы мы видим классические черты срубной культуры эпохи поздней бронзы, окончательно сложившейся в своих идеологических и материальных показателях. Эти признаки неоднократно упоминались во всех исследованиях, посвященных проблемам срубной культурно-исторической общности: прямоугольные, с округленными углами, могильные ямы, ориентированные в меридиональные сектора, скорченное на левом боку положение скелетов (поза адорации), северо-восточные, северные, реже северо-западные ориентировки (в Смеловке лишь одно исключение из этого правила – п. 47, ориентированное на юго-запад), органические подстилки и меловые подсыпки (здесь только в п. 110), признаки огня (п. 48), кости КРС и МРС, положенные в могилы (в Смеловке пп. 62, 80, 110, 116). Стандартизация и скромность особенно четко проявляется в наборах погребального инвентаря: в могилах от одного до трех, но чаще всего два сосуда, крайне редки орудия труда (абразив в п. 121) и украшения (бронзовые подвески в п. 47 и бусы в п. 72). Аналогичные данные можно привести практически по всем известным грунтовым кладбищам срубной культуры Поволжья, а также не сложно выделить одновременные горизонты в курганных могильниках.

Вряд ли будет ошибкой в целом синхронизировать общий поздний стандарт 3 ОГ Смеловки с поселениями развитого этапа срубной культуры степного Волго-Уралья, в которых не отмечены признаки Покровска и реликты предшествующей эпохи, – Максютово, Чапаевка-III, Малоиргизское, Мирный, Быково-I, II, Новопривольное-V,⁷ Новоникольское, Бережновка. До этого времени доживают и заканчивают в нем свое существование раннесрубные поселения Преображенка, Успенка, Покровское селище, Чесноково. В этот период возникают глубинностепные позднесрубные поселения Осинов-Гай и Озинки, доживающие до начальной фазы финала бронзового века [Лопатин В.А., 2002. С. 129, 130, 132, рис. 26, 27, 29].

Выделяющееся в этой группе по своей нестандартной ориентировке (ЮЗ) погребение 47 отмечено фрагментами удлиненных желобчатых височных подвесок, украшенных пуансоном. Это захоронение, зафиксированное около самого раннего архитектурного комплекса – кольцевидного ровика № 1 (рис. 23), содержало скелет взрослого мужчины (Maturus II) возрастом 40-50 лет, у стоп которого стояла неорнаментированная закрытая банка вертикальных пропорций (рис. 10, 12-15).

Подвески не являлись личным украшением мужчины, они найдены не на скелете, а в засыпке могилы и, кроме того, были преднамеренно сломаны.⁸ Сохранность узкожелобчатой пластины хорошая, изделия патинизированы по всей поверхности, что, возможно, и позволяет достоверно различить мелкий пуансонный орнамент – продольный ряд округлых ши-

⁷ Похоже, что поселения Малоиргизское, Быково и Новопривольное в комплексах памятников соответствуют грунтовым могильникам Калач, Быковскому и Новопривольненскому, в которых выявлены комплексы, абсолютно аналогичные позднему стандарту 3 ОГ Смеловки [см: Тихонов В.В., 2003; Попова Т.Б., 1960; Памятники..., 1993]

⁸ Вероятно, здесь мы наблюдаем деталь обрядности, по смыслу аналогичную посмертным даропринятиям в погребениях 106 (клыки хищника) и 124 (игла). И если ожерелье из охотничьих трофеев (клыки) еще прижизненный дар мужчины близкой женщине, то игла и подвески – это женские дары уже умершим мужчинам. Предметы сломаны не случайно, поскольку душу умершего человека могут сопровождать в потустороннем мире не реальные предметы, а их души, поэтому необходимо убить (сломать) предмет, чтобы высвободить его душу из материальной оболочки. При этом острые части колющих предметов в могилу не кладут, чтобы они случайно не повредили душе умершего человека [см: Литвинский Б.А., 1978; он же, Седов А.В., 1984].

шечек-жемчужин, выдавленных изнутри чеканом. О сравнительно поздней позиции таких подвесок в ювелирном арсенале эпохи бронзы позволяют говорить, во-первых, удлиненно-овальная форма украшений, а во-вторых – характерный декор.

Рельефная орнаментация височных колец и спиральных подвесок – явление нередкое и, в целом, довольно раннее. В эпоху поздней бронзы для желобчатых подвесок более характерны чеканные поперечные линии, парные или тройные, иногда сплошное рифление и более сложный декор, например, «елочка». В Поволжье выпуклые шишечки украшают такие изделия из драгоценных металлов: литые в средней (Уваровка 2) и желобчатые в поздней (Подлесный 1) бронзе [Кузьмина О.В. и др., 2003. С. 212, рис. 6, 7; Барынкин П.П. и др., 2006. С. 301, рис. 5, 4]. Естественно предположить, что чеканный пуансон на золотых и медно-бронзовых пластинчатых изделиях появился в ювелирном деле поздней бронзы как имитация дорогостоящего литья украшений с рельефным декором из драгоценных металлов, что, по сути, представляло собой вульгаризацию эталона.

Эта рациональная новация пришла на Волгу, вероятно, с востока, где известны наиболее представительные комплексы пластинчатых (бронзовых и золотых) украшений. Наиболее древние металлические изделия с пуансонной орнаментацией (вероятно, обкладки деревянных сосудов) отмечены в материалах афанасьевской культуры в Алтайском крае [Грушин С.П. и др., 2006. С. 28, табл. 1, 46-48, 50, 51]. Примечательно, что некоторые из них очень похожи на листовидные наконечники.

В кротовской культуре Барабы листовидные («ножевидные») подвески-наконечники фиксируются уже как функциональные украшения, причем, здесь есть и гладкие экземпляры, и покрытые пуансоном [Молодин В.И., 1985. С. 68, рис. 34]. Подобные украшения отмечены также у барабинских федоровцев, например, в могильнике Абрамово-4 (26/1) [там же.

С. 103, рис. 54, 25]. В томском Приобье, в Еловском II могильнике пуансон отмечен не только на листовидных наконечниках, он украшал также желобчатый браслет со спиралевидным коническим окончанием и круглую нашивную бляшку из «черноозерско-томских» комплексов, близких федоровскому типу [Косарев М.Ф., 1981. С. 124, рис. 43, 10, 15, 17, 18].

Большинство многочисленных украшений «андроновского» (федоровского) могильника Кытманово («третья четверть II тыс. до н.э.») в Причумышье (Приалтайская степь) имеет рельефный орнамент, и более всего он представлен «жемчужным» пуансоном. На кытмановских округлых височных подвесках орнамента нет, но на четырех пластинах наконечников из могилы № 1 отмечены продольные ряды мелких пуансонных вдавлений, абсолютно идентичных тем, что имеются на смеловских удлиненных узкожелобчатых подвесках (Уманский А.П. и др., 2007. С. 65, рис. 9, 4).

По-видимому, именно с продвижением федоровских племен в районы Средней Азии, урало-поволжских и волго-донских степей, вплоть до Приднепровья [Кузьмина Е.Е., 1978. С. 21-23], следует связывать, наряду с прочими признаками восточной диффузии, появление в местных культурах мелкой ювелирной пластики с пуансонной орнаментацией. Так, например, федоровский комплекс украшений маркирует погребения из 5 ограды могильника Беласар в Центральном Казахстане, где представлены четыре овальных наконечника с пуансоном [Маргулан А.Х., 1979. С. 41, 2].

Проникновение федоровцев в позднесрубную среду Поволжья фиксируется по целому ряду признаков: погребения с кремацией и характерной чернолощеной керамикой с S-видной профилировкой и пышной «ковровой» орнаментацией, керамические комплексы поселений т.н. «ивановского» типа, где отмечена срубная, федоровско-бишкульская и валиковая (ХКВК) посуда [Малов Н.М., 1987]. В металлическом инвентаре это движение маркируется некоторыми видами украшений. Следует обращать

внимание и на заметные изменения в погребальной обрядности. В этом смысле весьма показателен тот факт, что смеловское погребение 47 демонстрирует сразу два явно выраженных федоровских признака: юго-западную ориентировку умершего и украшения с пуансонным орнаментом.

Примечательно, что в андроновской среде, похоже, нет височных желобчатых подвесок с пуансоном. В этой технике украшаются наколки, нашивные бляшки, браслеты, но только не височные украшения. В сводной работе Н.А. Аванесовой мы видим только один экземпляр серьги с раструбом, украшенной по краю пуансонными вдавлениями. Височные подвески различных типов (округлые, удлиненно-овальные, грушевидные) здесь либо совершенно гладкие, либо с поперечным рифлением [Аванесова Н.А., 1975. С. 68, рис. 1, 10, 22-28]. Исходя из этого, можно утверждать, что в 47 погребении Смеловки федоровская культурная традиция представит в уже значительно переработанном виде. Во-первых, оно сопровождается срубным сосудом, а во-вторых, в височной подвеске с пуансоном отразилась вульгаризация ювелирной техники, выразившаяся в собственной (поволжско-срубной?) трактовке традиционного украшения.

Изредка височные подвески, орнаментированные в бородавчато-пуансонной технике, встречаются в позднесрубных комплексах Урало-Поволжья. Известны два таких украшения, причем, изготовленные с применением золотой фольги. В одном случае это удлиненная восьмерковидная подвеска, имитирующая змею, из оренбургской Алексеевки (3/4), в другом – фрагмент узкожелобчатой плакировки из Пролетарки-2 (1/3) [Малов Н.М., 2000. С. 53, рис. 6, 1, б].

Вполне вероятно, что некоторые захоронения позднего стандарта 3 ОГ, характеризующиеся устойчивыми признаками срубной культуры, были одновременны 47 погребению, в котором присутствуют федоровские

черты. Это означает, что отдельные периферийные участки Смеловского могильника еще могли функционировать в начале позднесрубного времени, когда сюда приходит население, оставившее самый ранний пласт поселения Смеловка 1, который содержал срубные, федоровско-бишкульские и валиковые сосуды [Памятники..., 1993. С. 181, табл. 51]. Между поселением и могильником не более 250 м, поэтому жители позднего поселка также вполне могли использовать древний некрополь в погребальной ритуалистике. Наиболее ранние захоронения, очевидно, уже не были заметны на поверхности, но этот участок берега еще значился как традиционное место перехода из мира живых в мир мертвых. Подтвердить данное предположение могло бы формализованное статистико-комбинаторное сравнение керамики срубного комплекса поселения с сосудами из погребений позднего стандарта 3 ОГ Смеловского могильника.

ГЛАВА 4

Культовые сооружения и комплексы

Культовые сооружения в различные исторические эпохи возводились по строгим канонизированным принципам, установленным традициями и присущим только определенным верованиям. Это находило отражение в композиционных приемах планировки, внешнем убранстве, в оформлении внутренних интерьеров. Традиция сооружения ритуальных комплексов, связанных с погребальной практикой, уходит в глубокую древность, но именно ранние памятники сакральной архитектуры являются наименее известными и практически не изученными. В связи с этим весьма интересными представляются культовые объекты, зафиксированные в материалах Смеловского могильника и связанные с погребальной обрядностью периода становления срубной культуры в степном Заволжье [Лопатин В.А., 2000. С. 99].

Планиграфия могильника

Учитывая особенности нашего источника, следует отметить значение такого вопроса, как *планиграфия* Смеловского могильника, пожалуй, наиболее сложная среди всех известных памятников этого типа (рис. 3). В данном аспекте нельзя обойти вниманием размеры и характер протяженности кладбища, порядок планировки сакрального пространства, формирование гипотетических родовых участков и соотношение на них могил раз-

личных обрядовых групп. При всей очевидности пространственного развития Смеловского могильника, которое наблюдается как динамичное угасание четкости магических ровиков на фоне разрастания площади кладбища в направлении с северо-запада на юго-восток [Лопатин В.А., 2000-А], в планиграфии нашего памятника заметна первичная разметка сакрального места перехода. Это разграничение реального пространства выразилось в размещении наиболее ранних захоронений 1 обрядовой группы, которое показано на общем плане могильника длинным пунктиром (рис. 3).

Создается впечатление, что первые строители некрополя были хорошо знакомы с принципом точного определения на местности необходимого им участка. Размещение могил 1 ОГ образует на площади кладбища удлиненный, с неровными границами, эллипсоид, ориентированный с северо-запада на юго-восток, или две ломаные линии, идущие в указанном направлении и сходящиеся в точке размещения погребения 128. Таким образом, выявляется замкнутое пространство длиной 46 м и шириной 22 м без учета разрушенного береговой эрозией северо-западного участка.

Небезынтересны индивидуальные особенности погребений 1 ОГ, участвовавших в фиксации сакрального места перехода. На северной линии (с СЗ на ЮВ) последовательно размещены: п. 6 – молодой мужчина (Adultus) 18-20 лет, овальная яма с подбитыми по всему периметру стенками, поза умершего ничком на груди, головой к ЮЗ, лицом к СЗ, руки под животом, следы огня, сосуд с пиктограммой (рис. 4, 6, 7);

- п. 20 – молодой мужчина (Juvenis) 18-21 лет, деградированный подбой со ступенькой, ориентированный по линии ЮЗЗ-СВВ, поза сильно скорченная на левом боку, головой к западу, лицом к северо-востоку, руки на животе, кости МРС, позднепокровское подхоронение (п. 18) над могилой (рис. 7, 4-Б);

- п. 33 – пожилая женщина (Senilis) >55 лет, деградированный подбой со ступеньками, поза сильно скорченной левобочной адорации с завалом на грудь, головой к северо-востоку, лицом к юго-востоку, обломки костей КРС на верхней ступеньке, возможно, планиграфически близкое подхоронение двух (пп. 31, 32) позднепокровских погребений (рис. 8, 7);

- п. 112 – ребенок (Infantilis II) 12-13 лет, овальная яма в центре ровика № 4, поза сильно скорченной левобочной адорации, головой к ЮЮВ, кости МРС (рис. 20, 1);

- п. 111 – взрослая женщина (Maturus I) 30-40 лет, подпрямоугольная яма в центре ровика № 3, левобочная поза «скачущего всадника» с завалом на грудь, головой к СВВ, лицом к югу, кости МРС, подхоронение (п. 108) позднепокровского парного детского комплекса (рис. 19, 3-Б);

- п. 70 – пожилая женщина (Senilis) >55 лет, деградированный бесступенчатый подбой, поза сильноскорченной левобочной адорации, головой к ЮВВ, лицом к ЮЮЗ, в подбитую часть могилы, кости МРС (рис. 15, 2); далее длинное (20 м) расстояние до погребения 128, замыкающего сакральное пространство.

На южной линии, в том же направлении, разместились: п. 9 – взрослый мужчина (Maturus I) 30-40 лет, подбойная могила со ступенькой, левобочная скорченность с завалом на грудь, головой к ССВ, лицом к ЮВ, правая кисть под головой, левая протянута к бедру, ребра лошади (рис. 6, 1);

- п. 12 – взрослый мужчина (Maturus II) 40-50 лет, подбойная могила с покатой ступенькой, левобочная скорченность, головой к северу, лицом к востоку, левая кисть перед лицом, правая под головой, путовая кость лошади (рис. 6, 2);

- п. 24 – взрослый мужчина (Maturus II) 40-50 лет, подпрямоугольная яма, впущенная в северную часть ровика № 1, поза левобочной адорации,

головой к востоку, лицом к югу, детское срубное подхоронение (п. 40) следы огня, (рис. 7, 10-А);

- п. 38 – взрослый мужчина (Maturus II) 40-50 лет, овальная яма в центре ровика № 1, левобочная адорация с завалом на спину, головой к ЮВВ, лицом к ЮЮЗ (рис. 10, 1);

- п. 34-А – взрослая женщина (Maturus I) 35-45 лет, подбойная могила со ступенькой и деревянным закладом, основная в коллективном «мавзолее № 1» с подхоронениями детских срубных комплексов (пп. 34-Б, В, Г), поза вытянутая на спине, голени скрещены, правая рука на животе, головой к северу, лицо обращено к востоку, баночный сосуд закрытого профиля (рис. 9);

- п. 67 – взрослый мужчина (Maturus I) 35-45 лет, округлая могила, поза левобочной адорации, головой к востоку, лицом к ЮЮЗ, бронзовые обоймы, кости МРС (рис. 14, 8-11); далее следует завершающий отрезок длиной 19 м до указанного погребения 128.

- п. 128 – пожилой мужчина (Senilis) 55-60 лет, подпрямоугольная яма, поза сильноискорченная, правобочная, головой к юго-западу, с неестественно вывернутыми стопами, правая рука вывернута локтем вперед, кисть протянута вниз, к правой стопе (рис. 22, 13).

Если следовать принципу отмеченной выше динамики комплексов в рамках 1 ОГ и их внутригрупповой преемственности, то необходимо отметить несколько более ранние позиции некоторых могил (пп. 9, 12, 34-А), расположенных в начале (в западной части) южной линии. Безусловно, это не значит, что разграничение сакрального пространства осуществлялось планомерно и постепенно в направлении от края волжской террасы к востоку (так в естественном порядке развивался сам могильник). По-видимому, границы некрополя были обозначены изначально, а затем аскетичные погребения 1 ОГ по установленным правилам размещались на этом

контуре. Вероятно, в этот период подбойные и ямные типы могил одновременно, но показателен тот факт, что классические подбойные конструкции отмечены только на южной линии, деградированные подбои только на северной, и на обеих линиях присутствуют простые ямы первой обрядовой группы. Заметим также, что погребений 1 ОГ нет ни внутри размеченного участка, ни за его пределами, эти могилы строили именно границу сакрализованного пространства. Представляется, что процесс «строительства» остался незавершенным. Если западные отрезки установленного рубежа довольно плотно насыщены погребениями «аскетов», и расстояние между ними составляет от 2 до 8 м, то в восточной части контура зияют заметные, уже упомянутые «дыры» протяженностью до 20 м. Вероятно, культурная динамика несколько опередила сакральную процедуру, сместились идеологические приоритеты, и потомки «пращуров», беспомощно имитировавшие конструкции подбоев, мавзолеев и магических ровиков, уже не вполне достоверно представляли себе эту священную границу.

Уже в процессе развития сакрализованного пространства и его разграничения, шло его активное заполнение, возникали и, в свою очередь, развивались родовые участки некрополя при участии погребений 1 (криво-лукской) и 2 (покровской) обрядовых групп. На общем плане предполагаемые родовые участки показаны коротким пунктиром. В планиграфии могильника они конкретизируются культовой архитектурой (мавзолеи и ровики), а также кучевыми и рядными скоплениями более поздних могил 3 ОГ. Элементы культовой архитектуры, сакральная символика, связанная с идеями огня, жертвоприношения, трансферной коммуникации выполняют здесь очень важную функцию именно идеологического порядка, а как аналитический материал они бесценны при социокультурном и палеоисторическом моделировании.

В могильнике выделяются два типа комплексов, которые можно считать именно архитектурными сооружениями: «мавзолеи» и «ровики», связанные с определенными группами погребений. Сакральная архитектура Смеловского могильника рассматривается на условных участках памятника. Выделены, в частности, западный участок (рис. 23), где зафиксированы ровик 1 и мавзоль 1 (коллективное захоронение № 34); центральный участок (рис. 24) с ровиком 2 и мавзолеем 2 (группа могил №№ 54–56); северный участок (рис. 25) с двумя ровиками (3 и 4); восточный участок (рис. 26) с ровиками 5 и 6. Этот, не более чем условный, подход к обособлению архитектурных объектов, вместе с тем, очень удачно демонстрирует развитие могильника во времени, из первичного пространства с наиболее ранними комплексами к позднейшей периферии.

Как отмечалось, разрастание могильника шло от края древней террасы вглубь берега, если точнее, то с северо-запада на юго-восток. Зафиксированная протяженность кладбища в этом направлении составляет 56 м. Не менее четверти памятника разрушено водохранилищем, поэтому уместно предполагать, что его реальная протяженность могла равняться примерно 70 м. Максимальная ширина пространства, занятого погребениями Смеловского могильника, с юго-запада на северо-восток равна 48 м. И вновь отметим, поскольку это важно, что указанная (конечная) площадь некрополя заметно превосходит пространство, ограниченное погребениями 1 обрядовой группы (рис. 3). Это демонстрирует определенную эволюцию обрядовых представлений, которые с течением времени заметно изменялись, на каждом этапе отражая уже иные требования идеологии.

Архитектура западного участка

На плане *западного участка* (рис. 23) показаны два архитектурных комплекса с могилами 1 и 2 обрядовых групп, которые, предположительно-

но, были заняты в стартовом культурогенетическом взаимодействии, а также погребения 3 ОГ, которые позже, наиболее вероятно, были ориентированы на этот родовой участок кладбища. Здесь ярко выделяются мавзолей № 1 и магический ровик № 1, в рамках всего массива наиболее ранние архитектурные объекты.

Мавзолей 1 (коллективное погребение 34). Здесь выявлены скелеты четырех человек (1 взрослый и 3 ребенка), причем, взрослый лежал в подбойной части сооружения, вытянуто, на спине, а дети во входном пространстве, в позе адорации, на одной линии к западу от погребальной камеры (рис. 9). С северо-западной стороны оборудован внешний тамбур входа, из чего следует, что святилище неоднократно посещалось и, видимо, перестраивалось, расширяясь по мере подхоронения детей. Возможно, над этим комплексом когда то была воздвигнута шалашевидная надстройка.

Погребение взрослой женщины (Maturus I) возрастом 35-45 лет из мавзолея № 1 заметно отличается от всех прочих представителей 1 ОГ по вытянутой позе труположения, и лишь классически подбойная конструкция могилы позволяет помещать ее в данный стандарт. Вместе с тем, некоторые особенности положений рук и ног, подводят к предположению, что первоначально эта поза была иной, слабоскорченной на левом боку, с левой рукой, протянутой к бедру, правой рукой, согнутой в локте под прямым углом и кистью выставленной вперед. Разворот на спину и последующее вытягивание скелета, возможно, объясняется посмертной деформацией, которая возможна при слабой скорченности, а также в результате обрушения свода погребальной камеры. Очевидно, этому комплексу синхронны подбойные захоронения 9 и 12, аналогичные по типу могильного сооружения с единственной разницей устройства погребальной камеры не в восточной а в западной стенке входной ямы. От последних погребение

34-А отличается также наличием баночного сосуда, что, на фоне традиционной аскетичности комплексов 1 ОГ, является признаком престижа.

Видимо, это и предопределило, в дальнейшем, превращение первоначально подбойной могилы в мавзолей, что произошло не сразу, а уже гораздо позже, на фазе развития 3 ОГ. Керамика из трех детских подхоронений характеризуется как чисто срубная, со всеми известными показателями развитого времени (рис. 9, 3-6). Планиграфически подхоронения выполнены очень точно (видимо, по надмогильному знаку), в определенной традиции, близкой аналогичному размещению подбойных могил в Мурманском кургане – по линии «восток-запад» [Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988].

При первом подхоронении, наподобие могилы, была расширена ступенька перед деревянным закладом подбоя, куда помещен ребенок с осторереберным неорнаментированным горшком (рис. 9, 3). Второе подхоронение устроено в северо-западном углу входной ямы (не исключено, что она при этом также была расширена в западную сторону), в котором детский скелет сопровождался невыразительной закрытой банкой с нерегулярным декором наподобие пиктограммы (рис. 9, 4). Третье детское подхоронение зафиксировано в западной части комплекса, без четкого оформления могильной ямы, в сопровождении двух сосудов – слабопрофилированного горшка с горизонтальными прочерченными отрезками на линии шейки и миниатюрной открытой банки без орнамента (рис. 9, 5, 6).

После этого, или в процессе сложной поэтапной ритуалистики подхоронений, происходит оформление идеологемы мавзолея – особого погребального объекта, предполагающего систематические посещения могилы пращура и обращения к его духу. Об этом свидетельствуют пологий тамбур и ступенька, расположенные на линии входа с северо-западной стороны (рис. 9). Открытый характер комплекса предполагает наличие

здесь надстройки, хотя прямые свидетельства в виде столбовых ямок в материке, на окружающем мавзолеем пространстве, не выявлены. Очевидно, сооружение поддерживалось легкими жердями, углубленными в надматериковый грунт, и имело форму конического шалаша, наподобие северного чума, о чем косвенно может свидетельствовать округлая планировка котлована мавзолея. Прочность подобной конструкции, при учете размеров котлована, могла быть достигнута, если высота конуса надстройки составляла над уровнем древней поверхности не менее 3-4 м.

Данное предположение имеет множество уязвимых мест, главное среди которых – абсолютное несоответствие конических сооружений степной строительной традиции (каркасные полужемлянки с низкой и пологой кровлей), которая формировалась применительно к особенностям открытых евразийских пространств с сильными ветрами, дефицитом древесных стройматериалов и континентальным климатом [Чебоксаров И.И., Чебоксарова И.А., 1984. С. 38; Лопатин В.А., 1992. С. 55-58]. Но в реконструкции возможной модели комплекса мы исходим также из реального отсутствия археологических фактов по домостроительству на рубеже средней и поздней бронзы в степном Заволжье. Этот период раннесрубного культурогенеза представляется временем относительной подвижности степных скотоводов, которые не оставили памятников оседлого типа [Лопатин В.А., 2002. С. 90]. Можно лишь предполагать, какими могли быть в этот период временные укрытия на сезонных скотоводческих стоянках: были ли это, аналогичные ямно-катакомбным, повозки с кровлями, легкие навесы и ветровые заслоны, имеющие множество параллелей в этнографии, или шалаша конической формы. Точный ответ вряд ли будет найден. Определенно можно лишь утверждать, что мавзолеем, где живые потомки обращались к духу почитаемого пращура, неизбежно должен был имитировать конструкцию дома, соответствующего времени, культурной тради-

ции, социальному статусу. Это подтверждается множеством исторических и этнографических аналогий – от священных хижин папуасов, где до сих пор «живут» мумии пращуров [Реннэ А.Ф., 1982], до посмертного эпонимного дворца Мавзола. Известным, по археологическим данным, срубным полуземлянкам (идее дома) в полной мере соответствует конструкция мавзолея № 2, выявленного на центральном архитектурном участке Смеловского некрополя, о чем более подробно будет сказано ниже.

Второй архитектурный комплекс западного участка – *кольцевидный ровик № 1*, символизирующий идею магического круга и синхронный по времени мавзолею № 1 (рис. 23), о чем свидетельствует, прежде всего, планиграфическая близость (всего 1 м) двух объектов. Он возник и строился представителями 1 (криволукской) и 2 (покровской) обрядовых групп, а затем почитался потомками этого сложившегося рода уже в период развития 3 (срубной) ОГ. На территории западного архитектурного участка (рис. 23) хорошо заметно, что в центре пространства, ограниченного ровиком находится комплекс аскетичного погребения 38, относящегося к 1 ОГ, к этой же группе относится погребение 24, впущенное в северный отрезок рва, а прочие погребения в ровике и внутреннем пространстве, все, без исключения, детские (пп. 26-28, 37, 41, 43), относятся к 2 ОГ.⁹ Взрослые захоронения более поздней свиты 3 ОГ (пп. 44, 47, 49, 61) образуют короткую аллею перед входом в пространство, ограниченное рвом, а детские хаотично расположены на территории родового участка как внутри рва (пп. 25, 42), так и за его пределами (пп. 23, 40). Кроме того, детская могила № 40, устроенная в надматериковом грунте, перекрывает северо-западный угол погребения 24 (1 ОГ), являясь, по-существу, ритуальным подхоронением.

⁹ На рисунках, где показаны архитектурные участки, рядом с изображениями погребений даются их собственные номера, а в скобках – римскими цифрами номера обрядовых групп.

Магическая концепция кольцевидного ровика в погребальной обрядности вполне очевидна, как стремление ограничить, конкретизировать сакральное пространство перехода, закрепленное за родовой или семейной группой кровных родственников. Магия такого ограничения имеет защитные функции, предотвращающие проникновение на территорию родовой усыпальницы чужеродных, враждебных, вредоносных элементов сакрализованной среды. В более позднее время кольцевидная преграда, как охранительный символ, приобретает упрощенные формы, например, меловый магический круг, но в погребальной обрядности бронзового века мы встречаемся с устойчивой традицией окружения определенного пространства грунтовыми рвами под курганными насыпями и, гораздо реже, на грунтовых могильниках.

Наиболее раннее проявление охранительной магии ровика на грунтовых кладбищах Нижнего Поволжья отмечено в материалах могильника Белогорское I, относящегося к концу эпохи средней бронзы [Дремов И.И., 1996. С. 101, рис. 2]. Здесь зафиксирована сложная серповидная конструкция, ограничивающая хаотичное скопление могил, а также подхоронения непосредственно в сам ровик, как это отмечено и в Смеловке.

Фрагмент ровика, почти полностью уничтоженного береговой эрозией, выявлен на грунтовом могильнике Калач, относительно синхронном Смеловскому некрополю, в степном Заволжье [Тихонов В.В., 1996. С. 44, 2]. Все связанные с ним погребения погибли, но на северо-востоке комплекс ровика соседствует с группой могил, размещенных по принципу рядной системы и относящихся, возможно, к его позднейшей свите.

Очевидно, присутствие погребений в ровиках обусловлено стремлением усилить охранительную функцию защитного символа. Косвенно это подтверждается весьма распространенным принципом планировки подкурганного пространства в престижных синташтинских, потаповских, по-

кровских и раннесрубных комплексах, где могилы, сопровождающие центральное захоронение, располагаются вокруг него по окружности или по дуге. Этим же, отчасти, объясняется заметный разницей в ориентировках умерших из могил сопровождения, как, в частности, в комплексе смеловского ровика 1. Такая закономерность отмечена, к примеру, в некоторых срубных курганах Среднего Поволжья, где умершие из круговых свит часто ориентированы на центр подкурганного пространства, в котором расположено основное, престижное захоронение [Крамарев А.И., 2003. С. 154].

Вновь обращаясь к самому заметному аналогу ситуации на западном архитектурном участке – Мурманскому кургану, прежде всего, отметим, что в Смеловке основные обрядовые ингредиенты, соответствующие эпохальной традиции, как бы отделены друг от друга (широтная рядность могил с подбойной конструкцией основного захоронения представлена в комплексе мавзолея 1, а ровик с центральной могилой и круговой свитой выглядят вполне самостоятельным и завершенным объектом, расположенным по-соседству). В Мурманском эти два принципа лаконично совмещены на одном подкурганном пространстве: в центре площадки, окруженной ровиком, окончания которого точно так же, как в Смеловке, оформлены в виде «ворот», на одной линии «восток-запад» находятся четыре подбойные могилы (одна взрослая и три детские), магический круг не усилен дополнительными погребениями, лишь в его северо-западном секторе устроено жертвоприношение – череп лошади без нижней челюсти [Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988. С. 131, рис. 1].

Здесь мы наблюдаем некое сращивание элементов обрядности, которые некогда успешно действовали по-отдельности. Нет сомнений в том, что смеловская (криволукско-покровская) ситуация предшествует мурманской (раннесрубной), о чем красноречиво свидетельствует также погребальный инвентарь. Парадокс Мурманского кургана заключается в том,

что очень архаичная подбойная конструкция могил здесь доживает до времени окончательного становления срубных культурных показателей в керамике и инвентаре [там же. С. 132, рис. 3]. Возможно, это какая то узко-локальная, этнокультурная особенность волго-уральского культурогенеза, требующая специальной проработки, но, безусловно, представляющая собой очень важный фрагмент становления культуры.

Одновременно с двумя указанными архитектурными комплексами, расположенными на южной линии границы сакрального пространства, на противоположной северной линии формировался другой предполагаемый родовой участок, основу которого также составляют погребения первой и второй обрядовых групп (рис. 3). Но, в отличие от ситуации с ровиком №1, центром участка здесь является не аскетичное погребение пращура, а обширное скопление спрессованной золы (зольник 1).

Этот объект огненного обряда располагается на линии сакрального рубежа вместе с погребениями 1 ОГ (№№ 6, 20, 33), а вокруг зольника разместились захоронения 2 ОГ, неравнозначные по возрастному признаку (их расположение на плане отмечено коротким пунктиром). В неровную окружность этого родового участка вписаны и указанные «аскеты» 1 ОГ, но, если все они солидного возраста (п. 6 – мужчина 20 лет, п. 20 – мужчина 21 лет, п. 33 – женщина старше 55 лет), то размещенные здесь же покровские могилы 2 ОГ (как и в первом ровике) содержат преимущественно останки детей (пп. 1, 2, 4, 7, 17, 31) и только три позднепокровских комплекса посвящены взрослым умершим (п. 11 – женщина 25 лет, п. 18 – мужчина 30 лет, п. 32 – женщина 25 лет). Более поздние захоронения 3 ОГ, тяготеющие к этому участку, также представлены, в основном, детьми (пп. 8, 13-15, 30, 92) и только два погребения – взрослые (п. 5 и парное п. 10), где возрастное определение получено только для «супружеского» комплекса с алакульскими чертами (мужчина 30 лет и женщина 20 лет).

Использование огня – довольно яркая и заметная черта указанного родового участка. Еще два зольных скопления, меньших размеров, выявлены на его северной окраине (зольники 3 и 4), а вокруг парного захоронения детей (п. 17) зола размещалась по дуге, защищая могилу с севера и запада и явно имитируя принцип магического кольца. Заметим, что нигде более на территории могильника подобная ситуация не отмечена, за исключением предыдущего родового участка, где погребение 24 до половины было заполнено золой.

Этот признак выделяет второй участок как особо сакрализованное пространство и подчеркивает неоднозначные прижизненные ролевые позиции погребенных здесь людей. Косвенно это подтверждается также ярко выраженной неординарностью в позах умерших из п. 6 (1 ОГ) и п. 11 (2 ОГ). Погребение 6 устроено в овальной яме с заметно подбитыми во все стороны стенками, на дне которой, скорченно на груди, головой к юго-западу и лицом к северо-западу, лежал молодой мужчина. Около тазового отдела скелета зафиксировано скопление мелких углей, а перед лицевым отделом черепа стоял слабопрофилированный сосуд с нерегулярным декором (рис. 4, 6, 7). Положение рук, сведенных вместе под животом, по существу близко элементу позы «скачущего всадника». Неординарность этого комплекса проявляется почти во всех обрядовых показателях: форма могилы, положение и ориентировка скелета, присутствие огня, необычная орнаментация пиктографического характера на сосуде, сам факт присутствия которого заметно выделяет данное захоронение среди «аскетов» 1 обрядовой группы.

Столь же неординарно 11 погребение (2 ОГ) молодой женщины, лежащей по диагонали могилы, головой к северо-востоку, ничком, на двух раздавленных сосудах, лицом вниз, с руками, резко поджатыми в локтях под грудью (рис. 5, 10-13). Подобные позы в покровских и срубных погре-

бальных комплексах не известны, и это, прежде всего, является основанием для сомнений в изначальности отмеченной позиции скелета. Особенно необычно положение ног: правая почти вытянута в юго-западном направлении, а левая сильно подогнута в колене, пятка у таза. Представляется, что первоначально обе ноги были резко подогнуты, а в процессе посмертной деформации правая конечность постепенно приняла вторичное положение.

Вместе с тем, необходимо отметить, что «нестандарты» в позициях скелетов часто встречаются в материалах культур эпохи средней бронзы. Прежде всего, это сложносакрализованные погребения катакомбной культуры – вторичные и с расчленением [Мельник В.И., 1991. С. 14-44]. Эти особые виды захоронений важны для нас исключительно, как факты отражающие неоднозначную роль некоторых представителей общества. Как археологический материал – это явление несколько иного порядка, но, возможно, имеющее некое семантическое значение при интерпретации нестандартов в погребальной обрядности Смеловки. Не исключено, что среднебронзовая традиция расчленения трупа, с последующим пакетированием при погребении, к финалу эпохи сменяется новым правилом, которое отличалось от стандартного («скачущий всадник», адорация), но не требовало искусственной экскарнации¹⁰ или рассечения. Такие захоронения могли совершаться в крайне редкой «сидячей» позе, причем, фиксация трупа достигалась связыванием, вертикально на корточках или голнях с резко подогнутыми коленями, а в процессе распада мягкой органики скелеты, в конечном результате, занимали в могилах самые невероятные позиции.

¹⁰ Под экскарнацией подразумеваются любые способы удаления мягких тканей с костей умершего (см: Мельник В.И., 1991. С. 9)

Определенно, как «сидячие», интерпретированы уникальные погребения из курганов Тамар-Уткуль и Дедуровского Мара с керамикой вольско-лбищенского типа, относимые к концу эпохи средней бронзы [Богданов С.В., 1998. С. 31, рис. 6; с. 36, рис. 10; с. 37, рис. 11, 1].

В кургане 5 Чапаевского могильника (степное Заволжье) криволукское захоронение «ничком» отмечено в могиле, которая, судя по малым размерам, явно предполагала сильную скорченность погребенного и не исключено, что изначально в сидячей позиции [Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007. С. 116, рис. 2, 15].

Отметим также детское погребение 1 из кургана 7 могильника Светлое Озеро, исследованного в волго-уральской степи, у границы с Казахстаном. Здесь фиксация «сидя» достигалась способом прислонения к стене могилы [Лопатин В.А., 1989. Рис. 49, 4]. Захоронение было устроено в прямоугольной яме, ориентированной с юго-запада на северо-восток. В центре выявлено пятно охры с вкраплениями мелких углей, а около короткой северо-восточной стены – скелет ребенка в нестандартной позе. Среди нагромождения костей явно угадывалось скорченное положение ног, а верхний отдел скелета был перемешан (как бы осел сверху вниз с завалом в западную сторону). Вероятно, первоначально левой стороной он был прислонен к стене в скорченном положении сидя, а после распада мягких тканей занял вторичную позицию. Это впускное погребение в кургане, где основным является комплекс катакомбной культуры, поэтому время его появления, судя по особенностям обряда, – скорее всего, конец эпохи средней бронзы.

Таким образом, неординарные погребения в позиции «сидя», встречающиеся в период распространения в Нижнем Поволжье памятников криволукского, позднебабинского и вольско-лбищенского типов, вполне могли быть генетическим прообразом подобных проявлений в позднепок-

ровских и раннесрубных комплексах. С таких позиций можно объяснить нестандарт в смеловском погребении 11. Представляется, что первоначально умершая женщина была помещена в могилу в скорченной позе сидя, с руками, зафиксированными связыванием перед грудью в жесте адорации, лицом к северу. Перед ней стояли два глиняных сосуда: у колен – орнаментированный горшок с позднепокровскими реминисценциями, а ближе к северной стене – срубная банка (рис. 5, 11, 12). Распад мягких тканей привел к частичному оседанию скелета (искривлен позвоночник) и завалу на грудь в северную сторону, прямо на сосуды, лицом вниз, причем, руки и левая нога сохранили первичное положение скорченности.

Как раз между первым и вторым родовыми участками размещаются уже указанные комплексы погребений 9 и 12, относящиеся к 1 ОГ (рис. 3). Они выглядят явно обособленными, и это позволяет предполагать, что в рамках сакрализованного пространства они, вместе с группой пустых ям №№ 1-5, представляли собой отдельный архитектурный комплекс.

Напомним, что эти погребения, наряду с п. 34-А, устроены в классических катакомбах и аскетичны, если не считать костей лошади. Планиграфическая ситуация указывает на центральное положение погребения 9. Погребение 12 ориентировано на северо-запад, то есть, смещено в направлении к девятой могиле, туда же ориентирован головой погребенный человек, а продольные оси подпрямоугольных пустых ям образуют некое подобие круга. Таким образом, ямы №№ 1-5 и погребение 12 фактически представляли собой такое же магическое охранительное кольцо вокруг центрального погребения 9. Похожие ситуации имеют место под курганными насыпями, где иногда встречаются рвы с разрывами, а не сплошные, как ровик № 1 на смеловском первом родовом участке.

Архитектура центрального участка.

На плане *центрального участка* также выделяются два планиграфически связанных архитектурных комплекса – *мавзолей № 2* и *магический ровик № 2* (рис. 24), в строительстве которых заняты комплексы исключительно 2 и 3 обрядовых групп. В рамках некрополя они четко привязаны к первичному сакральному пространству и двум погребениям «пращуров» №№ 67 и 70 из 1 ОГ. Здесь мы обнаруживаем симбиозный вариант двух родоначальных традиций, что следует расценивать как смещение канона. Погребение «пращура» (67), такое же аскетичное, с восточной ориентировкой, уже не является центром ритуальной площадки. Оно как бы «запирает» (охраняет) вход в пространство ровика № 2, по традиции устроенный с юго-восточной стороны. Ровик трансформирован до состояния двух полуокружностей, охватывающих комплекс мавзолея 2, который здесь приобретает статус ритуального центра. В «свите» могил (в ровике, внутри ограниченного пространства, за его пределами) расположены погребения исключительно 3 обрядовой группы с типично срубной керамикой, но в самом мавзолее есть посуда с покровскими признаками.

Мавзолей 2 представляет собой продолговатое сооружение с неровными стенками, углубленное в материк на 0,3-0,5 м, ориентированное с юга на север. Его размеры значительны по сравнению с предыдущим объектом: длина 8 м, максимальная ширина в средней части 4 м. С северной стороны к котловану примыкает узкий тамбур входа в виде бесступенчатого пологого пандуса.

Внутри устроены три автономные могилы (погребения 54, 55, 56). В 54 могиле, которая размещалась в северной части мавзолея, непосредственно перед символическим входом, погребена женщина 40 лет с баночным сосудом открытой профилировки с примесью ракушки, сурьмяным бисером и сломанной костяной проколкой (2 ОГ). В 55 могиле, которая на-

ходила около южной стены котлована, размещалось парное захоронение мужчины 25 лет и подростка с двумя срубными сосудами (3 ОГ). В 56 могиле, устроенной около западной стены, в средней части мавзолея, захоронен ребенок с позднепокровским реберчатым сосудом (2 ОГ).

Как мы видим, в данном случае, центром архитектурного комплекса является мавзолей, в котором с особыми почестями погребены представители уже не первой (криволукской), а второй (покровской) и 3 (срубной) обрядовых групп. Не исключено, что первоначально мавзолей имел меньшие размеры и посвящался 54 захоронению, позже постепенно разрастался по мере подхоронения вначале ребенка из 56 могилы, а затем пары из 55 погребения. Мавзолей функционировал как открытый комплекс и, судя по характерной форме котлована, полностью соответствовал идее загробного дома. Удлиненная форма мавзолея, имитация узкого тамбура входа конструктивно близки ранним типам срубных жилищ, распространенных в Нижнем Поволжье.

Такие полуземлянки, с неровными стенками и узкими пандусами входа отмечены в Трумбицком и Преображенке [Лопатин В.А., 2002. С. 108, 110]. По всей вероятности, второй мавзолей должен был имитировать тот тип жилища, который был распространен в раннесрубное время. Это обширные прямоугольные котлованы со ступенчатыми входами тамбурного типа и каркасно-столбовой конструкцией стен и двускатной крыши. Здесь, как и в первом мавзолее, не было следов вертикальных опор в виде столбовых ямок, но они могли просто стоять на грунте, или размещались за пределами котлована, поддерживая легкую двускатную кровлю из тонких жердей с камышовыми матами.

Имитации священного погребального дома изредка встречаются в позднепокровских и срубных курганах, где над богатыми могилами социально выраженной знати сооружаются двускатные перекрытия из плах или

бревен. Подобные комплексы отмечены на Средней Волге в Кайбельском могильнике (к. 11) [Мерперт Н.Я., 1958. С. 92, рис. 5а, с. 95, рис. 7], а также в кургане Ивановском близ Саратова, где обнаружен яркий воинский кенотаф с бронзовым наконечником копья [Лопатин В.А., 2007; он же, 2008-Б. С. 211-233].

Кайбельское захоронение также интерпретировано Н.Я. Мерпертом как престижный кенотаф (символическое погребение без покойника), причем, весь комплекс 11 кургана реконструирован в качестве последовательно создававшегося некрополя. Вначале возник жертвенник в честь погибшего на стороне знатного лица, затем на его месте построен священный дом на столбах с двускатной кровлей, куда помещен инвентарь (сосуд и бронзовый нож) и который определенное время функционировал как центр открытого святилища. Вокруг него, по кругу, совершались захоронения и устраивались дополнительные жертвенники, то есть место постоянно посещалось. На завершающей фазе весь комплекс был перекрыт земляной насыпью [Мерперт Н.Я., 1958. С. 90-91].

Здесь совершенно очевиден устойчивый принцип, который сближает смеловские «мавзолеи» и кайбельский «священный дом», что представляет собой, вероятно, одну из разновидностей трансферной коммуникации, выражающуюся в контактности живых и мертвых с целью обращения к предкам и богам. Ивановский комплекс также имитировал загробный дом знатного предка: здесь в едином комплексе были совмещены традиционно обширная могила и деревянные детали, присущие постройкам (столбы, три продольные балки и два ската перекрытия) [Лопатин В.А., 2008. С. 232, рис. 3, 1].

Подобные планировки отдельных захоронений и групп могил в подкурганых комплексах крайне редки. Среди известных малочисленных грунтовых могильников Нижневолжского региона, кроме Смеловки, нет

ни одного, где были бы представлены конструкции, аналогичные мавзолеям или священным домам мертвых. Вместе с тем, сакральная идея сохранилась во времени и отразилась в некоторых погребальных комплексах более поздних эпох на сопредельных Нижнему Поволжью территориях. Может быть, как на отдаленную сакральную аналогию уместно указать на бегазинские мавзолеи Центрального Казахстана и их тогискенские аналоги на Сыр-Дарье, бытовавшие в период финальной бронзы и характеризовавшиеся каменной архитектурой [Маргулан А.Х., 1979. С. 67]. Считается, что помпезные погребальные комплексы Бегазы и Тогискена, синхронные Карасуку и восходящие к андроновским культурным традициям, в некоторой степени унаследовали отдельные принципы степной каркасно-столбовой архитектуры. Это прослеживается в сочетании каменных и деревянных деталей усыпальниц, а также в способе фиксации кровли, которая поддерживалась колоннами, сложенными из камня или сырцового кирпича, и деревянными столбами. С архаичными мавзолеями Смеловки бегазинские некрополи сближаются также по наличию грунтовых котлованов, в которых выстраиваются стены, облицованные гранитными плитами, прямоугольной планировкой и сооружением выраженного входа тамбурного типа [там же. С. 67-68]. Признаки внутренней драпировки стен камышовыми матами, кошмами и коврами явно восходят к аналогичным приемам утепления стен в жилищах срубной и алакульской культур позднего бронзового века [Лопатин В.А., 2002. С. 51].

В некоторых мавзолеях сохранились следы внутренней планировки и выделения могильных сооружений. Чаще это каменный ящик меньших размеров, очертаниями повторяющий контуры внешних стен, как, например, в бегазинском мавзолее № 6 или в некрополе Сангру-1 [там же. С. 99, рис. 67, с. 114, рис. 81]. Но особый интерес вызывает комплекс Бугулы-III, где центральный склеп, сложенный из плитняка, почти по диагонали, с

юго-запада на северо-восток, соединяется с внешней стеной каменным коридорообразным тамбуром. Кроме того, здесь отмечены специальные ящики для детских захоронений [там же. С. 104, рис. 70, с. 109, рис. 77]. Напомним, что подобные принципы планировки тамбура, а также внутреннего расположения могил, в том числе детских подхоронений, характерны и для земляных мавзолеев Смеловки. Небезынтересно, что наряду с горшками карасукоидного типа, в погребениях Бегазы, Сангру, Айбас-Дарасы встречаются сосуды, украшенные наклепными рассеченными валиками и напоминающие керамику хвалынской и алексеевско-саргаринской культур Волго-Уральского региона, а также амирабадских комплексов Южного Приаралья [там же. С. 91, рис. 60, 1, с. 119, рис. 89, 2, с. 145, рис. 110, 3]. Это позволяет предполагать длительное взаимодействие степных культур с древнеземледельческими и скотоводческими центрами Средней Азии во второй половине II тыс. до н.э., что приводило к симбиозному сращиванию различных традиций в области материальной и духовной культуры.

Идеологическая близость нашим сооружениям ощущается также в некоторых особенностях погребального обряда ананьинцев Прикамья. Так называемые «дома мертвых» Старшего Ахмыловского могильника сооружались из бревен, причем, отмечены и принципы каркасно-столбовой конструкции большой наземной постройки размерами примерно 10 X 3 м, внутри которой, обособлялись до двух десятков деревянных камер с погребениями, вероятно, социально выраженных членов общества. Представляется, что это центральные комплексы грунтовых кладбищ, вокруг которых обычно наблюдается повышенная плотность жертвоприношений и следов ритуальной обрядности, в том числе и признаки огня [Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. С. 49-51].

Безусловно, и в данном случае мы имеем дело с сакральным объектом, который функционировал по принципу мавзолея. Наземное располо-

жение (открытость) «дома мертвых», внутренняя планировка, обособление открытых могил, обилие тризн – свидетельствуют о том, что он был в Ахмылово ритуальным центром трансферной коммуникации. Возможно, в ананьинском погребальном обряде идея мавзолея с течением времени девальвируется, и дома мертвых уступают место их упрощенным аналогам – домовинам, оградам и навесам, посвященным отдельным захоронениям [там же. С. 97].

Ровик 2 – архитектурный объект, по всей вероятности, сопутствующий второму мавзолею (рис. 3, 24). Два его серповидных отрезка отсекают пространство, окружающее усыпальницу с юга и юго-востока.

Почти все ровики в Смеловке, как правило, имеют многочисленные «свиты» дополнительных могил, свидетельствующие о продолжительном (многолетнем) отправлении культа, и ровик № 2 в этом смысле не исключение. С ним связаны, в основном, погребения 3 ОГ – три взрослых (пп. 57, 100, 110), причем, одно из них парное, и четыре детских захоронения (пп. 58, 74, 81, 105). Исключение составляет детское погребение 66 с позднепокровским сосудом, отнесенное к 2 ОГ. Основной смысл указанной свиты могил – семантическое усиление охранительной функции второго ровика.

Заметна определенная, очевидно хронологическая градация форм ровиков, – от четких кольцевидных планировок – к серповидным и аморфным. На новом этапе развития некрополя второй ров отражает некие изменения в принципе ограждения ритуального центра. Единственное сходство с предыдущим магическим кольцом в планировке – это наличие юго-восточных ворот – признака весьма устойчивого, и, по-видимому, неслучайного, поскольку то же самое мы наблюдаем на многочисленных примерах, в том числе в Смеловке и Мурманском кургане.

Если принять во внимание не просто самый распространенный в срубной культуре вариант северо-восточной ориентировки умерших, а еще

и обращенность, при этом, лицом к юго-востоку, то получится, что именно данное направление, как солнечная сторона света, имела большое значение. Северо-восток, восток, юго-восток – это стороны света, где, с учетом сезонных склонений, наблюдается восход солнца, ассоциируемый с приходом высшего божества. В погребальной обрядности поза (адорация) и ориентировка (обращенность к восходу), вне всякого сомнения, символизировали встречу с высшим божеством. Видимо, поэтому только с этой стороны оставляли на территории некрополя вход в пространство, защищенное магическим рвом.

Два классических варианта, выполненные в стиле принципа «магического круга» – ровики 1 и 4 – в идеологическом смысле представляются наиболее выраженными комплексами этого типа. Очевидно, синхронен им серповидный ровик 3. Объединяющим признаком здесь является наличие центральных погребений с ориентировками в восточные секторы и скорченными на левом боку позами (в двух случаях «адорация» и в одном – «скачущий всадник»). Характерная особенность этих центральных и, определенно, престижных погребений – их подчеркнутый «аскетизм» (безынвентарность).

Архитектура северного участка.

Ровики 3 и 4 зафиксированы на условном северном архитектурном участке могильника (рис. 25). По сравнению с предыдущими объектами они имеют свои особенности и заметно меньшие размеры. Третий ров имел серповидные очертания, он охватывал центральное 111 захоронение с северо-востока, но в коренном грунте был очень узок и неглубок. Это позволяет предполагать, что изначально он все же был именно кольцевидным, причем с воротами в той же самой юго-восточной стороне. Очевидно, западный отрезок рва, при его сооружении, просто не был прокопан до ма-

терика и поэтому не фиксировался как очертание. Вместе с тем, этот не наблюдаемый отрезок магического круга маркируется двумя автономными тризнами. Они похожи на все околмогильные жертвоприношения (фрагменты черепа и кости ног МРС), но не связаны с какими-либо захоронениями. Одна из них размещается к западу от центрального погребения, на таком же удалении, как и восточный край ровика, причем на одинаковой глубине. Вторая фиксирует южный створ ворот. Заметим, что такой же автономной тризной отмечен противоположный створ, и, таким образом, мы приходим к выводу, что ровики 1 и 3 практически идентичны по своим конструктивным особенностям и идеологической направленности.

Ровик 3 менее масштабен: его диаметр составлял приблизительно 7 м, но ширина «ворот» могла равняться 2-2,5 м, тогда как диаметр ровика 1 был равен 9 м, а ворота были намного уже, всего 1,2 м. В центре ритуального пространства третьего рва расположено захоронение женщины (Matus) 30-40 лет, в позе «скачущего всадника» с завалом на грудь (п. 111). Оно относится к 1 ОГ и полностью соответствует показателям криволукского культурного типа. Здесь отмечены восточная ориентировка, левобочная скорченность и руки, протянутые к коленям, а также кости МРС перед скелетом (рис. 19, 3Б). В обрядовом отношении это один из наиболее архаичных комплексов, но интервал его почитания довольно продолжителен. В свите сопроводительных захоронений только два относятся к 2 ОГ, это позднепокровские захоронения детей (пп. 101 и 108). Остальные (пп. 82, 90, 102-104, 109) – срубные детские погребения из 3 ОГ, причем, самого позднего (общего) стандарта. Два из них (пп. 104 и 109) усиливают охранительную функцию рва, три (пп. 90, 102, 103) находятся во внутреннем пространстве, а п. 82 размещается непосредственно перед «воротами». При этом в ногах детей из 82 и 104 могил помещены персональные тризны.

Таким образом, здесь мы имеем все признаки родового участка с центральным аскетичным комплексом, охранительным рвом, свитой могил и посвятельными жертвоприношениями. Как культовый центр он возникает в криволукское время при ограничении сакрального пространства будущего могильника, на позднепокровском этапе к могиле пращура совершается подхоронение двух детей из п. 108 (трансферная коммуникация) и рядом с могилой – п. 101, а в срубное время свита дополняется детскими погребениями позднего стандарта и автономными тризнами.

Вместе с тем, этот процесс выглядит незавершенным, если рассматривать его в отрыве от развития соседнего центрального архитектурного участка, центром которого, как мы видим, является мавзолей № 2 (рис. 3). Связующим ключом в формировании родовых участков ровика № 3, мавзолей № 2 и ровика № 2, как и в западной части могильника, являются комплексы второй обрядовой группы (на плане выделены коротким пунктиром). Это исключительно детские погребения с позднепокровскими признаками (пп. 56, 63, 65, 66, 69, 78, 101, 108), которые маркируют сакральное пространство двух родовых участков на раннем этапе формирования сопроводительных свит могил.

Они размещаются на узком, вытянутом с юга на север пространстве, от южного края второго ровика до центра третьего рва, и в это же пространство входит второй мавзолей. Керамика этих захоронений имеет заметные признаки нивелировки покровских признаков, и самое яркое явление в этой группе – сосуды с горизонтальными линиями и подтреугольными вдавлениями (рис. 42), отличающие второй стандарт 2 ОГ. Погребения второго стандарта выявлены в пространстве 3 ровика, а также приурочены к мавзолею № 2 и ровику № 2, именно поэтому рассматривать процесс формирования этих родовых участков следует в едином комплексе. По всей вероятности, их близость является не только пространственно-

планиграфической, но и генетической, возможно, означающей некую культурно-хронологическую преемственность.

Изначально священное пространство некрополя, как места «перехода», здесь было маркировано погребениями 1 ОГ №№ 67, 70 и 111. Погребение № 111, как особо почитаемое, окружается рвом и это, по-видимому, совпадает с началом сооружения мавзолея № 2, где наиболее ранним является женское погребение 2 ОГ № 54, *Maturus*, 30-40 лет (рис. 12, 2-5). В процессе развития мавзолея, непосредственно в его пространстве, возникает детское погребение 2 ОГ № 56, а восточнее мавзолея – погребение 2 ОГ № 65. Обе могилы содержат позднепокровские реберчатые сосуды (рис. 12, 9, 10; 14, 5, 6).

Вскоре после этого начинается строительство ровика № 2, охранительная функция которого направлена на мавзолей № 2, но юго-восточный вход размечен так, что почти в его пространстве оказывается мужское погребение 1 ОГ № 67 (*Maturus*, 35-45 лет) с бронзовыми обоями и костями МРС (рис. 14, 8-11). Почти одновременно возникают позднепокровские детские погребения 2 ОГ: п. № 66 (рис. 14, 7) в восточном створе второго ровика; п. № 63 (рис. 14, 1, 2) за южным краем второго ровика; п. № 69 (рис. 15, 1) восточнее второго мавзолея, и здесь же, еще восточнее п. № 78 (рис. 15, 13Б, 15-17). Не исключено, что две последние могилы планиграфически связаны также с погребением пожилой женщины из 1 ОГ № 70, *Senilis*, более 55 лет (рис. 15, 2). В то же время совершается подхоронение двух детей (п. 108, 2 ОГ) в створ центральной могилы 111 в пространстве ровика № 3 (рис. 19, 3А, 4, 5), а рядом возникает п. № 101 с аналогичным сосудом (рис. 18, 18). Нет никаких сомнений в явной типологической близости сосудов из этих двух захоронений, а по орнаментации они родственны керамике второго стандарта 2 ОГ. Уже в срубное время погребения третьей обрядовой группы достраивают второй мавзолей (п. 55), заполняя

ют рвы и пространства обоих родовых участков, очевидно, продолжая родовые культы не менее чем двух больших семейств (рис. 3, 24, 25).

Особое положение в некрополе занимает комплекс с *ровиком № 4*, выявленный на северном архитектурном участке (рис. 3, 25). Относительно линии первично разграниченного сакрального пространства могильника он заметно смещен в северную сторону, и лишь обрядовые характеристики позволяют не сомневаться в принадлежности центрального захоронения (рис. 20, 1) к первой обрядовой группе «аскетов» (сильная скорченность в позе адорации, юго-восточная ориентировка, кости МРС перед скелетом), что соответствует показателям криволукского культурного типа.

Четвертый ров близок конструкциям первого и третьего ровиков по принципу замкнутости магического круга, но отличается от них типом входа. Здесь есть два разрыва – в северном и восточном отрезках круга, – но они мало похожи на места открытого доступа в пространство погребального сооружения, а в большей степени – на не прокопанные до материка перемычки шириной всего 30-40 см. Размеры ровика 8 х 6 м, его очертания в плане имеют округло-овальную форму, несколько более длинной стороной он ориентирован с юго-востока на северо-запад.

Если в центрах ровиков 1 и 3 погребены взрослые люди, то в четвертом ровике – подросток из погребения 112. Очевидно, возрастом этого умершего (*Infantilis II*, 12-13 лет) можно объяснить факт отсутствия здесь развитой «свиты» могил. Если рассматривать комплексы ровиков, как родовые участки кладбища, на которых последовательно хоронили родственников и потомков умерших ранее пращуров, то становится понятным, что к подростку из 112 могилы, не оставившему потомства, позже никого не могли подхоронить. Во-первых, эта деталь весьма конкретно подкрепляет тезис о характере планиграфических участков Смеловского могильника, как о ритуально-родовых центрах. А во-вторых, может быть, именно

с этим связан принцип полной замкнутости четвертого ровика, подчеркивающий закрытый характер погребального комплекса и запрет на подхоронения.

Неординарность 112 могилы заключается в исключительном починании умершего подростка, не оставившего потомства, но погребенного в центре ритуального пространства, окруженного ровом и по традиции предназначенного для родового участка. Эта ситуация влечет за собой много вопросов, на которые вряд ли можно ответить однозначно. Общеизвестно, что в погребальной обрядности, как в курганах, так и в грунтовых могильниках, детские захоронения, как правило, занимают подчиненно-сопроводительное положение, что вполне логично для позднепервобытного патриархально-родового общества. Исключения из этого правила крайне редки.

В Саратовском Заволжье известно центральное положение детской могилы ямной культуры под первичной насыпью в кургане № 6 Светлого Озера [Лопатин В.А., 1989. С. 10-11; Жемков А.И., Лопатин В.А., 2008. С. 188, рис. 6, 1], что само по себе явление неординарное, как социально неординарна в это время и практика возведения курганов. Статистика, полученная по материалам ямно-полтавкинского времени, например, для Среднего Поволжья, демонстрирует весьма показательную избирательность в отправлении подкурганного обряда. Из 66 погребенных, удостоенных чести быть похороненными под курганами, – 50 мужчин, 15 женщин и только один ребенок [Хохлов А.А., 1999. С. 100; Кузнецов П.Ф., 2003. С. 46-47].

Весьма загадочен статус подростка, погребенного в центре родового кургана № 2 срубной культуры из Кизильского могильника [Стоколос В.С., Стоколос Г.И., 2004. С. 239, рис. 2, с. 240, рис. 3, 5]. Более всего интересно, что при погребенном найдена инсигния родовой власти – каменное навершие булавы, различными вариантами которой в погребениях

обычно маркированы главы социумов (старейшины, вожди, военачальники) [Цимиданов В.В., Евглевский А.В., 1993. С. 99-112]. Вряд ли здесь возможны некие династические проявления, или, более того, наделение подростка властными полномочиями при жизни. «Версия амулета», приведенная в авторской трактовке этого комплекса [Стоколос В.С., Стоколос Г.И., 2004. С. 255], также не убедительна. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с редким вариантом трансферной коммуникации – передачей именной инсигнии социально выраженному лицу, погибшему на стороне и не погребенному на родовом кладбище [Лопатин В.А., Четвериков С.И., 2007. С. 122]. Но и в этом случае личность корреспондента – подростка, наделенного такими полномочиями, представляется неординарной.

Вероятно, ролевая функциональность статуса ребенка/подростка распространялась не только на погребальный обряд, или обрядово выражалось не исключительно в сфере трансферных коммуникаций. Возможно, на ранней фазе культуругенеза представители различных культурных компонентов особенно ревностно придерживались принципов этно-социальной самоидентификации. Может быть, именно поэтому 112 погребение ребенка 1 ОГ (криволукский тип) наделено всеми этно-социальными признаками, которые в Смеловке полагались почитаемым захоронениям пращуров.

Архитектура восточной периферии.

Ровики №№ 5 и 6, возникшие на восточной периферии некрополя уже в срубное время и связанные исключительно с погребальной практикой третьей обрядовой группы, в полной мере отражают упадок идеологического канона (магический круг). Это архитектура условного восточного участка (рис. 3, 26). Более всего заметно, что в бессистемности расположе-

ния ровиков и могил нет четкой привязки к первичному сакральному пространству. Крайнее в его разметке 128 погребение пращура не является центром родового участка, оно в это время, очевидно, уже не совсем заметно на поверхности, да и не столь значимо, как священный ориентир.

Пятый ровик аморфен и неглубок, он уже менее всего напоминает магический круг, а лишь некое опосредованное воспоминание о необходимости ограждения ритуального центра, в котором размещается погребение № 116, отнесенное к общему позднему стандарту 3 ОГ (рис. 20, 11-13). Ров охватывает его по дуге с восточной стороны. Здесь был погребен мужчина (Maturus II, 45-55 лет), причем с признаками некоторой архаизации обряда, которые выражены в очень сильной левобочной скорченности с завалом на грудь, и наличии лопатки МРС перед скелетом (криволукское наследие?). В остальном это типично срубный обряд (прямоугольная могила с северо-восточной ориентировкой и два неорнаментированных сосуда), отражающий унификацию ритуала. Особенно один из сосудов – округлобокая форма с зауженным устьем, коротким венчиком и рельефно профилированной шейкой – наглядно демонстрирует характеристики позднесрубного керамического комплекса, отмеченные в больших коллекциях поселений завершающей фазы развития культуры [Лопатин В.А., 2002. С. 75].

Шестой ровик вписан в южное крыло пятого рва обычным повторным его углублением с некоторым изменением конфигурации. Он представляет собой слабоизогнутую дугу, которая ориентирована, вероятно, на погребение № 118, охватывая его с северо-восточной стороны (рис. 3). Это абсолютно безынвентарная могила с обширным тамбуром, возможно, имитирующая подбойную конструкцию, отнесенная к второму раннему стандарту 3 ОГ (рис. 21, 1). Здесь был погребен молодой мужчина (Adultus, 20-25 лет) в позе левобочной адорации с завалом на грудь, головой к северо-северо-востоку. Возможно, вся восточная периферия некрополя в совокуп-

ности представляет один большой родовой участок, построенный представителями, по-видимому, двух родственных семейств. Но в этом бессистемном кучевом скоплении могил, большинство которых принадлежало детям, практически невозможно конкретизировать их четкую принадлежность к той или иной группе.

Комплексы пятого и шестого ровиков фиксируют в некрополе завершающую фазу его развития, когда, с трансформацией предыдущих идеологических канонов, уже не соблюдались нормы, связанные с четким выделением родовых участков и ориентировкой на первично сакрализованное пространство. С исчезновением элементов криволюкского и покровского типов в материальной культуре, комплекс священного захоронения «пращура» в идеологии утрачивает свое былое значение, погребальный ритуал упрощается и совершается как бы наспех, без больших трудозатрат и былой пышности. Образы пращуров переходят в разряд дальних, уже полубожественных персонажей. Между ними и живущими людьми образовался пантеон ближних (не так давно умерших) предков, очевидно, почитаемых не столь ревностно, по крайней мере, без излишнего злоупотребления трансферными коммуникациями. Действительно, у могил третьей обрядовой группы мы уже не видим подхоронений, а персональные тризны здесь крайне редки.

В это время наблюдается продолжение культа и на более древних родовых участках, связанных с мавзолеями №№ 1,2 и ровиками №№ 1-4. Потомки древних пращуров так же бессистемно заполняют своими могилами пространства могильника, лишь изредка прибегая к средствам трансферной коммуникации. Это означает, что весь некрополь все еще действовал как святилище и место перехода из мира живых в мир мертвых, но, воспринимая его как место захоронений, люди уже не различали первичные родовые центры.

Особенно характерна в этом смысле группа могил, расположенных в середине сакрализованного пространства, между мавзолеями, ровиками 3, 4 и родовым участком с зольником 1 в середине (рис. 3). Это погребения №№ 16, 21, 22, 29, 35, 36, 79, 80, 83-88, 93, 94, 97, 98, 106, размещенные меридиональными рядами и визуально не связанные с архитектурными комплексами. Мы можем лишь предположительно относить эти захоронения третьей обрядовой группы к числу потомков родов и семейств, последовательно создававших наиболее архаичную архитектуру Смеловского некрополя.

Подхоронения (обряд трансферной коммуникации).

Комплексы подхоронений – особая категория короткой хронологической преемственности погребений в рамках монокультурной обрядности. В отличие от прямой стратиграфии, где почти всегда присутствуют разнокультурные комплексы, подхоронение никогда не разрушает более древнюю могилу. Оно совершается целенаправленно, на край или в створ предкового погребения с целью максимально приблизить потомка к пращуру. Категория трансферной коммуникации вполне логична для первобытного мировосприятия, основанного на представлении о трехмерности пространства и вере в возможность преодоления его границ. Сами места перехода – возвышенный участок речной террасы, выбранный для грунтового могильника, или искусственная возвышенность – курган, – воспринимались как граница между самыми значимыми сферами пространства, рубеж между жизнью и смертью [Кузнецов П.Ф., 2003. С. 50].

К тем или иным видам трансферной коммуникации прибегали при совершении погребального обряда (отправление умершего в потусторонний мир посредством ингумации, кремации и др.), а также при обращении к богам и предкам (вознесение молитв, поминальные тризны или символические ритуалы).

ческое кормление предков, призывание богов, воздействие на силы природы посредством заклинаний и т.д.). Подхоронение предусматривало соединение в одном действии отправление умершего и обращение к обитателям потустороннего мира. При этом умерший служил в качестве медиатора для установления быстрого контакта или скорейшей передачи необходимой информации.

В Смеловке выделяется ряд комплексов, где, предположительно, можно выявить случаи подхоронений с сакральными функциями трансферной коммуникации. Заметим, это не случайное совмещение разновременных погребений по вертикали, не просто прямая стратиграфия, поскольку более поздние подхоронения ни разу не нарушили здесь нижележащие объекты. Различаются три вида подхоронений.

Подхоронения в мавзолей: – коллективное погребение № 34 (Мавзолей 1) последовательно сооружалось на основе открытого подбойного захоронения 1 ОГ (34-А) посредством добавления детских погребений 3 ОГ (34-Б, В, Г) с расширением котлована и возведением шалашевидной надстройки;

– мавзолей 2 последовательно сооружался на основе погребения 2 ОГ (п. 54) посредством добавления детского погребения 2 ОГ (п. 56) и парного захоронения 3 ОГ (п. 55) с расширением котлована, приданием ему очертаний полуземляночной постройки, оснащением вотивным тамбуром символического входа, возведением двускатной кровли.

Данный тип подхоронений, вероятно, адресован наиболее престижным пращурам, поскольку связан с внушительными объемами трудозатрат и помпезным оформлением внешнего вида архитектурных объектов.

Подхоронения в створ предковой могилы: – погребение 2 ОГ (п. 18), адресовано погребению 1 ОГ (п. 20). Интересно соотношение возрастных данных корреспондента и адресата: позднепокровское погребение мужчи-

ны (Adultus, 25-30 лет) подхоронено к криволюкскому погребению мужчины более юного возраста (Juvenis, 18-21 лет);

– парное детское погребение 2 ОГ (п. 108) адресовано женскому погребению 1 ОГ (п. 111, Maturus I, 30-40 лет), которое занимает центр ровика № 3. Ему синхронно также детское погребение 101, расположенное во внутреннем пространстве ровика, что, возможно, отражает повторную трансферную коммуникацию, совершенную в позднепокровское время.

– детское погребение 3 ОГ (п. 40) адресовано мужскому погребению 1 ОГ (п. 24, Maturus II, 40-50 лет) на срубном этапе развития могильника. Примечательно, что погребение 24, в свою очередь, является сопроводительным по отношению к погребению 1 ОГ (п. 38, Maturus II, 40-50 лет), которое занимает центр в ровике № 1, что означает возникновение ровика на криволюкско-покровском этапе развития некрополя. Отметим также, что детское подхоронение заметно смещено к северо-западному краю могильной ямы погребения 24, что сближает его со следующим видом трансферной коммуникации;

Подхоронение к краю предковой могилы: – женское погребение 2 ОГ (п. 32) (Adultus, 20-25 лет) адресовано погребению пожилой женщины 1 ОГ (п. 33) (Senilis, старше 55 лет). Оно частично перекрывает свод неглубокого подбоя старшего захоронения. Не исключено, что в повторной трансферной коммуникации здесь было занято детское погребение № 31, также относящееся к 2 ОГ. Оба подхоронения совершены в покровское время;

– детское погребение 3 ОГ (п. 77) адресовано погребению подростка из 2 ОГ (п. 78). Как и в случае с подхоронением ребенка из п. 40, оно совершено в срубное время, а также похоже по планиграфическому совмещению – на северо-западный край старшей могилы.

Из вышеприведенных ситуаций следует, что подхоронения, как процедуры трансферных коммуникаций, направленные на сакральный контакт с предками, были разнообразны и, вероятно, изменялись во времени (от прямого наложения на створ могилы – к смещенному наложению на край ямы).

Аналогичные примеры планиграфических совмещений близких по межкультурной хронологии комплексов в грунтовом могильнике Белогорское-II, а также в некоторых курганах были отмечены И.И. Дремовым, который привлекал эти данные к постановке вопроса о короткой преемственности и скорой смене отдельных локальных вариантов нижневолжских культур на рубеже средней и поздней бронзы [Дремов И.И., 1997. С. 75-77]. Нам особенно интересен вариант подхоронения в Белогорском могильнике, где раннесрубный комплекс (поза левобочной адорации, северная ориентировка, биконическая банка, нож, бусы, круглые желобчатые подвески, сложный убор с бляхами ябалаклинского типа), адресован позднекатакомбному захоронению с двумя сосудами и жаровней [там же. С. 74, рис. 8]. Очевидно, в данном случае мы имеем фрагмент некоего южного варианта культурогенеза, где также наблюдается трансферная коммуникация.

Как мы видим, в Смеловском могильнике выделяется выразительная группа комплексов, в которых некоторые захоронения криволукского и покровского типов сопровождаются покровскими и срубными подхоронениями, преимущественно детскими. Как правило, такие комплексы связаны с мавзолеями, ровиками, центрами родовых участков некрополя. Предполагается, что в этих комплексах отражается определенная сфера идеологии, направленная на культы предков, наиболее целостно сформировавшиеся именно в период активизации волго-уральского культурогенеза.

На раннем этапе развития предковых культов, когда объектом поклонения были конкретные (не так давно умершие) люди, пользовавшиеся при жизни особым почетом, сложился специфический комплекс обрядовых действий, символизовавших заботу о пращуре, уже перешедшем в потусторонний мир [Бернова А.А., 1980. С. 43-44]. Мы очень ограниченно можем представить себе всю полноту подобной заботы об умершем. Археологически это фиксируется, вероятно, в виде тризн и поминальных жертвоприношений, которые можно объединить в общей идее «кормления» покойного предка.

Кормление предков – это широкий круг аналогов в этнографии и пережиточных комплексах, дошедших до современности и связанных с похоронной ритуалистикой. Ярчайший среди этнографических параллелей – материал по повседневной обрядности высокогорных папуасов Новой Гвинеи, где до настоящего времени практикуется ритуальное кормление мумии предка. Во многих селениях есть специальные хижины, в которых «живут» прокопченные мумии женщин-прародительниц гетерогенных папуасских общин. Еще в 70-х годах XX в, в некоторых домах традиционной Новой Гвинеи можно было наблюдать особую заботу о так называемых «тихах» – полуистлевших мумиях пращуров семейств, которые хранились в специально отведенных для них углах. Характерно, что именно дети (!), поощряемые взрослыми, ежедневно «кормили» предков, намазывая их мертвые рты саговой кашей. Папуасы уверены, что «тихие» наблюдают за жизнью семьи, радуясь взрослению и дальнейшей жизни своих потомков, и вообще считают их членами общества [Рённэ А.Ф., 1985. С. 78, 144, 165-166].

Подобный материал из этнографии народов Океании экстраполировался на археологическую тематику степной Евразии с целью обоснования фактов особой погребальной обрядности, связанной с кенотафами. Соглас-

но некоторым мнениям, символические погребения-кенотафы не обязательно являются следствием невозможности похоронить тело умершего [Шнирельман В.А., 1985. С. 91; Иванова С.В., Цимиданов В.В., 1993. С. 25], а реальные останки уважаемого представителя коллектива могли использоваться в сложнейшей ритуалистике, связанной с их вещественной фиксацией и увековечиванием в виде частично или полностью мумифицированных объектов.

Отмечая сомнительность подобных трактовок кенотафов, тем не менее, согласимся с возможностью самых различных ритуальных действий с останками умерших предков и всевозможных форм их фиксации с целью дальнейшего почитания. Открытый характер мавзолеев, например, вполне допускал подобные контакты живых с мертвыми, включая и символическое кормление. Любая форма тризны является, по сути, опосредованным проявлением той же самой идеи.

На определенном этапе развития культ предков переходит в следующую стадию, когда объектом почитания становится воспоминание об умершем, его нематериальный дух, обожествленный и наделенный сверхъестественной силой. В связи с этим усложняется процедура: от привычных повседневных обрядов кормлений ритуал переходит к сложным комплексам поклонений, молений и задабриваний. Причем, почитание, в данном случае, адресовано не конкретному умершему человеку, а его абстрактному духу, нереальному, а потому, возможно, опасно-всесильному в своих проявлениях. Насколько далеко могла заходить степень задабривания все-сильных духов предков, можно судить по остроте вечной дилеммы обращаемой живыми к потусторонней сфере в виде молений. В них содержалась квинтэссенция крайностей: отвести вредоносное воздействие и привлечь со стороны духов положительное влияние для решения насущных проблем (война, болезни, бесплодие, смерть – одоление врага, благоденств-

вие, рождение детей, урожай, приплод скота и тому подобное). Порой в офантазированном мышлении людей абстрактные образы забытых предков могли принимать зоолатрические персонификации, как например, в домашних пантеонах Китая эпохи «Хань», к которым обращались с молитвами и просьбами о помощи. И в настоящее время живые представители этнической группы «зао» Вьетнама стараются задобрить духов предков, от чего зависит положительное или вредоносное влияние на общественно-хозяйственную жизнь их потомков [Дементьева-Лекинен А.Н., 1980. С. 62]. Эта основная идея отчасти роднит культ предков с шаманизмом, основная функция которого заключается в привлечении божественных сил на пользу родовому сообществу. В данном случае, шаман (жрец, священнослужитель) выступает в качестве медиатора между средним миром людей и верхним миром богов, либо нижней сферой – обителью хтонических существ и мертвых.

Поминальная тризна постепенно наполняется иным смыслом. Это уже не просто ритуальное кормление, как проявление заботы об умершем родственнике. В знаковой системе обряда тризна становится элементом моления при задабривании духов, жертвоприношением, рассчитанным на обратную комплиментарность. Ритуальное возлияние, поминальное пиршество, сожжение сакральной пищи совершаются непосредственно на местах захоронений с единственной целью – сократить время и расстояние прохождения жертвы, а соответственно и просьбы, адресованной духу предка.

Но самый верный способ доставки просьбы, подкрепленной жертвоприношением, всесильному предку – это использование реального медиатора, то есть, передача из рук в руки и изустное сообщение информации. Это вопрос о корреспондентах в трансферной коммуникации, и вероятнее всех прочих социально-возрастных категорий, пригодных на роль послан-

ников из мира живых в мир мертвых, могли быть только дети, не прошедшие инициаций, или представляющие низшие общественные страты. Данный вариант мог предполагать даже социальный инфантицид, но в условиях повышенной естественной детской смертности, функции посланников могли выполнять также и представители ближайших, по происхождению, родовых групп. Предположения по поводу родовых связей, или предковом родстве разновозрастных погребений в закрытых комплексах, неоднократно отмечались в литературе [Хлобыстина М.Д., 1990. С. 61-67]. Но думается, что обряды трансферных коммуникаций предполагали значительно более широкие и сложные социальные отношения.

В данном вопросе очевидным представляется очень важное обстоятельство, которое позволяет предполагать особый статус ребенка в погребальной обрядности степных скотоводческих племен эпохи поздней бронзы, – это впечатляющее обилие детских погребений, как в подкурганном, так и в грунтовом вариантах обряда. Заметим, что ни в предшествующее, ни в последующее время такое подавляющее преобладание не наблюдается. Было бы наивным объяснять данный факт исключительно с точки зрения предполагаемых антисанитарии, эпидемий или искусственной регламентации рождаемости по половому признаку. Последний фактор этнографически наблюдался у «тода» Южной Индии,¹¹ но исключительно как пережиточный комплекс, уже не обоснованный ни с практической, ни с идеологической точек зрения.

Думается, что тщательная систематизация погребального материала, накопленного в археологии по срубной культуре, позволит со временем

¹¹ «Тода» – единственный скотоводческий этнос на юге Индостана, индоевропейский по краниологии, живущий в окружении дравидоидов-земледельцев. В отличие от последних, «тода» огне-и солнцепоклонники. Судя по всему, как и «рана-тхару» Непала, они потомки индоариев, проникших далеко на юг субконтинента с территории Раджастхана. Элементы искусственной регламентации рождаемости проявляются у «тода» в неприятном обычае умерщвления новорожденных девочек, появившихся на свет в так называемые «неблагоприятные дни». Отсюда резкая диспропорция в соотношении женского и мужского населения и, как следствие, – развитая полиандрия в супружестве [см: Шапошникова Л.Б. Тайна голубых гор, М., 1969].

выделить достаточно широкий круг комплексов с подхоронениями. Это необходимо для более полного определения возрастного состава «посланников», их социального положения, широты культурно-хронологического диапазона, в котором действовал данный идеологический институт. По всей вероятности, подобный феномен возникал во многих областях Евразии, где исторически отмечены предковые культы [Игнатова М.Е., Лопатин В.А., 2005. С. 69].

Погребения с путовыми костями лошади

Отчасти трансферная коммуникативность в погребальной обрядности этого времени подтверждается редкой разновидностью погребений, в которых содержатся путовые кости лошади (бабки). Как правило, в полевых отчетах и в публикациях их относят либо к тризнам, либо к атрибутам детских игр, поскольку чаще всего они встречаются именно в погребениях детей. Вместе с тем, в устойчиво повторяющихся ситуациях обращает на себя внимание целенаправленная избранность определенного вида лошадиных костей, использовавшихся в ритуале, причем в нормативном виде. Как правило, одна-две «бабки», реже в большем количестве, расположены около скелета умершего наряду с керамикой и прочими предметами, и складывается впечатление, что в обряде знаковая функция причудливой косточки не менее значима, чем роль любого другого артефакта. «Бабки» – это именно предметы погребального инвентаря, обладающие собственной знаковой, сугубо сакральной символикой.

Пространственный анализ погребальных памятников срубной культуры Нижнего Поволжья показал довольно широкое распространение данного признака. Погребения, в которых присутствуют лошадиные «бабки», встречаются в степном Волго-Уралье, в Доно-Волжской лесостепи, в аридных областях Заволжья и Правобережья. При описании источниковой

базы особое внимание уделяется наличию искомого признака, условиям его местонахождения, традиционным показателям обряда и сопровождающего инвентаря, возрастным данным умершего и культурно-хронологической атрибуции (микрохронология). Немаловажны в данном контексте также показатели планиграфии и соотношений в курганной стратиграфии, которые позволяют подойти к такому уровню анализа, как выявление ролевой функциональности детских и прочих погребений с «бабками» в системе предтеистической идеологии позднепервобытного общества.

Погребения с путовыми костями выявлены в могильниках Черebaево, Иловатка, Политотдельское, Светлое Озеро, Чапаевка, Смеловка, Кулатка, Первомайское VIII, Неткачево, Золотая Гора, Советское, Петропавловка, Острая Могила, Макаровка, Волчанка, Хутор Авиловский, Ровное, Спиридоновка IV, Лузановка, Мурзихинский II, Мирный 3.

Черebaево, курган № 2, погребение 2 (срубное) устроено как впускное подхоронение к основному срубному захоронению женщины, которое было разрушено, но в могиле найдены фрагменты сосуда, бронзовые игла и шило, обломки желобчатой подвески. Впускная могила прямоугольной формы, размерами 1,6 X 0,9 м, глубиной 1,1 м ориентирована с ЮЗ на СВ. На дне обнаружен скелет подростка, погребенного скорченно на левом боку в позе «адорации», головой к СВ. В головах стоял глиняный сосуд баночной формы, закрытого профиля, с несколько выпуклыми боками. Перед лицом, ближе к северо-восточному углу ямы, находились 2 конские фаланги [Синицын И.В., 1959. С. 44].

Иловатка, курган № 2 (основное погребение древнеямное), *погребение 4* (раннесрубное) устроено в юго-восточной поле как подхоронение к впускному покровскому захоронению № 7 (перекрытие, скелет около западной стенки, тризна, колоколовидный сосуд с примесью толченой рако-

вины). Интересующая нас могила прямоугольной формы, размерами 1,1 X 0,6 м, глубиной 1,43 м, ориентирована с юга на север. Скелет ребенка переотложен грызунами. Около черепа лежали 2 *путовые кости кулана*, здесь же трубчатая кость крупной птицы. К северу от черепа стояла биконическая банка с примесью толченой раковины [Смирнов К.Ф., 1959. С. 214].

Курган № 4 (основное погребение покровское парное: взрослый скелет около западной стенки, детский разрушен, пастовые бусы, сурьмяные подвески), *погребение 3* (раннесрубное) – подхоронение к основному покровскому устроено в северо-западном секторе. Могила овальной формы, размерами 1 X 0,7 м, глубиной 1,1 м, ориентирована с юга на север. Скелет ребенка, погребенного в скорченном виде, ориентирован головой на север. У восточной стенки найдена 1 *путовая кость лошади*, а севернее – слабопрофилированный сосуд с прямым венчиком и короткими уступчатыми плечиками. Глина черная, с примесью толченой раковины [там же. С. 222].

Политотдельское, курган № 4, погребение 31 (позднепокровское) устроено в насыпи, на глубине 0,95 м, как подхоронение к двум криволюкским могилам №№ 21 и 27. Скелет ребенка 5-6 лет лежал на левом боку, скорченно, головой к северу. За теменем стоял лепной подколоколовидный сосуд с коротким, слабоотогнутым наружу венчиком (на обратной стороне отгиба внутреннее ребро) и с каннелюром на линии шейки. В примеси толченая раковина. Перед лицом, у кистей рук лежала 1 *путовая кость лошади* [там же. С. 247].

Светлое озеро, курган № 11, погребение 1 (единственное в кургане, позднесрубное) – прямоугольная могила, размерами 1,6 X 0,9 м и глубиной 1,52 м от вершины насыпи, была ориентирована с ЮЮВ на ССЗ. На дне зафиксированы перемешанные кости подростка, развал лепного сосуда с

примесью песка и шамота, а также 2 лошадиные бабки [Жемков А.И., Лопатин В.А., 2008. С. 169].

Чапаевка, курган № 2 (основная могила 2 относится к древнеямной культуре), *погребение 1* (позднесрубное) устроено в юго-восточной поле. Овальная яма, ориентированная с ЮЮЗ на ССВ, содержала позднесрубное детское захоронение, скорченное на правом боку в позе адорации, головой к северу. У затылка расчищены закрытая лепная банка и 2 *путовые кости лошади*. Второй сосуд, слабопрофилированной «тюльпановидной» формы, лежал перед умершим. В примеси обоих горшков заметны песок и шамот [Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007. С. 95].

В Смеловке погребения этого типа представлены 7 объектами, и это наиболее массовый показатель для одного памятника, что выделяет его в полученной выборке. По искомому признаку отмечены погребения всех обрядовых групп, но явное преимущество за ЗОГ (срубной).

Смеловка, погребение 12 (рис. 6, 2) относится к 1ОГ (криволукское), оно устроено на площадке западного ритуального участка, в системе рядной свиты, тяготеющей к кольцевидному ровику № 1 и «мавзолею» № 1, где основными также были криволукские захоронения. Могила подбойной конструкции, со ступенькой и погребальной камерой в западной стенке входной ямы, содержала погребение взрослого мужчины 40-50 лет, лежавшего на левом боку, скорченно, в позе адорации, головой к северу. Около темени зафиксирована 1 *путовая кость лошади*.

Смеловка, погребение 15 (рис. 6, 5) относится к ЗОГ, раннесрубное, устроено в бессистемном скоплении могил северного участка, вероятно, тяготеет к двум криволукским захоронениям №№ 20 и 33, а также большому зольнику в центре участка. Могила овальной формы, ориентированная с ЮЮЗ на ССВ, содержала скелет ребенка 6-7 лет, погребенного скорченно на левом боку, в позе адорации, головой к ССВ. У колен зафиксиро-

ваны *2 путовые кости лошади*. Перед лицом стоял слабопрофилированный лепной сосуд с нерегулярным гребенчатым орнаментом.

Смеловка, погребение 25 относится к 3 ОГ, раннесрубное, устроено в пределах ровика № 1, в надматериковом грунте, как подхоронение к основной криволукской могиле № 38. Здесь зафиксирован скелет ребенка 6 лет, погребенного на левом боку, скорченно, в позе адорации, головой к ЮЮВ. Перед погребенным лежала *1 путовая кость лошади*, у основания черепа найдена костяная дисковидная бусина.

Смеловка, погребение 78 (рис. 15, 13-Б) относится к 2 ОГ, позднепокровское, устроено в пределах центрального участка могильника и тяготеет к системе «мавзолея» № 2 и ровика № 2. В прямоугольной могиле, ориентированной с юга на север, в центре, лежал скелет подростка 8-9 лет, погребенного на левом боку, скорченно, в позе адорации, головой к северу. Между черепом и СВ углом ямы стоял лепной округлобокий сосуд, с примесью ракушки, украшенный горизонтальными линиями и треугольными оттисками. У основания черепа зафиксированы бронзовые желобчатые подвески овальной формы, против груди, около восточной стенки могилы, на мелких угольках лежали *2 путовые кости лошади* (первые фаланги) и две вторые фаланги, но не в естественном сочленении.

Смеловка, погребение 90 относится к 3ОГ, раннесрубное, устроено в пределах северного участка могильника и тяготеет к системе ровика № 3, где основным является криволукское захоронение № 111. В прямоугольной могиле, ориентированной с юга на север, расчищен скелет ребенка 7-8 лет, погребенного на левом боку, скорченно, в позе адорации, головой к северу. Против груди, около восточной стенки ямы лежали *2 путовые кости лошади* (первые фаланги) и две вторые фаланги, но не в естественном сочленении. У колен стояла лепная закрытая банка с вогнутым дном, украшенная тремя горизонтальными рядами мелких наколов.

Смеловка, погребение 98 относится к ЗОГ, срубное, расположено на северном участке могильника и тяготеет к системе ровика № 4, где основным является криволюкское захоронение № 112. В овальной могиле, ориентированной с ЮЗ на СВ, обнаружен скелет подростка 10-12 лет, погребенного скорченно на левом боку, в позе адорации, головой к СВ (правая рука лежит кистью у живота). Перед грудью зафиксированы маленький баночный сосуд и *1 путовая кость лошади*. Вторая банка более крупных размеров стояла в северо-восточном углу могилы, против черепа умершего. В примеси обоих сосудов заметны песок и шамот. Примечательно, что лошадиная бабка именно стояла на дне ямы, на своем более широком основании.

Смедловка, погребение 109 относится к ЗОГ, раннесрубное, расположено на северном участке могильника, в системе ровика № 3 (впущено в его северо-восточный отрезок контура). В овальной яме, прорезавшей ров, и которая была ориентирована с ЮЗ на СВ, расчищен скелет ребенка 3-4 лет, погребенного на левом боку в скорченной позе адорации, головой к ССВ. Перед грудью лежала *1 путовая кость лошади*, а у черепа стоял лепной баночный сосуд закрытой профилировки, скромно украшенный одним рядом ногтевых отпечатков под краем устья.

Кулатка. Курганы у станции Кулатка в Хвалынском районе Саратовской области были исследованы в 1993 году С.В. Ляховым.¹² Погребения с путовыми костями лошадей из первого кургана составили здесь весьма любопытную, неординарную по большому количеству искомым признаков, серию комплексов.

Курган № 1 (основная могила срубная), *погребение 3* (срубное) являлось впускным, детским, устроено в небольшой прямоугольной яме, ори-

¹² Автор искренне благодарен С.В. Ляхову за любезно предоставленную возможность использования неопубликованных материалов из личного архива исследователя.

ентированной с ЮЗ на СВ. Прослежены остатки продольного жердевого перекрытия. Скелет ребенка не сохранился. На дне обнаружены *1 путовая кость лошади* и два лепных сосуда (баночный и слабопрофилированный) с примесью песка и шамота.

Курган № 1, погребение 7 (срубное), впускное. В прямоугольной могиле, ориентированной с ЮЗ на СВ, обнаружен скелет подростка, погребенного на левом боку в скорченной позе адорации, головой к СВ. Яма перекрыта тремя продольными бревнами. Инвентарь: в области шеи и груди найдены пастовые и сурьмяные бусы; около предплечий стоял баночный закрытый сосуд; второй, слабопрофилированный, сосуд, украшенный двумя рядами округлых оттисков, размещался за спиной; третий сосуд – миниатюрная закрытая баночка, украшенная парным зигзагом, – лежал в ногах, в южном углу могилы; здесь же в ногах расчищено беспрецедентное количество *12 путовых костей лошади*, залежавших беспорядочным скоплением.

Курган 1, погребение 8 (срубное), основное. В прямоугольной яме с одновенцовым срубом, ориентированной с ЮЗ на СВ, расчищен скелет человека плохой сохранности, погребенного в северной половине могилы, скорченно, на левом боку в позе адорации, головой к СВ. Около черепа зафиксирован неполный развал лепного сосуда, на правом предплечье – обломки бронзового узкожелобчатого браслета, в южной половине могилы лежали *4 путовые кости лошади*.

Первомайский VIII, курган 8, погребение 1 (раннесрубное), впускное по отношению к центральному безынвентарному захоронению, вероятно, криволукскому с северной ориентировкой. В прямоугольной могиле размерами 1,42 X 0,86 м, глубиной 0,27 м в материке, ориентированной с юга на север, расчищен скелет взрослого человека, погребенного на левом боку, в скорченной позе адорации, головой к северу. Около колен и локтей

умершего зафиксированы примерно *6 путовых костей лошади*. Автор, почему-то, не указывает точное количество, поэтому число «шесть» здесь приводится в соответствии с рисунком, который сопровождает статью. В ногах помещался лепной слабопрофилированный сосуд с примесью толченой раковины, с коротким венчиком и одним рядом косых насечек на линии шейки [Мамонтов В.И., 2001. С. 179-195].

Неткачево, курган 13, погребение 5 (срубное), являлось впускным относительно центральной раннесрубной парной могилы. В прямоугольной яме размерами 1 X 0,6 м, глубиной 0,35 м в материке, ориентированной с ЮЗ на СВ, обнаружен скелет ребенка 1,5 лет, погребенного скорченно на левом боку, в позе адорации, головой к СВ. Перед лицом умершего лежала *1 путовая кость лошади* (по авторской трактовке астрагал крупного животного – лошади или коровы). В юго-западном углу могилы находилась тризна в виде черепа и костей ног МРС. Против черепа, в северо-восточном углу ямы расчищен лепной слабопрофилированный сосуд с примесью шамота [Дьяченко А.Н. и др., 2006. С. 111].

Золотая Гора, курган 6, погребение 5 (раннесрубное) – одно из основных захоронений с материковыми выкидами. В прямоугольной могиле размерами 1,5 X 0,96 м, глубиной 0,9 м в материке, ориентированной с ЮЗ на СВ, обнаружен скелет взрослого человека, погребенного на левом боку в скорченной позе адорации, головой к северо-востоку. В головах, около короткой стенки лежали *3 путовые кости лошади*, перед погребенным, у продольной стены стояли два лепных сосуда – неорнаментированная закрытая банка и реберчатый горшок с тройным зигзагом. В примеси, по авторской трактовке, – признаки выгоревшей органики [Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006. С. 35-36, рис. 24, III, 5, 6].

Советское, курган 1, погребение 3 (покровское, с вольскими чертами в керамике) – подхоронение к основному криволукскому погребению в

подбое. В прямоугольной могиле размерами 1,9 X 1,2 м, глубиной 0,8 м в материке, ориентированной с ЮЮЗ на ССВ, расчищен плохо сохранившийся скелет подростка, погребенного около западной стенки ямы, на левом боку, в слабо скорченной позе, головой к ССВ. В юго-западном углу найдены зубы МРС. Около черепа умершего обнаружены пастовые бусы, возле таза – створка раковины *Unio*. В изголовье стоял реберчатый сосуд с внутренним ребром, украшенный парным зигзагом и горизонтальными рядами мелких насечек. Против черепа, ближе к восточной стенке зафиксирован миниатюрный баночный сосуд и *3 путовые кости лошади*. В примеси обоих горшков заметна толченая раковина.

Погребение 4 (покровское, с вольскими чертами в керамике) – подхоронение к основному криволукскому комплексу. Могильная яма прямоугольная, размерами 1,8 X 1 м, глубиной 0,12 м в материке, ориентирована с ЮЗ на СВ. На дне расчищен скелет подростка, погребенного на левом боку, в слабо скорченной позе адорации, головой к СВ. Возле черепа зафиксированы пастовые и сурьмяные бусы, а также обломки бронзовой желобчатой подвески. В юго-восточном углу могилы стоял реберчатый сосуд, украшенный парным зигзагом и горизонтальными рядами мелких насечек по всему тулову. Против черепа, ближе к восточной стенке лежал на боку миниатюрный реберчатый сосудик с аналогичным зигзагом, рядом – *3 путовые кости лошади*. В примеси сосудов – толченая раковина. Оба захоронения очень близки по обряду и составу инвентаря [Дремов И.И., Семенова И.В., 1999. С. 55-63].

Петропавловка (грунтовый могильник), погребение 3 (позднеабашевское) выявлено в надматериковом грунте. Скелет взрослого человека, погребенного на левом боку, скорченно, головой к северо-востоку, сохранился не полностью (неясно положение кистей рук). Против груди стоял колоколовидный сосуд с внутренним ребром и уплощенным днищем. За

спиной, сложенные блоком, размещались 2 *путовые кости лошади*, барабаны (?) астрагалы, клык хищника и миниатюрный реберчатый сосудик со сложным орнаментом [Погорелов В.И., 1989. С. 97-107].

Острая Могила, курган 1, погребение 1 (раннесрубное) устроено в качестве основного захоронения под индивидуальной насыпью, к которому в северо-восточную полу подхоронены две детские могилы того же времени. В прямоугольной могиле со срубом выявлены остатки кострища, зольная прослойка и остатки плах. Ближе к северо-восточной стенке сруба лежал скелет взрослого человека, скорченно на правом боку, в позе адорации, головой на СВ. Напротив живота погребенного обнаружен развал сосуда, а рядом с ним 3 *путовые кости лошади*. Еще 2 сосуда обнаружены в северном углу и около ЮЗ стенки. В примеси всех горшков заметны песок и шамот. Два из них украшены зигзагами и косыми треугольниками в гребенчатой технике [Бойков А.А., 1989. С. 114-119].

Макаровка, курган G1, погребение 4 (срубное), детское, устроено в ЮЗ поле, как подхоронение к основному срубному захоронению, совершенному по обряду кремации. В прямоугольной яме, ориентированной с ЮЮЗ на ССВ, расчищен плохо сохранившийся скелет ребенка, погребенного на левом боку в скорченной позе адорации, головой к ССВ. В ногах обнаружены два баночных сосуда, один из которых украшен прочерченным зигзагом. Перед умершим, около восточной стенки лежала 1 *путовая кость лошади* [Синицын И.В., 1947. С. 71-72].

Волчанка, курган 3, погребение 15 (срубное), устроено в западной поле подкурганного пространства, которое было первоначально организовано как грунтовое кладбище, а позже перекрыто единой насыпью. В прямоугольной могильной яме размерами 1,2 X 0,97 м и глубиной 0,18 м в материке, ориентированной с ЮЮЗ на ССВ, расчищены остатки парного погребения, сильно нарушенного землероями. Судя по сохранившимся кос-

тям, один из умерших лежал на правом боку в скорченном положении, головой к СВ. Второй скелет почти не сохранился, его череп был смещен со своего первоначального места. В северо-восточном углу могилы найден лепной баночный сосуд закрытой профилировки, украшенный косыми крестами. В заполнении норы у западной стенки обнаружены «бабки животных» (каких именно, в публикации не указано).

Курган 4, погребение 1 (срубное) устроено в ЮВ поле подкурганного пространства, очевидно, как подхоронение к основным могилам №№ 7 и 8 (раннесрубные). В овальной могиле размерами 1 X 0,75 м и глубиной 0,2 м в материке, ориентированной с ЮЗ на СВ, расчищен скелет ребенка, погребенного на левом боку в скорченной позе адорации, головой к СВ. Перед лицом умершего стояли два лепных сосуда, в ногах обнаружено скопление «бабок животного» [Кузнецова Л.В., Седова М.С., 1991. С. 167].

Хутор Авилковский (вторая группа), курган 5, погребение 6 (раннесрубное с криволукскими чертами) устроено в ЮЗ секторе подкурганного пространства, как подхоронение к основному раннесрубному, с криволукскими признаками,¹³ комплексу. В прямоугольной могиле размерами 1,2 X 0,7 м, глубиной 0,2 м, ориентированной с ЮЗ на СВ, расчищен скелет ребенка 8-9 лет, погребенного скорченно на левом боку, головой к СВ. Руки протянуты кистями к коленям. Перед лицом умершего поставлены два баночных сосуда, здесь же лежали «конские бабки в количестве 6 штук» [Синицын И.В., 1954. С. 248-249].

Ровное, курган 1, погребение 1 (срубное) устроено в ЮВ секторе подкурганного пространства, как подхоронение к основному криволукскому комплексу. В прямоугольной могиле размерами 1,5 X 1,2 м и глубиной 0,3 м в материке, ориентированной с ЮЗ на СВ, расчищен скелет молодой

¹³ Криволукские признаки всех погребений эпохи бронзы, обнаруженных в кургане 5, выражаются в положении рук (поза «скачущего всадника»).

женщины – подростка, погребенной на левом боку, в скорченной позе адорации, головой к СВ. Под черепом зафиксирована овальная височная подвеска, свернутая из бронзового, овального в сечении, прутка в 1,5 оборота, на запястьях выявлены бронзовые браслеты из *«круглой в сечении проволоки с желобчатыми, заходящими друг за друга концами»*. В ногах стоял лепной баночный сосуд с вертикальными стенками. Еще два миниатюрных баночных сосудика обнаружены около колен. Возле рук лежали *«две фаланговые кости коровы»*, между ногами и ЮВ стенкой могилы *«находились фаланговые кости коровы (10 штук) и альчики овцы (25 штук)»*. На рисунке погребения 1/1 не менее шести фаланг своими размерами и очертаниями более соответствуют первой конской фаланге [Синицын И.В., 1966. С. 24-25].

Спиридоновка IV, курган 2, погребение 2 (срубное), в прямоугольной могиле размерами 1,2 X 0,95 м, глубиной 1,67 м от нулевой отметки, ориентированной с ЮВ на СЗ. На дне расчищен скелет человека, погребенного на левом боку, в среднескорченной позе, головой к СЗ. *«К юго-западу от костяка лежали фаланги лошади»*. Судя по статистическим данным таблицы 1, путовые кости помещались за спиной погребенного. К сожалению, не указано точное количество фаланг [Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 1999. С. 216-217].

Лузановка, курган 8, погребение 5 (срубное), устроено в ЮЗ секторе подкурганного пространства, в овальной могиле размерами 1,22 X 0,86 м и глубиной 0,07 м в материке, ориентированной с ЮЗ на СВ. На дне расчищен скелет ребенка, погребенного на левом боку, в скорченной позе адорации, головой к СВ. В головах стоял лепной неорнаментированный сосуд баночной формы с примесью шамота. Перед лицом лежали *«несколько костей животного»* [Васильев И.Б., 1977. С. 19, 38, рис. 9, 5]. Су-

дя по рисунку погребения, кости животного – это две первые и две вторые фаланги лошади.

Курган 15, погребение 10 (срубное), устроено в восточной половине подкурганного пространства, в подквадратной яме размерами 1,5 X 1,5 м и глубиной 0,2 м в материке. Могила ориентирована по сторонам света. На дне расчищены скелеты двух подростков, погребенных на левом боку, в скорченной позе адорации, головами к северу. При умерших найдены четыре сосуда и 9 «астрагалов разных размеров, от маленьких до крупных» [там же. С. 32-33, рис. 16, 8]. Судя по рисунку № 16, возле головы подростка более старшего возраста могли размещаться путовые кости лошади.

Мурзихинский II (грунтовый могильник), погребение 83 (позднесрубное, с черкаскульскими элементами) зафиксировано в надматериковом слое, на глубине 0,4 м. Здесь расчищены остатки скелета ребенка, погребенного скорченно на левом боку, головой к СВ. Перед лицом стоял лепной сосуд без орнамента, с примесью шамота. За головой лежала «фаланга лошади» [Марков В.Н., Чижевский А.А., 2003. С. 125-133].

Мирный-3, курган 4, погребение 15 (срубное). В прямоугольной яме расчищен скелет ребенка, погребенного в левобочной скорченности по принципу адорации, головой к СВ. В северо-восточном углу могилы стоял лепной сосуд, за спиной умершего, вдоль западной стенки цепочкой разложены 7 первых и столько же вторых фаланг лошади.¹⁴

Картографирование погребальных памятников с путовыми костями лошади показало довольно обширную дисперсию интересующего нас признака в пространстве степи-лесостепи юго-восточной Европы. В ходе анализа были проверены многие,¹⁵ известные по публикациям, курганные и грунтовые могильники эпохи бронзы (ямной, катакомбной, криволукской,

¹⁴ Сводный отчет об археологических исследованиях в зоне строительства газопровода «Починки-Фролово-Изобильное-Северо-Ставропольское ПХГ». Электронный архив УНАЛ СГУ.

¹⁵ Выборка составила примерно 60-70% от общего массива опубликованных погребений указанных культур.

абашевской, покровской, потаповской, синташтинской, петровской, срубной, алакульской культур). Учтены все погребения, содержавшие в качестве сопроводительного инвентаря, от одной и более путовые кости.

Основные итоги пространственного анализа:

- погребальные комплексы с указанным признаком локализуются на территории, протянувшейся с юго-запада на северо-восток от Среднего Подонья и Цимлянского водохранилища, через волгоградское, саратовское, самарское Поволжье, до устья Камы;

- наиболее плотная концентрация погребений с лошадиными «бабками» наблюдается на территории Саратовской и севере Волгоградской областей;

- указанный признак отсутствует в таежно-лесной зоне, на севере лесостепи, в зонах полупустынь и пустынь Северного Прикаспия, а также в Приуралье;

- основная локализация погребений бронзового века с путовыми костями совпадает с территорией распространения стоянок, поселений и могильников культур позднего неолита (орловская) и энеолита (самарско-прикаспийская, хвалынская, алтатинская, репинская), на которых встречены орнаментированные и антропоморфные фигурки, изготовленные на путовых костях лошади (Варфоломеевка, Алтата, Хлопков Бугор).

Установлено, что традиция специального использования путовых костей в качестве сопроводительного инвентаря бытовала на протяжении ограниченного отрезка исторического времени, а именно в позднем бронзовом веке. Она начинает зарождаться в период развития посткатакомбных и постшнуровых культур и доживает до начала финальной бронзы (приблизительно между XVIII и XIII вв. до н.э.), или существовала около 500 лет.

Погребений с путовыми костями нет в материалах ямной, всех катакомбных, средневожской и приуральской абашевских, потаповской, синташтинской, петровской и алакульской культур.

В материалах посткатакомбного образования – криволукского культурного типа отмечен единственный случай (Смеловский грунтовый могильник, подбойное погребение 12, безынвентарное, с одним экземпляром путовой кости).

В массиве абашевских памятников Подонья зафиксировано лишь одно погребение (Петропавловский грунтовый могильник, погребение 3 с колоколовидным горшком, миниатюрным реберчатым сосудиком, альчи-ками и двумя «бабками»¹⁶).

В покровских захоронениях комплексы с путовыми костями редки, и все они сосредоточены в узкой полосе Заволжья (погребение 78 Смеловского могильника, пп. 3 и 4 из кургана у пос. Советское, п. 31 из кургана 4 в Политотдельском), причем, это исключительно детские погребения.

Наибольшее число погребений с указанным признаком зафиксировано в материалах срубной археологической культуры. Чаще «бабки» присутствуют в детских могилах, изредка во взрослых. По сравнению с ранними и развитыми комплексами (Смеловка, Кулатка, Мирный-3, Острая Могила, Золотая Гора, Первомайский VIII, Авиловский, Неткачево, Макаровка, Черебаево, Ровное, Иловатка, Волчанка, Спиридоновка IV, Лузановка), в позднерубных захоронениях (Чапаевка, Светлое Озеро, Мурзинский II) они редки.

Для удобства анализа вся выборка (33 комплекса) была занесена в таблицу (табл. 1), в которой учтены статистические данные по названию памятников, номерам погребений, ориентировке умерших, возрасту и по-

¹⁶ Существенно, что это позднеабашевское захоронение является левобочным, ориентированным на СВ, что сближает его с покровскими показателями погребальной обрядности.

лу, соотношению с основными погребениями, количеству и расположению погребенных костей относительно умерших, прочему сопроводительному инвентарю и культурно-хронологическим определениям анализируемых захоронений. Комплексы размещены в таблице в следующей диахронической последовательности: криволукское, позднеабашевское, покровские, позднепокровские, раннесрубные, срубные развитого типа, позднесрубные. Основанием для уточненных интерпретаций служили особенности погребальной обрядности, характеристики инвентаря и, прежде всего, керамического материала.

Таблица 1

№ п/п, памятник	№ кург/погр	Ориентир.	Возраст	Основное погр.	Кол-во и полож. «бабок»	Прочий инвентарь	Культ. определен.
1. Смеловка	-/12	С	Муж (40-50 л.)	?	1 у головы	-	Криволукское
2. Петропавловка	-/3	СВ	Взрослое	?	2 за спиной	2 сосуда, альчики МРС, клык хищника	позднеабашевское
3. Советское	1/3	ССВ	Подросток (ж-?)	Криволукское	3 у лица	2 сосуда, паст. бусы, створка Упю	Покровское, с вольскими чертами
4. Советское	1/4	СВ	Подросток (8 л., ж-?)	Криволукское	3 у лица	2 сосуда, паст. и сурьм. бусы, бронз. жел. браслет	Покровское с вольскими чертами
5. Политотдельское	4/31	С	Детское	Криволукское	1 у лица	1 сосуд	Позднепокровское
6. Смеловка	-/78	С	Подросток (ж-?)	?	2 у груди	1 сосуд, 2 жел. подвески, 2 вторые фаланги лош.	Позднепокровское
7. Иловатка	2/4	С	Детское	Покровское	2 у головы	1 сосуд, кость птицы	Раннесрубное
8. Иловатка	4/3	С	Детское	Покровское	1 у груди	1 сосуд	Раннесрубное
9. Смеловка	-/15	ССВ	Детское (6-7 л.)	?	2 у колен	1 сосуд	Раннесрубное
10. Смеловка	-/25	ЮЮВ	Детское (6 л.)	?	1 у груди	1 костяная бусина	Раннесрубное
11. Смеловка	-/90	С	Детское (7-8 л.)	Криволукское	2 у груди	1 сосуд, 2 вторые фаланги лош.	Раннесрубное
12. Смеловка	-/109	ССВ	Детское (3-4 л.)	Криволукское	1 у груди	1 сосуд	Раннесрубное
13. Первомайский IV	8/1	С	Взрослое	Криволукское	6 у колен и локтей	1 сосуд	Раннесрубное
14. Золотая	6/5	СВ	Взрослое	Поздне-	3 у головы	2 сосуда	Ранне-

Гора				покров- ское			срубное
15. Острая Могила	1/1	СВ	Взрослое	?	3 у живота	3 сосуда	Ранне-срубное, основное
16. Авиловский	5/6	СВ	Детское (8-9 л.)	Ранне-срубное с криволюк. чертами	6 у лица	2 сосуда	Ранне-срубное, с криволюкскими чертами
17. Черebaево	2/2	СВ	Подросток	Ранне-срубное	2 у лица	1 сосуд	Срубное (развит.)
18. Смеловка	-/98	СВ	Подросток (10-12 л.)	Криволюкское	1 у груди	2 сосуда	Срубное (развит.)
19. Кулатка	1/3	СВ	Детское	Срубное	1 (?)	2 сосуда	Срубное (развит.)
20. Кулатка	1/7	СВ	Подросток (ж-?)	Срубное	12 у ног	3 сосуда, паст. и сурьм. бусы	Срубное (развит.)
21. Кулатка	1/8	СВ	Взрослое (ж-?)	-	4 у ног	1 сосуд, 1 бронз. жел. браслет	Срубное (развит.), основное
22. Неткачево	13/5	СВ	Детское (1,5 л.)	Ранне-срубное	1 у лица	1 сосуд, тризна (череп и ноги МРС)	Срубное (развит.)
23. Макаровка (Merkel)	G1/4	ССВ	Детское	Срубное (кремация)	1 у груди	2 сосуда	Срубное (развит.)
24. Волчанка	3/15	СВ	Взрослое, парное	-	+ в норе (кол-во не указ.)	1 сосуд	Срубное (развит.)
25. Волчанка	4/1	СВ	Детское	Ранне-срубное	+ у ног (кол-во не указ.)	2 сосуда	Срубное (развит.)
26. Ровное	1/1	СВ	Подросток (ж-?)	Криволюкское	6 (?) у ног	3 сосуда, бронз. браслет овального сечения	Срубное (развит.)
27. Спиридоновка IV	2/2	СЗ	Взрослое	?	+ за спиной (кол-во не указ.)	-	Срубное (развит.)
28. Лузановка	8/5	СВ	Детское	?	2 у лица	1 сосуд, 2 вторые фаланги лош.	Срубное (развит.)
29. Лузановка	15/10	С	Подростковое, парное	?	+ у головы (кол-во не указ.)	4 сосуда, альчики МРС	Срубное (развитое)
30. Мирный-3	4/15	СВ	Детское	?	7 за спиной	1 сосуд, 7 вторых фаланг лош.	Срубное (развит.)
31. Светлое Озеро	11/1	ССЗ	Подросток	-	2 у груди (?)	1 сосуд	Поздне срубное, основное
32. Чапаевка	2/1	С	Детское	Ямное	2 у затылка	2 сосуда	Поздне срубное, основное
33. Мурзи-	-/83	СВ	Детское	-	1 у затылка	1 сосуд	Поздне

хинский IV							срубное, с черкаскоульскими чертами
------------	--	--	--	--	--	--	-------------------------------------

Основными диагностирующими признаками для выборки является наличие путовых костей, а процентное соотношение этих признаков и культурно-хронологические особенности погребений, послужили основанием для дифференциации всего массива на 4 фазы по принципу формирования обрядового признака, нарастания и наивысшего подъема в рамках активного действия обряда, а также его последующего угасания. Представляется небезынтересным рассмотреть характеристики общего обряда и сопровождающего инвентаря, соответствующие каждой фазе, а также принципы привязки этих явных подхоронений к основным, центральным комплексам в курганах.

На *фазе становления обрядового признака (криволукско-абашевско-покровской)* зафиксированы 6 комплексов, которые заметно различаются по культурно-генетическим показателям, общим характеристикам обряда, инвентарю (табл. 1, 1-6). Сюда вошли, например, 1 (3,03%) безынвентарное криволукское погребение в подбойной могиле, 1 (3,03%) позднеабашевское¹⁷ с характерной керамикой; 2 покровских захоронения с вольскими чертами в керамике и 2 позднепокровских погребения (совокупный покровский показатель 12,12%), которые получили такие определения в связи с особенностями керамики и височных подвесок.

Здесь наиболее диагностичен комплекс погребения 78 из Смеловки, который вошел в особую позднепокровскую обрядовую группу (2стандарт 2ОГ) [Лопатин В.А., 2008-А. С. 415-420]. Для второго стандарта второй

¹⁷ В авторской трактовке В.И. Погорелова это погребение из Петропавловки представлено как раннеабашевское. Вместе с тем, левобочная скорченность и северо-восточная ориентировка умершего позволяют корректировать позиции данного комплекса в сторону омоложения и синхронизации с памятниками покровского типа.

(покровской) обрядовой группы Смеловки характерны сосуды, украшенные горизонтальными рядами штампа и подтреугольными оттисками, что рассматривается как устойчивый типообразующий признак [Лопатин В.А., 2000. С. 48-58, рис. 1, 2]. Бронзовые желобчатые подвески округло-овальной формы типа У-11 Н.М. Малов относит к позднепокровскому времени с переходом в раннесрубный материальный комплекс [Лопатин В.А., 1992. С. 32]. Процентное содержание путовых костей, как предметов обрядового признака, по криволукскому комплексу составило 1,23%, по позднеабашевскому 2,46%, по покровским 11,1%.

Мы видим, что обрядовый признак, соответствующий культу предков, на рубеже средней и поздней бронзы только еще начинает формироваться в сакральных комплексах постшнуровых и посткатакомбных культур (абашевская и криволукская). Заметное нарастание действия этого признака наблюдается в материалах покровского культурного типа, в самом начале эпохи поздней бронзы, когда имели место процессы его активного взаимодействия со степным криволукским комплексом. Материалы Смеловского грунтового могильника показали особое, престижное положение криволукских могил по отношению к покровским подхоронениям [Лопатин В.А., 2008-А. С. 419]. Данная ситуация подтверждается показателями нашей первой фазы. В наиболее ранних погребениях, вошедших в рабочую выборку явно выражен акцент привязки к основным криволукским захоронениям (Смеловка, Советское).

На *фазе-А активного действия обрядового признака (раннесрубной)* зафиксированы 10 комплексов (30,3%), которые, в отличие от предыдущей группы, монокультурны и, в целом, выглядят канонизированными в показателях обряда и сопроводительного инвентаря (табл. 1, 7-16). Здесь только 3 взрослых погребения (Первомайский, Золотая Гора, Острая Могила), остальные дети, все умершие ориентированы на С-СВ, и только один

(Смеловка) – на ЮЮВ. Каноничность обряда подчеркнута стандартизацией в наборах погребального инвентаря (от одного до трех сосудов). Керамика имеет в целом ранний облик по форме, орнаменту и технологии (нередко отмечается примесь толченой раковины). Кроме посуды, отмечена только одна костяная бусина (Смеловка). В раннесрубных комплексах содержится внушительная выборка предметов обрядового признака (33,3%).

Несколько изменяется акцент привязки комплексов этой группы к основным могилам, где, наряду с криволукскими (Смеловка), фигурируют покровские (Иловатка, Золотая Гора) и раннесрубное с криволукскими чертами (Авиловский). Из этого следует, что историческая память ранних срубников ориентирована исключительно на пантеон ближних предков (родители и пращуры двух-трех предшествующих поколений).

На *фазе Б активного действия обрядового признака (срубной развитой)* зафиксированы 14 комплексов (42,42%), которые гармонично продолжают и усиливают традицию, устоявшуюся в раннесрубное время (табл. 1, 17-30). Здесь также трое взрослых (Кулатка, Волчанка, Спиридоновка), остальные дети и подростки, подавляющее преимущество СВ ориентировки умерших и только два отклонения от этого канона (Спиридоновка – СЗ и Лузановка – С). В керамическом комплексе этой группы преобладают простые банки, лишь изредка встречаются слабопрофилированные формы. В примеси сосудов отмечены только песок и шамот. Прочие категории инвентаря также немногочисленны. Отмечены лишь два бронзовых браслета и бусы из фаянса и сурьмы. Наш экземпляр браслета из Кулатки относится к типу У-2 (дуговидно-желобчатый из узкой пластины), аналогии которому (по Н.М. Малову) имеются в абашевских, покровских, петровско-алакульских комплексах украшений, но наиболее характерны такие браслеты для погребений срубной культуры развитого этапа [Малов Н.М., 1992. С. 25]. В это время они сосуществуют с другими типами, на-

пример коваными из овального в сечении дрота, как наш второй экземпляр из Ровного. Конструктивно такие браслеты ближе типу У-6, прутковым с полукруглым сечением [там же. С. 27-28]. В развитых комплексах присутствует наибольшее количество предметов обрядового признака (45,7%).

В качестве основных, по отношению к комплексам развитой срубной группы, по-прежнему выступают криволукские захоронения (Смеловка, Ровное), раннесрубные (Черebaево, Неткачево, Волчанка) и срубные развитые (Кулатка, Макаровка), покровские погребения, как основные, уже не фигурируют. Здесь мы наблюдаем сочетание в отправлении предкового культа адресатов как ближних, так и дальних пращуров. Наиболее близкие – комплексы срубные развитые и раннесрубные (одно-два поколения), дальние – криволукские могилы (очевидно, не менее пяти поколений).

На *фазе угасания обрядового признака (позднесрубной)* зафиксированы всего 3 комплекса (9,09%), в которых наблюдается заметная культурная трансформация, вероятно связанная с общеисторическими изменениями этнокультурного фона и активными контактами срубного населения с восточными (федоровскими и черкаскульскими) группами (табл. 1, 31-33). Это исключительно детские погребения с СВ, СЗ и С ориентировками, левобочной и правобочной скорченностью, с керамикой, в которой доминируют срубные, но также улавливаются черкаскульские и сусканские элементы. Они содержат 6,2% предметов обрядового признака.

Достоверно установлена только одна основная могила, к которой было совершено детское подхоронение из поздней группы (Чапаевка). Основной комплекс относится к ямной культуре эпохи ранней бронзы, и данный факт можно расценивать как утрату культом предков своих основополагающих позиций в идеологии. Очевидно, предтеистический комплекс в это время развивается уже по линии становления культа племенных богов, следующего за предковой фазой. Курган – место погребения мифического

(обезличенного) предка, рассматривается теперь как пункт перехода в по-
тусторонний мир богов (очень дальних предков).

В представленном анализе рабочую выборку составили 33 погребальных комплекса, которые содержали в общей сложности 81 экземпляр путовых костей лошади. На графике, отражающем процесс становления, нарастания, активного действия и угасания обряда (табл. 2), хорошо заметно, что %-показатели по погребениям и объемам предметов обрядового признака синхронны в своей динамике. Показательно, что на криволукской и позднеабашевской стадиях проявления обряда единичны, на ранней и развитой срубных стадиях они максимальны, а на позднесрубной наблюдается резкий спад.

Таблица 2

Фаза %	Становление	Становление	Нарастающее становление	Активное действие А	Активное действие Б	Угасание
К-ра	Криволукская	Позднеабаш.	Покровская	Раннесрубная	Срубная (разв.)	Позднесрубн.
50					42,42 (45,7)	
40				30,3 (33,3)		
30						
20			12,12 (11,1)			
10	3,03 (1,23)	3,03 (2,46)				9,09 (6,2)

По расположению лошадиных «бабок» в могилах относительно умершего (установлено 31 достоверное положение) можно обобщить 5 основных позиций с соответствующим процентным содержанием, то есть выяснить, где чаще всего укладывали предметы обрядового признака. У головы (затылка) зафиксированы 19,4% от всего количества; за спиной – 9,6%; у лица – 22,6%; у груди (живота) – 29%; у ног (колен) – 19,4%.

Немаловажно также уточнить, в каких местах укладывали наибольшее количество путовых костей. Беспрецедентные варианты из Ровного и Кулатки, где большие наборы фаланг размещались в ногах погребенных, выводят эту позицию на первое место по процентному содержанию от об-

щего количества артефактов. Здесь выявлено следующее соотношение: в равном содержании по 11,25% положения у головы и за спиной; 22,5% – у лица; 17,5% – у груди; 37,5% – у ног. Вместе с тем, положение «перед погребенным», то есть «у лица» и «у груди», где чаще всего в могилах расположены предметы погребального инвентаря, остается наиболее каноничным и чаще встречаемым (40%).

Наиболее часто в одном погребении находятся по 1 и 2 экземплярам путовых костей, соответственно 10 и 9 случаев. На их фоне прочие содержания представляются нетипичными: 3 экземпляра – 4 случая; только один раз зафиксированы 4 «бабки»; 3 раза – по 6 экземпляров; однажды – 7 и также один раз 12 экземпляров путовых костей в одной могиле.

Чаще всего «бабки» встречаются в погребениях в комплексах с прочими предметами инвентаря, правда, это весьма скромные наборы, где преимущество за глиняной посудой, и только иногда (21,2%) отмечены украшения – пастовые и сурьмяные бусы, подвески, браслеты, однажды тризна в виде костей МРС (3,03%), изредка игральные альчики (6,06%). В четырех случаях (12,12%) путовые кости (первые фаланги) сопровождалась вторыми конскими фалангами, причем в равных количественных соотношениях. И только в двух случаях «бабки» представляли в могилах единственную категорию инвентаря (6,06%).

Весьма принципиальны данные по возрастному составу умерших, которые отмечены интересующим нас признаком, правда, далеко не все комплексы имеют точные половозрастные определения, поэтому возможно оперировать только такими когортами, как дети, подростки и взрослые без различения более дробных возрастных таксонов. Количественный анализ показал, что наиболее часты находки путовых костей в детской когорте (48,48%). Вместе с показателями в когорте подростков (27,27%), когда на стадии взросления данный признак не столь значим, преобладание юных

когорт становится явно подавляющим (75,75%). И только 24,24% погребений в нашей выборке являются взрослыми.

На основании первых наблюдений можно сделать следующие выводы. Погребения с первыми конскими фалангами («бабками», путовыми костями) представляют собой довольно малочисленную обрядовую группу, инкорпорированную в массиве срубной археологической культуры и акцентированную в предковые культуры. Она характеризуется стандартными обрядовыми показателями: подкуранные или грунтовые погребения; овальные, прямоугольные, квадратные, лишь однажды подбойная, могилы; позы левобочной, реже правобочной адорации; преимущественно С, СВ, реже СЗ и ЮВ ориентировки умерших). Среди предметов инвентаря чаще всего присутствуют глиняные сосуды (от 1 до 4), реже пастовые и сурьмяные, однажды костяная, бусины, бронзовые подвески и браслеты, изредка альчики МРС, тризны. Все указанные комплексы объединяются одним признаком, наличием специфической категории инвентаря – путовыми костями лошади (от 1 до 12 экземпляров в одной могиле).

Представляется, что наиболее типичным, выдержанным в обрядовом отношении вариантом является детское погребение, где присутствуют 1-2 конские «бабки», поставленные проксимальными поверхностями на дно могилы, около глиняного горшка, перед умершим. Данная ситуация наиболее полно должна соответствовать парадигме ритуального действия, связанного с культом предков, в котором особая ролевая функция принадлежала детям, а конские фаланги символизировали образы уже умерших родителей или более дальних пращуров. Отчасти данный обряд перекликается с погребальным принципом трансферной коммуникации, где также особое значение имели умершие дети [Лопатин В.А., 2008. С. 419].

Выделение этой символики в погребальной обрядности (в редчайших, единичных случаях) наблюдается на рубеже эпох средней и поздней

бронзы, наивысшего подъема достигает в ходе развития идеологии срубных племен, а к финалу бронзы начинает постепенно угасать. Данная обрядность, адресованная умершим пращурам, безусловно, пребывала в определенной динамике и была подвержена культурно-идеологической изменчивости. Блоки комплексов с путовыми костями, соответствующие тому или иному хроносрезу, стратиграфически индивидуально ориентированы на конкретные культовые центры подкурганых пространств или родовых участков грунтовых кладбищ, где сосредоточены захоронения их предшественников. За редким исключением культурно-хронологическая принадлежность пращуров вполне определима. В данном контексте наиболее интересно, насколько ближними или дальними предками они приходятся умершим, которые заняты в ритуале с «бабками». В некоторой степени это отражает уровень развития предтеистического культа, и мы видим, что в период активного действия обрядового признака особое внимание уделяется почитанию ближних предков, а с течением времени акцент смещается вглубь исторической памяти, к более дальним предковым комплексам, которые постепенно вступают в фазу обожествления.

С утратой значимости культа предков и соответствующей ему символики, конские фаланги, напоминающие сидячие человеческие фигурки, постепенно переходят в утилитарный пласт и становятся атрибутами детской повседневности, элементами игровых комплектов. Наиболее поздние пласты детской культуры содержали данные элементы вплоть до середины XX столетия и вероятно до сих пор активны в этнографических реликтах.

Однако в этимологии термина «бабка» содержится глубокий семантический смысл, который указывает на древнейшее происхождение символа, облеченного в конкретный предмет. В ретроспективном анализе проглядывается дискретный алгоритм, в котором детским игрушкам, называемым «бабками», предшествуют символы срубной похоронной обрядности,

связанные с культом предков, а далее в глубь веков следуют орнаментированные и антропоморфизированные конские фаланги Варфоломеевки, Ботая, Ракушечного Яра, Алтаты, символизировавшие высшие женские божества нео-энеолитической эпохи.

Мы видим, что в Смеловке погребения с путовыми костями лошади, символизирующими образы предков, по своим обрядовым особенностям очень близки группе подхоронений к предковым могилам. В совокупности эти комплексы отчасти представляют идеологию позднепервобытного общества, формирующегося в заволжской степи на примере локального варианта культурогенеза.

ГЛАВА 5.

Демографические особенности Смеловского могильника.

Выявление демографических параметров гипотетических популяций первобытного населения с целью определения его биологического и социально-экономического статуса чрезвычайно актуальный вид исследований, направленный, в конечном итоге, на социо-культурное моделирование первобытных общественных структур. В настоящее время в палеоантропологии широко применяется так называемая система «возрастных пирамид», на основе которых выстраиваются информативные «таблицы дожития», демонстрирующие половозрастную структуру предполагаемых закрытых популяций (скелетный материал монокультурных комплексов). Это создает широкий простор при оперировании социокультурными категориями продолжительности жизни, женской репродуктивности, детской смертности, системы питания, возрастных порогов и пиков смертности.

В данном аспекте весьма интересны результаты палеодемографических исследований, полученных в ближнем к Смеловке регионе, в Волгоградском правобережье, на материалах срубного могильника Неткачево, которые учитывают не только определенные возрастные пороги смертности, но и связывают интервалы продолжительности жизни с бытовыми условиями, системами питания, особенностями женской репродуктивности и прочими социально-экономическими факторами развития позднепервобытного общества [Балабанова М.А., 2006. С. 258-267]. В частности, по

поводу высокой детской смертности приведено оригинальное предположение о влиянии на выживание ребенка от младенческого возраста до 4-5 лет продолжительного грудного вскармливания и спорадического перехода на стрессовую диету. Данные биохимического анализа содержимого сосудов из погребений дают в этом вопросе неоценимую информацию [Борисов А.В. и др., 2006. С. 376-387]. Весьма убедительны также выводы о двух критических интервалах женской продолжительности жизни, связываемых с ранней беременностью при вступлении в репродуктивный период и последними родами по его завершении. Этот показательный эксперимент принимается как вполне приемлемый эталон для аналогичных наблюдений за особенностями палеодемографии в локальном варианте формирования срубной культуры степного Заволжья, представленном в Смеловке.

Палеоантропологическая выборка Смеловского некрополя насчитывает всего 127 скелетов, из которых абсолютное большинство – 76 (59,85%) принадлежало детям, 28 (22,04%) – мужчинам и 23 (18,11%) – женщинам. Предполагается, что в рамках указанной выборки две популяции (первая и вторая обрядовые группы) были синхронны, и в результате их активного взаимодействия формируется третья монолитная популяция (третья обрядовая группа), или, другими словами, контакты криволукской и покровской культурных групп привели к возникновению срубной культурной группы. Естественно, дальнейший анализ демографических особенностей Смеловки должен проводиться в соответствии с причастностью материала к той или иной обрядовой группе, при последующем сравнении полученных результатов.

Из 13 представителей 1 ОГ (криволукская) 8 (61,55%) – мужчины, 4 (30,76%) – женщины и только 1 (7,69%) – ребенок. Среди 25 представителей 2 ОГ (покровская) 1 (4%) – мужчина, 3 (12%) – женщины, 21 (84%) –

дети. В самой многочисленной 3 ОГ (срубная) 19 (21,34%) – мужчины, 16 (17,97%) – женщины, 54 (60,69%) – дети (таблица 3).

Таблица 3

Половозр. состав	1 ОГ	2 ОГ	3 ОГ
Мужчины (%)	8 (61,55)	1 (4)	19 (21,34)
Женщины (%)	4 (30,76)	3 (12)	16 (17,97)
Дети (%)	1 (7,69)	21 (84)	54 (60,69)
Всего:	13 (100)	25 (100)	89 (100)

Явная межгрупповая несопоставимость процентного содержания половозрастных показателей хорошо заметна на графике, где кривые второй и третьей обрядовых групп (покровская и срубная) выдержаны примерно в одинаковых пропорциях, но ярким антиподом заметно выбивается линия первой (криволукской) ОГ (рис. *график*). Здесь единичное представительство детской и сравнительно высокое содержание мужской и женской когорт в 1 ОГ, бесспорно, демонстрируют социально выраженную неоднозначность криволукской страты в Смеловском некрополе. Взаимодействующая с ней 2 (покровская) ОГ дает обратный результат: при крайне низком содержании мужских останков – подавляющее большинство детского материала, который в погребальной обрядности очень широко использовался в качестве подхоронений и усиления охранительных функций магических ровиков. Третья обрядовая группа (срубная) представляет стандартную для могильников поздней бронзы ситуацию: примерно равное соотношение мужчин и женщин при подавляющем большинстве детей. Мы определили бы такое соотношение между 1 и 2 обрядовыми группами, а также в их рамках, как резко (или деструктивно) сакрализованное, а ситуацию в 3 ОГ – качественно стабильной (канонизированной).

Возрастные определения детских скелетных останков из 76 археологически зафиксированных комплексов получены только для 44 индивидуумов: 1 в 1 ОГ, 11 во 2 ОГ и 32 в 3 ОГ. Учет данных проведен по условным возрастным интервалам, которые отражены в специальной таблице, позволяющей наглядно представить пики детской смертности (таблица 4).

Таблица 4

Возр. интервалы	1 ОГ	2 ОГ	3 ОГ
Менее 1 года (%)		3 (27,28)	2 (6,25)
1-5 лет (%)		2 (18,18)	10 (31,25)
6-10 лет (%)		6 (54,54)	16 (50)
11-15 лет (%)	1 (100)		4 (12,5)
Всего:	1 (100)	11 (100)	32 (100)

Четыре условных интервала сосредоточены в рамках периода детства, длящегося от момента рождения до 15 лет (завершение раннего взросления):

– 1 интервал – от рождения до 1 года – крайне критический период в жизни ребенка, зависящий от послеродовых осложнений и исключительно грудного вскармливания. Как правило, в литературе отмечается очень высокий процент смертности детей грудного возраста и, вместе с тем, – сложности при фиксации их останков в погребениях, связанные с плохой сохранностью материала. В 1 ОГ Смеловки останки детей первых трех возрастных интервалов отсутствовали. Во 2 ОГ дети грудного возраста составили содержание в 27,28%, а в 3 ОГ – 6,25%;

– 2 интервал – со второго года жизни до 5 лет – период жизни на фоне комплексного вскармливания, в котором все еще значительное место принадлежит грудному режиму, что в целом типично для обществ с раннепроизводящими формами хозяйства [Балабанова М.А., 2006. С. 259]. Счи-

тается, что стрессовая диета (спорадическое употребление взрослой пищи) ослабляла детский организм и могла приводить к различным опасным заболеваниям [Бужилова А.П., 1998. С. 144]. Детская смертность в этом возрасте составила во 2 ОГ 18,18%, а в 3 ОГ – 31,25%;

– 3 интервал – с шестого года жизни до 10 лет – маркирует в Смеловке неожиданно высокую детскую смертность (54,54% во 2 ОГ и 50% в 3 ОГ). Это самый значительный пик, в котором совпадают показатели обеих групп (более половины во второй и ровно половина в третьей), что позволяет предполагать определенную возрастную закономерность, не связанную с системой питания, поскольку по общей статистике в этом возрасте выжившие дети уже адаптированы к взрослой диете (по биохимии содержимого горшков – мясной бульон и каша) [Балабанова М.А., 2006. С. 259]. Представляется, что данный пик смертности в Смеловке имеет сакрально опосредованный характер;

– 4 интервал – с одиннадцатого года жизни до 15 лет – ранний этап взросления, который, в целом, демонстрирует стабильность и устойчивую выживаемость подростков, постепенно переходящих в следующую возрастную страту. Здесь фиксируется единственное погребение 1 ОГ с признаками социальной престижности, а также 4 комплекса 3 ОГ (12,5%). Скелетных останков подростков из 2 ОГ в данном интервале нет. Скорее всего, здесь мы имеем дело с инверсией предыдущего интервала, или издержками опережающего взросления – слишком ранним вступлением юных женщин в репродуктивную фазу.

Эта ситуация, отмеченная во многих могильниках срубной культуры, очень ярко иллюстрируется смеловским материалом третьей обрядовой группы, где женская смертность в интервале между 15 и 19 годами составила 62,5% (таблица 5).

Таблица 5

Возр. интервалы	1 ОГ	2 ОГ	3 ОГ
15-19 лет (%)			10 (62,5)
20-34 лет (%)		2 (66,66)	3 (18,75)
35-39 лет (%)	1 (25)	1 (33,34)	2 (12,5)
Более 40 лет (%)	3 (75)		1 (6,25)
Всего:	4 (100)	3 (100)	16 (100)

Второй пик женской смертности между 35 и 39 годами (по М.А. Балабановой) в Смеловской 3 ОГ выглядит относительно стабильным периодом (всего 12,5%). Лишь одна женщина умерла после 40 лет, и, таким образом, интервал дожития в Смеловке представляется совершенно несоответствующим основной статистике по Нижнему Поволжью. Здесь чрезвычайно высок процент ранней женской смертности между 15 и 35 годами. Исходя из средней динамики первобытной репродуктивности (2 беременности за 3 года) каждая женщина за 20 лет могла произвести на свет от 10 до 12 детей, из которых вряд ли выживали более 1/3. Частые роды и перманентное грудное вскармливание катастрофически истощали женский организм, приводя к хроническим заболеваниям и раннему старению. Причем, в данной системе репродуктивности ошутимо уязвимы были как женская группа, так и детская младшая когорта, когда в целях повторного зачатия женщина прерывала грудное кормление младенца, переводя его на стрессовый режим питания, вероятно, уже в начале второго года жизни.

Данные по 1 и 2 обрядовым группам вновь подтверждают сакрализованность этих культууроформирующих компонентов. В первой ОГ мы наблюдаем полное отсутствие ранней смертности, практически все женщины здесь ушли из жизни в интервале дожития, после 40 лет. Во второй ОГ женская смертность проявлена так же нестандартно, в основном между

20 и 35 годами. Вряд ли демографическая ситуация на ранней стадии формирования некрополя чем то отличалась от его поздней (срубной) фазы. Скорее всего, криволукская и покровская группы параллельно практиковали другой, вероятно, подкурванный тип погребальной обрядности, чем и объясняется нестандартная позиция их демографических показателей в Смеловке.

Это подтверждается также данными по мужской когорте (*таблица б*). Статистика возрастных пирамид в мужских группах обычно фиксирует прямую зависимость смертности от возраста, то есть естественные процессы выбывания мужского населения в срубной культуре эпохи поздней бронзы [там же]. В Смеловке эта «срубная» статистика в целом подтверждается преобладанием поздних смертей в интервале между 46 и 55 годами (42,1%). В совокупности с предыдущим интервалом (между 36 и 45 годами – 26,33%) этот перевес становится подавляющим. В более ранние периоды (с 15 до 35 лет) жизнь мужчин стабильна и относительно благополучна (всего 31,57% смертей).

Таблица 6

Возр. интервалы	1 ОГ	2 ОГ	3 ОГ
15-25 лет (%)	2 (25)		4 (21,05)
26-35 лет (%)		1 (100)	2 (10,52)
36-45 лет (%)	2 (25)		5 (26,33)
46-55 лет (%)	3 (37,5)		8 (42,1)
56,65 лет (%)	1 (12,5)		
Всего:	8 (100)	1 (100)	19 (100)

Нестандартность особенно ярко проявилась во 2 ОГ, где зафиксирован единственный мужской скелет в интервале между 26 и 35 годами, и это, видимо, означает, что мужчин-покровцев хоронили, как правило, в

курганах. Несколько иная картина в 1 ОГ, где мужская выборка относительно представительна (8 скелетов). Здесь необычно продолжителен (с 46 до 65 лет) период дожития с 50% смертности. Остальные смерти поровну распределились в первом (15-25 лет) и третьем (36-45 лет) условных интервалах. Мужчины криволукской группы, достигшие преклонного возраста, вместе с такими же, весьма возрастными, женщинами, окружались при погребении престижной обрядностью, разграничивая первичное сакральное пространство некрополя и занимая центры родовых участков.

Высокая детская смертность выглядит в погребальной обрядности Смеловки несколько искусственной. Внедрениями детских могил активно усиливаются охранительные функции магических кругов, которые в виде ровиков окружают пространства родовых участков, они составляют многочисленные свиты взрослых и особенно престижных захоронений, относительно которых иногда выступают в качестве прямых подхоронений. Искусственность детской смертности выражается в ее явной обрядовой востребованности.

Данных по палеодемографии известных в Поволжье грунтовых могильников эпохи поздней бронзы немного. Достаточно отметить, что, кроме Смеловского некрополя, половозрастные определения скелетного материала были проведены только по массиву Съезженского-II могильника, исследованного в Среднем Поволжье [Колев Ю.И., Седова М.С., 1987; Колев Ю.И., 2003. С. 88-111]. Возрастные группы других памятников: Калач [Тихонов В.В., 1996. С. 37-52; он же, 2003. С. 3-8], Генеральское, Новопривольное, Алексашкино, Крутоярровка [Памятники срубной..., 1993. С. 64-66, 124, 158], Екатерининский [Зудина В.Н., Крамарев А.И., 1993. С. 128-146] определены визуально и очень приблизительно, на уровне «взрослое / детское», статистики по полу в этой группе комплексов нет. В целом, здесь

наблюдается традиционное преобладание детских когорт (к примеру, в Екатерининском могильнике 80%, на Калаче – 71%, в Съезжем – 74%).

Общая палеодемографическая ситуация на памятниках эпохи поздней бронзы лесостепного Среднего Поволжья соответствует данным, наблюдаемым в степной зоне. Здесь фиксируется высокий процент детской смертности на первом этапе жизни и снижение этого показателя к подростковому возрасту. Между 18 и 30 годами смертность вновь возрастает, и вновь снижается к порогу зрелости, а затем нарастает в период естественного выбывания по старости. Повышенная женская смертность приходится на период раннего вступления в репродуктивные процессы между 16 и 36 годами, что идентично ситуации в Смеловке. Точно так же, как и в Нижнем Поволжье, мужчины лесостепных срубных популяций жили дольше женщин (в среднем до 40 и более лет) и составляли наиболее благополучную, по продолжительности жизни, когорту [Хохлов А.А., 2003. С. 118-121].

Как мы видим, данной палеодемографической универсалии в Смеловке относительно близки только показатели стабильной в обрядовом отношении третьей (срубной) ОГ, а первая (криволукская) и вторая (покровская), взаимодействующие на раннем этапе формирования некрополя, демонстрируют заметно искаженные параметры. Из этого, очевидно, следует, что основатели грунтового некрополя в Смеловке придерживались преимущественно подкурганного обряда захоронения. Грунтовые могильники, которые соответствовали местам проживания оседлого населения (комплекты памятников), создавались определенными социально выраженными стратами рядовых общинников. Учитывая пришлый характер покровского компонента, его заметно более ярко выраженную ориентированность на подвижный образ жизни и подкурганную обрядность погребения, мы можем предположить, что автохтонами в процессе миксации вы-

ступали именно носители степного позднекриволукского типа, во многих чертах уже заложившие культуuroобразующие элементы заволжского варианта будущей срубной мегакультуры.

ГЛАВА 6.

Микромодель культурогенеза.

Практически все авторы, в той или иной степени затрагивавшие вопросы соотношения посткатакомбных и так называемых «колесничных культур», отмечали в своих исследованиях стратиграфические факты предшествования покровским захоронениям в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье синхронных криволукских, позднелоллинских и бабинских комплексов [Мимоход Р.А., 2004. С. 112; Литвиненко Р.А., 2004. С. 105]. Предполагалось также непосредственное соприкосновение финальнокатакомбных (поздняя среднедонская) и посткатакомбных культурных групп с воинственными «покровцами» в результате активной южной экспансии последних и, как следствие, – исчезновение «криволукских (поздних волго-донских) племен» [Федосов М.Ю., 2007-А. С. 30; он же, 2007-Б. С. 28].

Между тем, вопрос о возможном взаимодействии покровского и посткатакомбных культурных типов – это часть большой проблемы участия катакомбных традиций в сложении срубной культуры, поставленной в историографии эпохи поздней бронзы еще во второй половине прошлого столетия. Эта проблема обсуждалась как феномен глубокого восточного импульса бабинской культуры многоваликовой керамики в области постшнуровых культур Поволжья, дискутировалась как участие позднекатакомбных культур в формировании донских вариантов срубной культуры [Кача-

лова Н.К., 1977. С. 27; Пятых Г.Г., 1983. С. 111-118]. Обращалось внимание также на довольно представительное присутствие катакомбных черт в материалах раннесрубных памятников Нижнего Поволжья как в инвентаре и погребальной обрядности (отклонения в позах умерших, кенотафы и подбои, топоры, булавы, крюки, ножи), так и на поселениях (реликтовые полтавкинские и катакомбные элементы в массовых керамических сериях) [Малов Н.М., 1982; он же, 1985. С. 225-226; он же, 1986. С. 33; Лопатин В.А., 1989. С. 137-138]. Результатом всестороннего анализа стратиграфии степных курганов и специфики поселений средней и поздней бронзы в Волго-Уральском междуречье, аридных областях Нижнего Поволжья и Волго-Донья тогда стало всеобщее убеждение в многокомпонентном характере и локальном своеобразии культурогенетических процессов, приведших к сложению срубной культурно-исторической общности. Неясными оставались как механизмы микропроцессов, определявших эти локальные особенности, так и непосредственные контакты генетических компонентов, признаки которых фиксировались в материалах поселений и захоронений исключительно в виде остаточных реликтов.

Исследования Смеловского могильника и дальнейшая систематизация его материалов показали высокую значимость этого самого крупного в Поволжье грунтового некрополя эпохи поздней бронзы. Он не богат инвентарем, но высокоинформативен по уникальным особенностям сакральной архитектуры, демографическим показателям и соотношению культурно-генетических компонентов. Эти данные весьма существенны в решении проблем волго-уральского культурогенеза, и материалы нашего памятника представляют один из вариантов такого решения.

Как указывалось выше, в общем массиве (131 погребение) выделяются три обрядовые группы (ОГ), соотношение которых по планиграфии, характеристикам погребальной обрядности и особенностям инвентаря позволяет

строить некий алгоритм локального культурогенеза. Подобного объекта еще не было в материалах эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья. В нем очень удачно совместились именно те признаки, которых не хватало для дешифровки локального и узковременного процесса взаимодействия конкретных генетических компонентов и заметного вырастания компонента производного, что, собственно, и конкретизирует абстракцию культурогенеза. Более того, полученная матрица позволяет по-новому рассматривать все известные погребальные материалы из курганных и грунтовых могильников. Многие ситуации, наблюдаемые в этих некрополях, узнаваемы и могут быть устойчиво адаптированы в различных культурогенетических моделях.

1 ОГ (9,92%) отличается разнообразием погребальных сооружений и деталей их оснащения (овальные, округлые, прямоугольные, с подбоями, со ступенями), ориентировок (С, СВ, В, ЮВ, ЮЗ, З) и поз погребенных, в основном левобочных, с завалом на грудь или спину и неустойчивым положением рук. В погребениях только 2 сосуда, три бронзовые обоймы, есть кости МРС, КРС, лошади, следы огня. Скудный погребальный инвентарь характеризует указанные комплексы как «аскетичные», и это главный типобразующий признак для всей 1 ОГ (рис. 41).

По типам могил ее можно разделить на два основных стандарта: 1) – ямы прямоугольных и овальных форм, с широтными ориентировками умерших (п.п. 24, 38, 67, 111, 112, 128); 2) – подбойные (п.п. 6, 9, 12, 20, 33, 34, 70), ориентированные на С, СВ, реже В, З, ЮЗ. Некоторые из них (п.п. 6, 20, 33, 70) демонстрируют деградацию стандартов, или смешивание признаков. Хронологически синхронные, стандарты 1 ОГ отражают определенную этнокультурную мозаичность. Подчеркнутый аскетизм погребенных, центральные положения на площадках с ровиками, свиты сопроводительных могил, детские подхоронения из 2 и 3 ОГ, расцениваются как от-

ражение особого прижизненного статуса представителей 1 ОГ [Лопатин В.А., 2000. С. 100-101; он же, 2008-А. С. 214-220]. Культурно-хронологические позиции 1 ОГ наиболее близки комплексам *криволукского* культурного типа, выделенного в материалах посткатакомбных захоронений Нижнего Поволжья [Мимоход Р.А., 2004].

2 ОГ (п.п. 18,32%) представлена преимущественно детскими погребениями в простых прямоугольных ямах, планиграфически приуроченными к родовым участкам пращуров из 1 ОГ. Отмечены устойчивые позы адорации и ориентировки в меридиональные сектора, кости МРС, лошади, зольный валик, полукольцом окружающий парное погребение подростков, более представительный инвентарь, где заметны колоколовидные сосуды с абашевскими и синташтинскими признаками (рис. 42). На основании особенностей посуды здесь также выделены два условных стандарта, отчасти фиксирующие процессы развития и трансформации *покровского* культурного типа в степном Заволжье [Малов Н.М., 1989]. Динамика первого стандарта (п.п. 1, 2, 4, 7, 11, 17, 26-28, 31, 32, 37, 41, 43, 54, 56, 65, 66) в рамках группы выглядит как постепенное стирание покровских признаков в керамике (деградация колоколовидности, сглаживание внутреннего ребра, сокращение высоты венчика, исчезновение расчесов на внешней поверхности сосудов и примеси раковины в тесте).

Компактная группа погребений, выделенная во второй стандарт (п.п. 63, 69, 78, 101, 108), вероятно, была оставлена представителями одного родового коллектива. Их отличают сосуды с однотипными орнаментами (горизонтальные линии и треугольные оттиски), генетические корни которых прослеживаются в оригинальной группе позднекатакомбных комплексов степного Приуралья (Болдырево, Медведка), принимавших участие в культурогенезе [Ткачев В.В., 2006. С. 92, рис. 1, 1, 2]. На определенном этапе сосуды с подобной орнаментацией маркируют некоторые покровские па-

мятники в степном Поволжье, а в дальнейшем треугольные оттиски, как элемент декора, закрепляются в арсенале срубной, алакульской, федоровской культур на широкой территории степной и лесостепной Евразии [Лопатин В.А., 2000-Б].

3 ОГ (71,76%) – наиболее многочисленная и внешне однообразная – представляет собой собственно срубный пласт могильника (производный компонент), в котором также наблюдается определенная градация, позволяющая дифференцировать его в виде трех стандартов. Первый и второй ранние стандарты (РС) 3 ОГ демонстрируют наиболее явную преемственность с подстилающими их 1 и 2 ОГ, а общий поздний стандарт 3 ОГ представляется, как результат окончательной нивелировки и культурной стабилизации.

1 РС 3 ОГ (п.п. 10, 14, 15, 35, 39, 42, 49, 55, 73, 79, 82-85, 89, 90-92, 97, 100, 106, 124, 130, 131) характерен устойчивостью форм могильных ям (прямоугольные, овальные, трапециевидные), ориентировок (СВ, С, СЗ), поз левобочной адорации, сравнительно яркими наборами инвентаря (рис. 43). В раннесрубной керамике иногда еще заметны остаточные реликты «покровска» в виде примеси раковины и деградирующих черт колоколовидности в формах сосудов. Общая тенденция развития здесь направлена на небрежное упрощение форм и орнаментации посуды, что окончательно воплотилось уже в комплексе общего позднего стандарта (асимметрия, преимущество банок, лаконичный декор, или его отсутствие).

Сравнивая 2 РС 3 ОГ (п.п. 23, 34/Б, В, Г, 44, 46, 52, 57, 60, 64, 68, 76, 77, 88, 93, 107, 115, 122, 127) с предыдущим, отметим два очевидных различия: 1) –в устройстве могил 2 РС заметны реминисценции некогда сложных подбойных сооружений (рис. 44) в виде подбитых стенок, имитаций обособленных погребальных камер (ступени, заплечики) и дромосов (декоративные тамбуры); 2) –сосуды 2 РС по своей монотонности, просто-

те и слабой орнаментированности уже близки керамике общего позднего стандарта 3 ОГ.

Раннесрубный пласт Смеловки, представленный условными стандартами, явно демонстрирует две взаимодействующие линии формирования локального варианта срубной культуры. Один вектор вырастает из 2 *покровской* ОГ и слагает 1 РС 3 *срубной* ОГ, который характерен относительными пышностью ритуала, и обилием инвентаря. Второй вектор продолжает традицию 1 *криволукской* ОГ, ставшую в рамках 2 РС 3 *срубной* ОГ уже менее аскетичной, но ощутимо более скромную по сравнению с синхронным 1 РС. Межкультурная миксация, начавшаяся в ходе взаимодействия криволукской и покровской групп, на раннесрубной фазе еще не успела стереть генетические различия, проявляющиеся в отдельных деталях. Но уже устойчиво были зафиксированы ведущие культурные признаки: поза смиренного поклонения, обращенность лицом к восходу солнца и типы погребального инвентаря, которые постепенно канонизируются в стандартные наборы, тяготеющие к усредненно-скромным вариантам отправления ритуала.

В полной мере указанная тенденция отразилась в материалах общего позднего стандарта (ОПС) 3 ОГ (п.п. 8, 13, 29, 45, 47, 48, 50, 53, 58, 59, 61, 62, 72, 74, 80, 81, 86, 87, 95, 98, 99, 102-105, 109, 110, 113, 114, 116, 117, 119, 120, 121, 123, 125, 126, 129). В канонизированных признаках погребальной обрядности и инвентаря этой группы мы видим классические черты срубной культуры эпохи поздней бронзы, окончательно сложившейся в своих идеологических и материальных показателях (рис. 45).

Смеловский некрополь опосредованно отражает процесс становления срубной культуры в степном Заволжье. Своеобразие местного локального варианта наиболее рельефно выражается в генетических корнях формирования, где *криволукский* компонент представляется автохтонным, а *покров-*

ский – пришлым, включившимся в динамику культуuroгенеза на рубеже эпох средней и поздней бронзы. По данным радиоуглеродного датирования стык этих генетических компонентов мог произойти не позднее XVII в. до н.э. (по максимально верхним датам криволукского комплекса Паницкое-6, 4/3) [Мимоход Р.А., 2007. С. 38]. В этот же хроносрез (XVIII-XVII в.в. до н.э.) ложится появление наиболее ранних (по C14) покровских захоронений в непосредственной близости от Смеловки, в Терновском могильнике [Малов Н.М., 2003. С. 196]. Характер этого контакта часто представлен в работах исследователей как враждебное противостояние, приведшее к вытеснению посткатакомбных образований из их вмещающего ареала т.н. «колесничными» культурами [Федосов М.Ю., 2007. С. 30; Шарафутдинова Э.С., 1995. С. 93]. Но данные Смеловского могильника показывают, что перипетии культуuroгенеза могли складываться и более конструктивно, создавая жизнеспособные симбиозы.

В планиграфических ситуациях нашего памятника заметно, что комплексы 1 (*криволукской*) ОГ разграничивают первичное сакральное пространство некрополя, занимают престижные центры родовых участков (ровики 1, 3, 4; мавзолеев 1) и только им посвящены обряды трансферной коммуникации (детские подхоронения). Это аномально возрастная группа, где только один подросток, остальные взрослые, причем с высоким показателем дожития. Взаимодействующая с ней 2 (*покровская*) ОГ по демографическим показателям аномальна наоборот (4 взрослых, остальные дети), и эти погребения формируют родовые участки вокруг центральных комплексов «аскетов» из 1 ОГ. *Раннесрубные* погребения 1 и 2 РС 3 ОГ еще придерживаются порядка размещения в пространстве могильника, но традиции магических кругов и мавзолеев быстро трансформируются и деградируют. Захоронения ОПС 3 ОГ уже бессистемно заполняют межмогильные участки, в основном на восточной периферии.

Особенности сакральной архитектуры и погребальной обрядности некрополя характеризуют наш фрагмент культурогенеза как гармоничный симбиоз преимущественно двух культурных компонентов – криволукского и покровского, возможно, при участии других посткатакомбных групп Волго-Уралья и с некоторым влиянием синташтинской традиции. Результатом этого взаимодействия стало возникновение заволжского локального варианта срубной культуры, в котором, судя по канонизированным принципам погребальной обрядности, в большей степени возобладали тенденции рациональной простоты, близкие криволукской концепции аскезы.

Основные признаки этого степного варианта напоминают известные характеристики, выведенные В.В. Отрощенко для бережновско-маевской культурной группы срубной общности [Отрощенко В.В., 1994. С. 150-153; он же, 2001; он же, 2003. С. 68-96]. Его идея о двух линиях становления и развития срубной культурно-исторической общности несколько упрощенно, по принципу природно-ландшафтного соответствия разграничивает два основных варианта (по сути две срубные культуры), в совокупности закрывающие весь огромный ареал от Волго-Уралья до Днепра.

Возникновение синташтинского феномена, при крайне узкой локализации очага культурогенеза (исключительно Южное Приуралье), В.В. Отрощенко связывает с абашевским (средневожским) и катакомбным импульсами. После этого, как он считает ненадолго, возвышается «Страна Городов», совместимая с ареалом распространения синташтинских памятников, а затем наблюдается обратное движение в западном направлении, но теперь уже синташтинцев и уральских абашевцев, которые переустроили Волго-Донской регион. Так возникает доно-вожская абашевская культура.

Несколько удивляет мотивация этих глобальных явлений, комментируемая автором в духе сочинений Л.Н. Гумилева, хотя научный уровень

украинского исследователя, казалось бы, более должен соответствовать не очарованию теорией пассионарности, а критическому анализу некоторых положений неоевразийства. Впрочем, это можно списать на счет мучительных поисков автором новых методологических основ в археологических исследованиях. Так или иначе, формирование предсрубного горизонта на юге Восточной Европы (бабинская и доно-волжская абашевская культуры), в Поволжье и Приуралье (Потаповка, Новый Кумак) объясняется им как результат распада южноуральского очага культурогенеза и определяющего влияния синташтинской колесничной традиции [Отрощенко В.В., 2003. С. 75-76]. Именно с памятниками переходного (предсрубного) времени в этих построениях ассоциируются «культуры горизонта боевых колесниц», которые окончательно вытеснили или ассимилировали остаточный «позднекатакомбный массив» в степи и лесостепи Восточной Европы. В представленной схеме не оказалось места криволукским комплексам, а памятники покровского типа разнесены в доно-волжское абашево и в ранний период покровско-мосоловской срубной культуры (XVII-XVI вв. до н.э.).

В аспекте генетической подосновы покровско-мосоловской срубной культуры данная схема представляет собой, по сути, попытку «модернизации» эволюционной концепции А.Д. Пряхина – Ю.П. Матвеева о более или менее прямой преемственности абашевской и срубной культур в диахронии средней и поздней бронзы Доно-Поволжья [Матвеев Ю.П., 1991. С. 27-28; он же, 1994; он же, 1999. С. 60-71; Пряхин А.Д., 1997. С. 69-70]. Теорию покровской культуры Н.М. Малова, как правило, воронежские исследователи подвергают критике [Сафонов И.Е., 2005. С. 30-31]. С этих же позиций написана одна из работ в Саратове [Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006], хотя яркие комплексы Золотой Горы и Кочетного, представленные в монографии и на которых авторы строят свою аргументацию, лучше всего

вписываются именно в покровский контекст формирования раннесрубного пласта.

Не вдаваясь в коллизии широкой полемики по вопросу о существовании покровского типа (культуры), отметим справедливость замечания Ю.П. Матвеева о ярком своеобразии основного репера переходных комплексов – керамического материала, четкой типологией которого наука пока не располагает. Отличительные особенности покровских материалов, в том числе и керамики, указывались для Поволжья в ряде исследований [Малов Н.М., 1991. С. 52; он же, 1992-А. С. 83-85; Кузьмина О.В., 1995. С. 27-51], но они не учитывают всего обширного массива Среднего Дона, не выделены покровские элементы в Синташте, Потаповке и ранней Петровке. Все еще не получили должного освещения материалы эпонимного памятника – Покровского курганного могильника, хотя первые шаги в этом направлении уже предприняты [Малов Н.М., 2003. С. 157-219]. Думается, что ключ к конструктивному решению «покровского вопроса» содержится именно в анализе всего объема данных, полученных на широкой территории от Дона до Урала, анализе, который доказательно отчленит «покровск» от позднего доно-волжского «абашево» и продемонстрирует его культурную целостность.

Нет никаких сомнений в том, что позиции противников «покровского культурного типа» прямо зависимы от упрощенного восприятия концепции культурогенеза. В данном контексте версия эволюции, или трансформации абашевского массива в срубную культуру при известном вмешательстве извне того или иного культуртрегера, безусловно, имеет право на существование, но порождает соответствующие, лаконично упрощенные модели производных культурных образований. Покровско-мосоловская (лесостепная) и бережновско-маевская (степная) срубные культуры, сведенные в рамки единой общности, вполне соответствуют простому алго-

ритму, из которого выброшен очень важный переходный этап, соответствующий начальной фазе культурогенеза срубных племен.

В действительности, становление и дальнейшее развитие срубной культуры представляется гораздо более дискретным и многообразным явлением. Как уже отмечено, определяющую роль в этих процессах играли яркие памятники покровского типа, но прочие компоненты взаимодействия до недавнего времени были завуалированы условностями сложно диагностируемой обрядности. Уникальность Смеловки заключается в том, что наблюдаемые здесь явления позволяют наметить пути устранения этих сложностей, уже теперь выявить некоторые культурные группы, втянутые в симбиоз с «покровском», обозначить параллельные варианты взаимодействий. В этом анализе, как представляется, содержится принцип моделирования многокомпонентного культурогенеза.

Отчасти, концепт бережновско-маевской культурной группы восходит к идее «бережновского горизонта» Н.К. Качаловой [Качалова Н.К., 1978-А. С. 69-79; она же, 1978-Б. С. 58-60]. В историографии конца XX в. укоренилось мнение о том, что новый культурно-хронологический горизонт вводился ею в научный оборот как начальный этап срубной культуры, предшествующий времени памятников покровского типа. Подобное восприятие схемы Н.К. Качаловой возникло в ряде старых статей А.Д. Пряхина и Н.Я. Мерперта [Пряхин А.Д., 1980. С. 24], но встречается и в некоторых последних работах [Горбунов В.С., 2003. С. 100-101]. По-существу, оно является следствием многочисленных противоречий, возникших в ходе незавершенных диспутов 70-80-х гг. прошлого столетия по проблемам генезиса срубной культуры, периодизации и хронологии памятников эпохи поздней бронзы.

Причина возникшего нонсенса, очевидно, заключается в попытках определения различными исследователями культурно-хронологических со-

отношений в курганной стратиграфии, а именно преемственности и синхронизации погребений с абашевскими, покровскими и срубными признаками. Поскольку сама исследовательница достаточно уверенно определяла набор признаков бережновского обряда, то, в известной степени, унифицирующим элементом здесь выступали восточная ориентировка и левобочная адорация скелетов. Не удивительно, что в выборку «бережновки» могли войти безынвентарные комплексы или погребения со специфическими показателями обряда, стратиграфически более ранние, чем покровские и которые теперь воспринимаются как погребения криволукского (посткатакомбного) типа.

С другой стороны, позднепокровские захоронения с северной ориентировкой могли оказаться в подкурганных планиграфических ситуациях как более ранними, так и одновременными раннесрубным, составляя с ними единые комплексы. В контексте анализа особенностей обрядовых групп на стадии становления данные соотношения вполне закономерны. Но исследователи, автоматически относившие раннесрубные комплексы к бережновскому горизонту, усматривали здесь конкретные примеры синхронизации «бережновки» с «покровском» и даже ее несколько более ранней позиции [Васильев И.Б. и др., 1985. С. 71; Пятых Г.Г., 1984. С. 151-152; Мыськов Е.П., 1991. С. 150-161]. В обстоятельной статье Е.П. Мыськова особенно отчетливо обозначен дискурс на некую доработку идеи Н.К. Качаловой. В своих рассуждениях автор адресуется исследовательнице мысль о синхронизации памятников покровского типа с раннесрубным бережновским горизонтом, ссылаясь на ее тезис об одновременности лесостепного и степного вариантов срубной культуры и предполагая при этом некий синкретизм срубников лесостепной зоны (высокое содержание покровских элементов) [Мыськов Е.П., 1991. С. 162]. Самарские исследователи тогда считали, что покровские памятники лесостепи как раз и представляли со-

бой раннесрубный пласт в Среднем Поволжье и синхронизировали их с «бережновкой» [Васильев И.Б. и др., 1985. С. 73].

Между тем, в ходе изучения материалов и стратиграфии Покровского могильника Н.К. Качалова приходила к выводам об особом характере эталонных комплексов, а срубные захоронения этого памятника с ними не синхронизировала и считала более поздними, чем погребения бережновского горизонта [Качалова Н.К., 1978. С. 69-79; Малов Н.М., 1986-А. С. 29]. Своей основной задачей исследовательница считала решение проблемы периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья. Оно было представлено ею в специальной работе, где вопрос «покровска» она не рассматривала [Качалова Н.К., 1985. С. 28-59].

Несомненной заслугой анализа Е.П. Мыськова является его вывод о явной связи бережновских комплексов с традициями культур эпохи средней бронзы. В большей степени она проявлялась в погребальной обрядности: в формах и размерах могил, ориентировке, положении рук при лево-бочной скорченности [Мыськов Е.П., 1991. С. 156]. Усматривая известную преемственность, автор абсолютно верно ориентировался на посткатакомбный пласт, в частности наиболее полно изученной тогда культуры многоваликовой керамики. Теперь можно уверенно говорить о реминисцентном (остаточном) характере этих признаков, задержавшихся в раннесрубном обряде от целого блока посткатакомбных генетических компонентов (бабинских и криволукских). Но процессы начального генезиса раннесрубной культуры – явление более раннее, нежели оформление в общих чертах производного образования, которое в трудах Н.К. Качаловой получило название «бережновского культурно-хронологического горизонта», а позже расширено В.В. Отрощенко в бережновско-маевскую форму.

Сосуществование и взаимодействие памятников покровского типа с развитой срубной культурой объективно было невозможно, поскольку она

стала производным образованием несколько более ранних контактов и активного взаимодействия «покровска» с посткатакомбными культурами, проникшими в Нижнее Поволжье и далее, вплоть до Приуралья, в конце эпохи средней бронзы. Анализ материалов Смеловки позволяет установить не только преемственность, но и синхронизацию памятников криволукского и покровского типов, убеждает в активном взаимодействии этих культурных групп, которое приводит к возникновению одного из многих локальных вариантов будущего срубного мира. Покровский шлейф недолго присутствует в материалах самых ранних срубных комплексов и вскоре окончательно нивелируется.

Очевидно, идея синхронизации «покровска» и «бережновки», все же, содержала некое рациональное зерно, и это могло бы стать наиболее близким подходом к решению проблемы генезиса срубной культуры в Заволжье, если бы «бережновские» комплексы тогда удалось расчленить на собственно срубные и посткриволукские (с восточной ориентировкой), содержащие заметные катакомбные реминисценции. Но очень важный вопрос о памятниках криволукского типа был поставлен значительно позже, а уникальные возможности смеловской планиграфии только теперь практически применимы к данному подходу.

Покровско-криволукский вектор культурогенеза был ограничен во времени (приблизительно XVIII-XVII вв. до н.э.) и в пространстве (степная аридная зона Нижнего Поволжья и Приуралья). На западе, в нижневолжском правобережье, на эти процессы могли влиять также бабинские традиции, а на востоке, в Южном Приуралье, они, несомненно, испытывали позднесинташтинские воздействия. Примерно на границе степи и лесостепи должно было наблюдаться взаимодействие с северной областью срубного генезиса, где покровские племена контактировали с носителями потаповских, поздневольтских и бабинских лесостепных традиций. Трудноре-

шимым остается вопрос об участии в указанных процессах на Нижней Волге донского позднеабашевского населения, решить который, возможно, удастся после конструктивного разграничения проблем Доно-Волжской абашевской культуры и памятников покровского типа.

Очевидно, ранний пласт срубной культуры был представлен множеством вариантов, которые объективно отражали многокомпонентность культурогенеза. Свои особенности, несомненно, имели группы, формировавшиеся между Волгой и Доном, в Среднем Поволжье, в Приуралье. В Смеловке, определенно, складывался именно степной субстрат населения, ориентированного на экстремальное отгонно-пастушеское скотоводство, оставившего, на протяжении дальнейшего развития, компактные поселения хуторского типа (Мирный, Покровское, Чапаевка 2-3, Преображенка, Максютово, Чесноково) и очень скоро освоившего обширные сухостепные и аридные пространства между Волгой, Уралом и Каспием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемой читателю работе представлен уникальный грунтовый некрополь эпохи поздней бронзы у с. Смеловка, анализ материалов которого позволяет, во многом по-новому, взглянуть на ключевые проблемы, связанные с происхождением срубной культуры степного Волго-Уралья. Могильник появился в конце переходного периода от средней бронзы к позднему бронзовому веку, но еще некоторое время выполнял свои сакральные функции, когда в нижневолжских степях складывались ведущие культуuroобразующие признаки позднепервобытного скотоводческого общества.

Это был фрагмент одного из глобальных результатов волго-уральского культуuroгенеза, приведшего к возникновению двух мегакультур – срубной и алакульской. Заволжский вектор культуuroгенеза, как и волго-донской, приуральский, средневолжский, был явлением многокомпонентным, чрезвычайно многообразным в своей дискретной динамике, и микромодель Смеловки, конечно же, не претендует быть ответом на всеобъемлющий вопрос о происхождении срубной культуры. Но определенно можно утверждать, что в наблюдаемом некрополе отчетливо просматриваются основные и вспомогательные генетические корни, из которых вырастает оригинальный вариант будущей культурно-исторической общности. В двух основных компонентах взаимодействия мы видим узнаваемые признаки посткатакомбного блока, где наиболее выражено присутствие

криволукского культурного типа, и позднепокровские комплексы, иногда имеющие печать воздействия южноуральских (синташтинско-новокумакских) традиций. Их конструктивное взаимодействие приводит к сложению раннесрубных культурных групп, которые органично сплавляются в единый пласт классической (развитой) срубной культуры. Заметим, Смеловка – это единственный, в своем роде, памятник, в материалах которого очень удачно запечатлены механизмы культурогенеза.

Систематизация погребальных сооружений, положений скелетов в могилах, антропологических данных, керамики, инвентаря, ритуальных сооружений и комплексов Смеловского могильника позволяет гипотетически представить сложный процесс многократных перегруппировок и взаимодействий населения Нижнего Поволжья в нарастающей конвергенции, наблюдавшейся к середине II тыс. до н.э.

Формально эти явления отразились в характеристиках взаимодействующих и производных обрядовых групп со всеми сопутствующими показателями, которые рассматриваются суммарно и создают емкие образы реконструируемых компонентов. Определенный интерес представляют демографические показатели, которые демонстрируют резкую неравнозначность взаимодействующих криволукского и покровского компонентов (1ОГ и 2ОГ). Несомненно, в аномальном соотношении половозрастных характеристик заложена глубокая информация о своеобразии этнокультурных контактов указанных групп. Но наиболее явным, пока, выглядит предположение о различных вариантах погребальной обрядности, зависящих, видимо, от социоструктурных факторов. Криволукские и покровские группы нижеволжского населения практиковали, в основном, подкурганый принцип захоронений, а в грунтовых некрополях находили последний приют лишь некоторые представители общинных страт. С другой стороны, половозрастные показатели производной срубной группы (3ОГ) выглядят

вполне сбалансированными, что, в рамках грунтового некрополя, несомненно, может отражать некий откат общества к реставрации эгалитарности. Это подтверждается и подкурганскими комплексами развитого срубного времени, в которых почти не бывает оружия, а сам обряд в целом скромно унифицирован.

Сакральная архитектура некрополя и особые комплексы, ориентированные на обряд трансферной коммуникации, группа захоронений с путовыми костями лошади демонстрируют некую аналогичную деволюцию, но уже в контексте моделирования некоторых позиций в позднепервобытной идеологии. Совершенно очевидно, что по мере разрастания могильника наблюдается градация от тенденций обозначения ритуальных центров с захоронениями пращуров, от оформления территориальных родовых участков, с использованием помпезных мавзолеев и охранительных магических рвов к конкретизации и упрощению предковых культов. Наиболее емко это отразилось в комплексах с путовыми костями лошади («бабками»), которые в виде примитивных фигурок олицетворяли образы умерших пращуров. Эти преимущественно детские погребения, вероятно, появляются как некий более гуманный эквивалент по отношению к обряду трансферной коммуникации, который не исключал сакрального инфантицида.

Общая картина культурогенеза сложна даже на уровне представленного микросреза. Предполагается, что в первой четверти II тыс. до н.э. в степном Волго-Уралье имело место многоимпульсное и поликомпонентное перемещение катакомбных и посткатакомбных групп, которые поэтапно аккумулировали потенциалы вторжения вначале в нижневолжском правобережье, затем осваивали Заволжье и постепенно продвигались по сухостепному и аридному поясам в восточном направлении. Поскольку нам в большей степени интересен финал среднебронзовой эпохи, то уместно от-

метить, что движение бабинской группы задержалось на Волге и лишь спорадически просачивалось в левобережье.

Криволукская и позднелолинская группы, очевидно более приспособленные к аридным условиям, быстро освоили волго-уральскую степь и, к моменту появления здесь носителей покровского культурного типа, уверенно ее контролировали. Основы будущего хозяйственно-культурного типа складывались именно в данный период, в подвижных скотоводческих системах. Эти племена еще не создавали оседлых поселений, и только временные стойбища типа Тонкошуровки, Прапорского Бугра, Теликовки, ранних пластов Чапаевки 2 и Преображенки, где отмечались реликтовые элементы в керамике, можно относительно достоверно относить к этому периоду. Примечательно, что позже на многих сезонных стоянках, уже в срубное время развиваются долговременные поселения хуторского типа с соответствующей инфраструктурой. Это может означать, что еще на криволукском этапе рентабельно были распределены основные экологические ниши постоянных районов обитания и экономического субрегиона аридной зоны с зимними пастбищами.

Проблема первого контакта покровцев с автохтонным этнокультурным фоном весьма туманна, и основной вопрос заключается в том, была ли первая встреча враждебным противостоянием. Престижные воинско-колесничные захоронения покровского типа, выявленные в Нижнем Поволжье, не являются достаточным аргументом для такого вывода. Напротив, стратиграфия и планиграфические ситуации во многих степных курганных и грунтовых некрополях, но особенно в Смеловке, нередко демонстрируют признаки плодотворного симбиоза двух культурных групп, а часто и почтительно-подчиненное положение погребений с покровскими признаками по отношению к основным захоронениям криволукского типа. Престиж степной автохтонной группы настолько высок, что иногда основ-

ными в курганах, или на родовых участках грунтовых могильников, оказываются погребения детей и подростков, совершенные по криволукскому принципу.

Несомненно, что более или менее выраженные признаки синташтинской традиции в изготовлении керамики доставлены в Нижнее Поволжье именно покровцами. Это позволяет предполагать либо изначальное движение покровской группы из Приуралья, либо ее высокую мобильность и постоянный характер взаимодействия с населением высокотехнологичного и металлоносного региона. Опосредованно, именно данный характер контактности в этот период мог предопределить дальнейшую постоянную ориентированность нижеволжских племен на южноуральские и североказахстанские меднорудные месторождения.

Очевидно, картина межкультурного взаимодействия и сращивания криволукской и покровской групп в Нижнем Поволжье могла быть более полной, если бы захоронения степных автохтонов не были столь аскетичны (безынвентарны). Сплав двух культурных линий выглядит редуцированно. Он фиксируется исключительно по нивелировке культуuroобразующих признаков в керамике из покровских погребений и видоизменению криволукского обряда (формы могил и позы умерших). Это отчетливо заметно по материалам ранних стандартов срубной обрядовой группы, где все еще присутствуют реминисценции двух основных генетических корней. Но есть все основания предполагать, что керамика позднекриволукского комплекса уже во многом была близка не катакомбной традиции, а будущим срубным формам простейшего типа (различные банки и слабопрофилированные сосуды). Примечательно, что грация катакомбных прообразов баночных сосудов (реповидная банка с широким днищем и сильно прикрытым устьем) часто фиксируется в инвентарных наборах покровских захоронений. Данные факты всегда расцениваются как инокуль-

турное влияние, и это ничто иное, как следствие взаимодействия покровцев с посткатакомбными образованиями криволукского и позднелолинского типов.

Очевидно, окончательная нивелировка генетических различий и становление срубного комплекса в основных культуuroобразующих чертах совпадает с некими изменениями в природноэкологической среде. По некоторым данным, наступает незначительная аридизация и похолодание, что привело, тем не менее, к существенной хозяйственной переориентации нового населения. В степи возрастает значение пастушеско-отгонной системы животноводства, возникают долговременные поселения хуторского типа, ослабевают связи с соседними регионами, в том числе с восточной рудной базой.

Погребальная обрядность срубных племен становится монотонно унифицированной. В ее известных канонических чертах, безусловно, в большей степени просматривается автохтонный степной эталон аскетизма и эгалитарности, но в общем идеологическом контексте это была уже позднепервобытная предтеистическая форма религии, динамично приближающая предковые культы к следующей фазе – верованиям в племенных богов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А.* Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Агапов С.А., Иванов А.Ю.* Об одном типе украшений срубной культурно-исторической общности Среднего Поволжья // Науч. тр. КГПИ. Т. 221. Куйбышев, 1978.
- Андреева М.В.* Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М., 1989.
- Археология Украинской ССР. Том 1. Киев, 1985.
- Балабанова М.А.* Демографические особенности срубной культурно-исторической общности (на материалах могильника Неткачево) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград, 2006.
- Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи». Москва–Петроград, 1923.
- Баринов Д.Г.* Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов, 1996.
- Баринов Д.Г.* Золотоордынское поселение около поселка Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997.
- Барынкин П.П., Зудина В.Н., Крамарев А.И., Салугина Н.П., Цибин В.А., Хохлов А.А.* Исследование курганов эпохи бронзы у пос. Подлесный на р. Самаре // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Березанская С.С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
- Березанская С.С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
- Бернова А.А.* Племенные верования малых народов Индонезии (конец XIX–начало XX вв) // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980.

- Бобринский А.А.* О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
- Богданов С.В.* Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. II. Оренбург, 1998.
- Бойков А.А.* Курган эпохи бронзы на юге Воронежской области // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
- Борисов А.В., Демкин В.А., Ганчак Т.В., Ельцов М.В.* Исследование содержимого глиняных сосудов из курганных захоронений эпохи поздней бронзы могильника Непкачево I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград, 2006.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б.* Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Братченко С.Н.* Погребения срубной культуры // Вильнянские курганы в днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
- Бужилова А.П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
- Васильев И.Б.* Лузановский курганный могильник (материалы раскопок) // Средне-волжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
- Волков В.А.* Отчет об археологических разведках 2005 года в Духовницком районе Саратовской области // Архив ИА РАН. 2006.
- Галкин Л.Л., Ким М.Г., Ледайкин В.И., Мельник В.И., Хреков А.А.* Исследования в Среднем Заволжье // АО 1975 г. М., 1976.
- Галкин Л.Л.* Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья // СА, № 3. М., 1977.
- Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА.1973. № 1.

- Горбунов В.С.* Некоторые суждения о концепции В.В. Отрощенко по истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 17. Воронеж, 2003.
- Грушин С.П., Тюрина Е.А., Хаврин С.В.* Древнейший металл Южной Сибири // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006.
- Дементьева-Лекинен А.Н.* Традиционные верования «зао» Вьетнама (конец XIX – начало XX вв) // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980.
- Дремов И.И.* Вишневоe – поселение покровского времени в Саратове // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.
- Дремов И.И.* Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов, 1996.
- Дремов И.И.* Смена и преемственность культурных традиций на рубеже средней и поздней бронзы в степном Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Часть 2. Саратов, 1997.
- Дремов И.И.* Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997.
- Дремов И.И., Семенова И.В.* Раскопки кургана на границе Энгельсского и Советского районов // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов, 1999.
- Дремов И.И., Семенова И.В.* Курган позднеавроматского времени у с. Березовка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.
- Дремов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В.* Курган у с. Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 6. Саратов, 2005.
- Дьяченко А.Н., Кривошеев М.В., Шинкарь О.А.* Раскопки курганного могильника Непкачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград, 2006.

- Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Книга 1. Челябинск, 2005.
- Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007.
- Жемков А.И., Лопатин В.А.* Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008.
- Зданович Д.Г.* Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Книга 1. Челябинск, 2002.
- Зудина В.Н., Крамарев А.И.* Могильник эпохи бронзы у с. Екатериновка // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.
- Иванова С.В., Цимиданов В.В.* О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах, № 2. Донецк, 1993.
- Игнатова М.Е., Лопатин В.А.* Пиктограмма с хтонической мифологемой на керамическом сосуде из Смеловки // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 6. Саратов, 2005.
- Каменецкий И.С.* Код для описания погребального обряда // Древности Дона. М., 1983.
- Каменецкий И.С.* Код для описания погребального обряда. Ч. 2 // Археологические открытия на новостройках. Вып. I. М., 1986.
- Касанкин Г.И.* Отчет об археологических разведках в Пугачевском районе, раскопках поселения «Подгорное» в Энгельском районе и поселения «Белогорье» в Лысогорском районе Саратовской области в 1993 году. Архив ИА РАН. Р-1.
- Касанкин Г.И.* Жилище XIV в. на золотоордынском поселении у с. Подгорное // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997.
- Качалова Н.К.* О локальных различиях в лесостепной срубной культуре // АСГЭ. Вып. 18. Л., 1977.
- Качалова Н.К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. 1978-А. № 3.
- Качалова Н.К.* Бережновский горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978-Б.
- Качалова Н.К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

- Ким М.Г., Кригер В.А., Малов Н.М.* Новые погребения начального этапа эпохи поздней бронзы степной зоны Южного Приуралья // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993.
- Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Кияшко А.В.* Погребения пришлых культур развитой и финальной бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волоград, 2003.
- Ковалюх Н.Н., Мимоход Р.А.* Новые радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений Нижнего Поволжья и степного Предкавказья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007.
- Козенкова В.И.* У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М., 2002.
- Колев Ю.И., Седова М.С.* Грунтовые могильники срубной культуры на территории Куйбышевского Заволжья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.
- Колев Ю.И.* Грунтовый могильник срубной культуры Съезжее-II (материалы раскопок) // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара, 2003.
- Кочерженко О.В., Малов Н.М.* Раскопки в Саратовском Заволжье // АО 1983 г. М., 1985.
- Крамарев А.И.* Погребальные памятники срубной культуры Южного Средневолжья // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Круглов А.П.* Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетии до н.э. // МИА, № 68. М., 1958.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д.* Могильник Спиридоновка IV в контексте хронологии срубной культуры Самарского Заволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
- Кузнецов П.Ф.* Особенности курганных обрядов населения Самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара, 2003.

- Кузнецова Л.В., Седова М.С.* Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА. 1991. № 3.
- Кузьмина Е.Е.* Связи Евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тыс. до н.э. // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кузьмина О.В.* Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Часть II. СПб, 1995.
- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г.* Уваровский курганный могильник (результаты раскопок 2002 года) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003.
- Литвиненко Р.А.* Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999.
- Литвиненко Р.А.* Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.
- Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.
- Лихачев В.А.* Об одном типе сосудов катакомбного времени // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
- Лопатин В.А.* Опыт статистического анализа керамики срубных поселений степной левобережной зоны Нижнего Поволжья // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987.
- Лопатин В.А., Малов Н.М.* Срубные погребения в подбоях на Еруслане // СА, № 1. М., 1988.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических исследованиях в Саратовской области в 1988 году // Архив ИА РАН.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических исследованиях в Саратовском Заволжье в 1989 году // Архив ИА РАН.
- Лопатин В.А.* Об одном из типов раннесрубных поселений Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 1. Саратов, 1989.
- Лопатин В.А.* Классификация керамики Преображенского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2. Саратов, 1991.

- Лопатин В.А.* Постройки срубных поселений степного Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.
- Лопатин В.А.* Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов, 1996.
- Лопатин В.А.* Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.
- Лопатин В.А.* Исследования Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище Мартышкино // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997.
- Лопатин В.А.* Исследования Смеловского грунтового могильника // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. Саратов, 1999-А.
- Лопатин В.А.* Раннесрубный компонент в керамическом комплексе Смеловского грунтового могильника (опыт пространственно-временного анализа типобразующего признака) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезисы докладов. М., 1999-Б.
- Лопатин В.А.* Культовые сооружения Смеловского могильника // Взаимодействие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000-А.
- Лопатин В.А.* Об одном из компонентов формирования срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Труды ГИМ. Вып. 2. М., 2000-Б.
- Лопатин В.А., Шамгуллина С.А.* Классификация форм керамических сосудов из Смеловского грунтового могильника // Поволжский край. Саратов, 2000-В.
- Лопатин В.А.* Северо-восточная периферия Смеловского могильника // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 гг. Вып. 4. Саратов, 2001-А.
- Лопатин В.А., Филимонова С.А.* Классификация керамического комплекса Смеловского грунтового могильника эпохи поздней бронзы в Саратовском Заволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001-Б.
- Лопатин В.А.* Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.

- Лопатин В.А., Филимонова С.А.* Курганный некрополь Преображенского поселения // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Лопатин В.А., Четвериков С.И.* Родовой некрополь Песковатского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006.
- Лопатин В.А.* Отчет об археологических раскопках кургана и грунтового могильника у разъезда «Ивановский» в Саратовской области в 2006 году. Саратов, 2007 // Архив ИА РАН.
- Лопатин В.А.* Смеловский могильник: фрагмент локального культурогенеза // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. I. М., 2008-А.
- Лопатин В.А.* Курган у Ивановского разъезда в Саратовском правобережье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 6. Саратов, 2008-Б.
- Малов Н.М.* Многоваликовая керамика на археологических памятниках Нижнего Поволжья: Доклад на II совещании по проблемам срубной общности. Куйбышев, 1982.
- Малов Н.М.* Некоторые итоги изучения поселений эпохи бронзы северных районов Нижнего Поволжья // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку, 1985.
- Малов Н.М.* Работы в Заволжье // АО 1984 г. М., 1986-А.
- Малов Н.М.* Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986-Б.
- Малов Н.М.* Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тезисы докладов. Суздаль, 1987.
- Малов Н.М.* О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991.
- Малов Н.М.* Покровский культурный тип памятников начального этапа эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья // Новые открытия и методические основы археологической хронологии. СПб., 1992-А.
- Малов Н.М.* Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992-Б.

- Малов Н.М.* Золото и серебро в срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Вып. 11. Саратов, 2000.
- Малов Н.М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.
- Мамонтов В.И.* Курганный могильник Первомайский VIII // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград, 2001.
- Маргулан А.Х.* Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Марков В.Н., Чижевский А.А.* Погребения эпохи бронзы Мурзихинского II могильника // Древности. Москва-Казань, 2003.
- Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969.
- Матвеев Ю.П.* Поздний этап доно-волжской абашевской культуры в Доно-Волжском междуречье // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991.
- Матвеев Ю.П.* Покровский горизонт в системе абашевских и срубных древностей Доно-Волжского междуречья // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.
- Матвеев Ю.П.* Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 13. Воронеж, 1999.
- Мельник В.И.* Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991.
- Мерперт Н.Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. № 61. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. М., 1958.
- Мерперт Н.Я.* Срубная культурно-историческая область (к постановке вопроса) // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Минаева Т.М.* Керамика Покровского селища // Труды секции археологии РАНИОН. Т. IV. М., 1928.
- Миронов В.Г.* Отчет о раскопках в Энгельском районе Саратовской области в 1988 году. Архив ИА РАН. Р-1.

- Могильников В.А.* Курганы Чистолебяжье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Мочалов О.Д.* Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара, 2008.
- Мыськов Е.П.* К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА. 1991. № 4.
- Отрощенко В.В.* Могильники степного Поднепровья // Тр. КГПИ. Т. 221. Куйбышев, 1978.
- Отрощенко В.В.* О двух линиях развития культур племен срубной общности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994.
- Отрощенко В.В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.
- Отрощенко В.В.* К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 17. Воронеж, 2003.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. – САИ. Вып. В 1–10. Саратов, 1993.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы. (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.
- Погорелов В.И.* Петропавловский грунтовый могильник эпохи бронзы на реке Толучеевке // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.
- Попова Т.Б.* Памятники срубной культуры в окрестностях с. Быково // МИА, № 78. М., 1960.
- Пряхин А.Д.* Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1980.
- Пряхин А.Д.* Доно-Волжская абашевская культура и проблемы оценки памятников покровского типа в Нижнем Поволжье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южно-русских степей. Саратов, 1997.

- Пятых Г.Г.* Общие компоненты сложения алакульской культуры и срубной культуры Поволжья // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья.* Челябинск, 1983.
- Пятых Г.Г.* О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // *СА.* 1984. № 2.
- Реннэ А.Ф.* Путешествие в каменный век. М., 1982.
- Рыков П.С.* Отчет о раскопках в Саратовской губернии в 1921 году // *Архив ЛОИА СССР.* Ф. 2, оп. 1, № 111.
- Рыков Р.* Die Chvalynsker kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga // *ESA. I.* Helsinki, 1927.
- Рыков П.С.* Культурно-исторические экскурсии по Нижне-Волжскому краю. Саратов, 1928.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Сафонов И.Е.* Об изучении эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи в 70-80-е гг. XX в. // *Пастушеские скотоводы Восточно-Европейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации).* Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 19. Воронеж, 2005.
- Семенова А.П.* Основные тенденции развития керамики покровского и развитого этапов срубной культуры лесостепного Поволжья (по данным погребальных памятников) // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация.* Самара, 2001.
- Сергеева О.В.* Раскопки грунтового могильника ямно-катакомбного времени около с. Шумейка // *Археологическое наследие Саратовского края.* Вып. 6. Саратов, 2005.
- Сергеева О.В.* Находки средневекового времени из разрушенного погребения у с. Смеловка // *Археологическое наследие Саратовского края.* Вып. 7. Саратов, 2006.
- Синицын И.В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // *Ученые записки.* Т. XVII. Саратов, 1947.
- Синицын И.В.* Археологические памятники в низовьях реки Иловли // *Ученые записки.* Т. XXXIX. Саратов, 1954.
- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // *Древности Нижнего Поволжья.* Т. I. МИА. № 60. М., 1959.

- Синицын И.В.* Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов, 1966.
- Смирнов К.Ф.* Курганы у сс. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Древности Нижнего Поволжья. Т. I. МИА. № 60. М., 1959.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Спицын А.А.* Саратовские стоянки медного века // Труды общества ИСТАРХЭТ. Вып. 34. Ч. I. Саратов, 1923.
- Стоколос В.С., Стоколос Г.И.* Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестник ЧГПУ. Сер. 1. Исторические науки. Челябинск, 2004.
- Стоколос В.С.* Черняки III – алакульское святилище в Южном Зауралье // Вестник ЧГПУ. Серия 1 «Исторические науки». Челябинск, 2005.
- Тихонов В.В.* Грунтовой могильник Калач в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов, 1996.
- Тихонов В.В.* Раскопки грунтового могильника Калач-1 в 2001 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.
- Ткачев В.В.* К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998.
- Ткачев В.В.* Элитные погребения из могильника Жаман-Каргала I и проблема культурогенеза начала позднего бронзового века в Урало-Казахстанских степях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. Челябинск, 2005.
- Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской культуры. Орск-Самара, 2006.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П.* Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул, 2007.

- Усачук А.Н., Литвиненко Р.А.* Костяные орудия прядения и ткачества на Синташте // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Федосов М.Ю.* К проблеме соотношения среднедонской катакомбной культуры и криволукской группы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2007-А.
- Федосов М.Ю.* Памятники среднедонской катакомбной культуры в Волго-Донском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов, 2007-Б.
- Филипченко В.В.* Погребения с керамикой вольского типа близ с. Белогорское // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993.
- Филипченко В.В., Малов Н.М.* Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. СПб., 1995.
- Хлобыстина М.Д.* Погребения мужчин и детей в древних могильниках Прибайкалья // КСИА. Вып. 199. М., 1990.
- Хохлов А.А.* Краниологические материалы ранней и начала средней бронзы Самарского Заволжья и Оренбуржья // Вестник антропологии. Вып. 6. 1999.
- Хохлов А.А.* Демографические особенности населения эпохи бронзы бассейна реки Самары // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара, 2003.
- Цимиданов В.В., Евглевский А.В.* Классификация погребений с инсигниями власти срубной общности // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.
- Чебоксаров И.И., Чебоксарова И.А.* Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
- Шапошникова Л.Б.* Тайна голубых гор. М., 1969.
- Шарафутдинова И.Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
- Шарафутдинова Э.С.* Памятники культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону // Тр. КГПИ. Т. 221. Куйбышев, 1978.
- Шилов В.П.* Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // АСГЭ. Вып. 6. Л., 1964.

Шнирельман В.А. Классообразование и дифференциация культуры (по океанийским этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

Юдин А.И. Катакомбные поселения эпохи средней бронзы в степном Заволжье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия.

РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук.

ИстАрхЭт – (общество) истории, археологии и этнографии.

АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ЛОИА – Ленинградское отделение института археологии.

СГУ – Саратовский государственный университет.

КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт.

ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет.

ГИМ – Государственный исторический музей

СОМК – Саратовский областной музей краеведения.

АО – Археологические открытия.

СА – Советская археология.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

МИА – Материалы и исследования по археологии.

САИ – Свод археологических источников.

КСИА – Краткие сообщения института археологии.

ESA – *Eurasia septentrionalis Antiqua*.

КМК – культура многоваликовой керамики.

ХКВК – хвалынская культура валиковой керамики.

МРС – мелкий рогатый скот.

КРС – крупный рогатый скот.

ОГ – обрядовая группа.

РС – ранний стандарт.

ОПС – общий поздний стандарт.

Подрисуночные подписи к приложениям и иллюстрациям:

Приложение 1. Погребальный обряд Смеловского могильника.

Приложение 2. Половозрастная характеристика Смеловского могильника.

Приложение 3. Параметры и общие характеристики керамических сосудов Смеловского могильника.

Рис. 1. Местоположение Смеловского могильника.

Рис. 2. План местности с расположением Смеловского могильника.

Рис. 3. План Смеловского могильника.

Рис. 4. Материалы погребений 1, 2, 4–8: 1, 2 – погр. 1; 3, 4 – погр. 2; 5 – погр. 4; 6, 7 – погр. 6; 8, 9 – погр. 7; 10 – погр. 8. 2, 4, 5, 7, 9, 10 – глина.

Рис. 5. Материалы погребений 10, 11: 1-9 – погр. 10; 10-12 – погр. 11. 2-6, 11, 12 – глина; 7 – сурьма; 8, 9 – бронза.

Рис. 6. Материалы погребений 9, 12–15: 1 – погр. 9; 2 – погр. 12; 3 – погр. 13; 4 – погр. 14; 5, 6 – погр. 15. 3, 4, 6 – глина.

Рис. 7. Материалы погребений 17–20, 22–28, 40: 1-3 – погр. 17; 4-А, 5 – погр. 18; 4-Б – погр. 20; 6 – погр. 19; 7 – погр. 22; 8, 9 – погр. 23; 10-А – погр. 24; 10-Б – погр. 40; 11 – погр. 25; 12 – погр. 26; 13 – погр. 27; 14 – погр. 28. 2, 3, 5, 6, 8, 12-14 – глина; 7, 9 – фаянс; 11 – кость.

Рис. 8. Материалы погребений 29, 31–33, 35, 37: 1 – погр. 29; 2-А, 3 – погр. 31; 2-Б, 4-6 – погр. 32; 7 – погр. 33; 8-10 – погр. 35; 11, 12 – погр. 37. 1, 3, 4, 10, 12 – глина; 6 – фаянс; 5, 9 – бронза.

Рис. 9. Материалы коллективного погребения 34 (мавзолей 1): 1-А, 2 – основное захоронение; 1-Б, 3 – подхоронение 1; 1-В, 4 – подхоронение 2; 1-Г, 5, 6 – подхоронение 3. 2-6 – глина.

Рис. 10. Материалы погребений 38, 39, 41–47: 1 – погр. 38; 2, 3 – погр. 39; 4 – погр. 41; 5 – погр. 42; 6 – погр. 43; 7, 8 – погр. 44; 9 – погр. 45; 10, 11 – погр. 46; 12-15 – погр. 47. 3-6, 8-11, 15 – глина; 13, 14 – бронза.

Рис. 11. Материалы погребений 48–52: 1-4 – погр. 48; 5, 6 – погр. 49; 7, 8 – погр. 50; 9 – погр. 51; 10, 11 – погр. 52. 2-4, 6, 8, 9, 11 – глина.

Рис. 12. Материалы погребений 53–56: 1 – погр. 53; 2-5 – погр. 54; 6-8 – погр. 55; 9, 10 – погр. 56; 11 – сосуд из кв. 112. 1, 4, 7, 8, 10, 11 – глина; 3 – сурьма; 5 – кость.

Рис. 13. Материалы погребений 57–62: 1-10 – погр. 57; 11 – погр. 58; 12 – погр. 59; 13, 14 – погр. 60; 15, 16 – погр. 61; 17, 18 – погр. 62. 2, 3, 11-14, 16, 18 – глина; 4-10 – кость.

Рис. 14. Материалы погребений 63–68: 1, 2 – погр. 63; 3, 4 – погр. 64; 5, 6 – погр. 65; 7 – погр. 66; 8-11 – погр. 67; 12, 13 – погр. 68. 2, 4, 6, 7, 13 – глина; 9-11 – бронза.

Рис. 15. Материалы погребений 69, 70, 72–78: 1 – погр. 69; 2 – погр. 70; 3-6 – погр. 72; 7-9 – погр. 73; 10 – погр. 74; 11 – погр. 75; 12 – погр. 76; 13-А, 14 – погр. 77; 13-Б, 15-17 – погр. 78. 1, 5, 6, 8-12, 14, 17 – глина; 4 – фаянс; 15, 16 – бронза.

Рис. 16. Материалы погребений 79–88: 1-4 – погр. 79; 5 – погр. 80; 6 – погр. 81; 7, 8 – погр. 82; 9 – погр. 83; 10, 11 – погр. 84; 12, 13 – погр. 85; 14, 15 – погр. 86; 16 – погр. 87; 17, 18 – погр. 88. 4, 6-10, 13, 15, 16, 18 – глина; 3 – фаянс; 2, 11 – бронза.

Рис. 17. Материалы погребений 89–95, 97, 98: 1-8 – погр. 89; 9 – погр. 90; 10 – погр. 91; 11, 12 – погр. 92; 13-15 – погр. 93; 16 – погр. 94; 17, 18 – погр. 95; 19, 20 – погр. 97; 21, 22 – погр. 98. 8-12, 15, 16, 18, 20-22 – глина; 2, 14 – фаянс; 3-7 – бронза.

Рис. 18. Материалы погребений 99–106: 1-4 – погр. 100; 5 – погр. 99; 6, 7 – погр. 102; 8 – погр. 103; 9 – погр. 104; 10 – погр. 105; 11-17 – погр. 106; 18 – погр. 101. 2-10, 12, 13 – глина; 14-17 – кость.

Рис. 19. Материалы погребений 107–111: 1, 2 – погр. 107; 3-А, 4, 5 – погр. 108; 3-Б – погр. 111; 6 – погр. 109; 7-9 – погр. 110. 2, 4-6, 8, 9 – глина.

Рис. 20. Материалы погребений 112–117: 1 – погр. 112; 2-4 – погр. 113; 5-7 – погр. 114; 8-10 – погр. 115; 11-13 – погр. 116; 14-17 – погр. 117. 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 16, 17 – глина; 15 – фаянс.

Рис. 21. Материалы погребений 118–123: 1 – погр. 118; 2-4 – погр. 119; 5, 6 – погр. 120; 7-9 – погр. 121; 10-12 – погр. 122; 13, 14 – погр. 123. 3-8, 11-14 – глина; 9 – песчаник.

Рис. 22. Материалы погребений 124–131: 1-3 – погр. 124; 4, 5 – погр. 125; 6, 7 – погр. 126; 8-12 – погр. 127; 13 – погр. 128; 14, 15 – погр. 129; 16 – погр. 130; 17, 18 – погр. 131. 2, 4-7, 9, 14, 15 – глина; 3, 10-12 – бронза; 18 – опока.

Рис. 23. Сакральная архитектура западного участка Смеловского могильника.

Рис. 24. Сакральная архитектура центрального участка могильника.

Рис. 25. Сакральная архитектура северного участка Смеловского могильника.

Рис. 26. Сакральная архитектура восточного участка Смеловского могильника.

Рис. 27. Классификация могильных сооружений Смеловского могильника. Типы 1–3 (прямоугольные и квадратные).

Рис. 28. Классификация могильных сооружений Смеловского могильника. Типы 4–7 (трапециевидные, овальные, подбойные, круглые).

Рис. 29. Классификация могильных сооружений Смеловского могильника. Типы 8–10 (ступенчатые, тамбурные).

Рис. 30. Классификация поз скелетов в погребениях Смеловского могильника.

Рис. 31. Соотношение ориентировок в погребениях Смеловского могильника (А); Обобщенная геометрическая модель к классификации керамики Смеловского могильника (Б).

Рис. 32. Классификация керамики из погребений Смеловского могильника. Сосуды с венчиками (колоколовидные).

Рис. 33. Классификация керамики из погребений Смеловского могильника. Сосуды с венчиками (острорезерные, округлобокие с вертикальными венчиками).

Рис. 34. Классификация керамики из погребений Смеловского могильника. Сосуды с венчиками (округлобокие с короткими и высокими венчиками).

Рис. 35. Классификация керамики из погребений Смеловского могильника. Сосуды без венчиков (баночные реберчатые, с вертикальной стенкой, закрытые).

Рис. 36. Классификация керамики из погребений Смеловского могильника. Сосуды без венчиков (баночные закрытые).

Рис. 37. Классификация керамики из погребений Смеловского могильника. Сосуды без венчиков (баночные закрытые, открытые)

Рис. 38. Систематизация инвентаря из погребений 10, 11, 22, 25, 28, 32, 35, 47.

Рис. 39. Систематизация инвентаря из погребений 54, 57, 67, 72, 78, 79, 84.

Рис. 40. Систематизация инвентаря из погребений 93, 89, 106, 117, 124, 127.

Рис. 41. Динамика культурогенеза (комплексы 1 обрядовой группы).

Рис. 42. Динамика культурогенеза (комплексы 2 обрядовой группы).

Рис. 43. Динамика культурогенеза (ранние комплексы 3 обрядовой группы).

Рис. 44. Динамика культурогенеза (ранние комплексы 3 обрядовой группы).

Рис. 45. Динамика культурогенеза (поздние комплексы 3 обрядовой группы).

Половозрастная характеристика Смеловского могильника

№ погребения и скелета	Пол	Возраст	Череп	Таз	Длин. кости
1	-	-	-	-	-
2	-	Infantilis I; 5-6 мес.	+		+
3	-	-	-	-	-
4	-	Infantilis II; 9-9 лет	+		+
5	-	-	-	-	-
6	М	Adultus; 18-20 лет	+		+
7	-	-	-	-	-
8	-	Infantilis II; 8-9 лет	+		+
9	М	Maturus I; 30-40 лет	+		+
10/1	Ж	Adultus; 18-20 лет	+		
10/2	М	Adultus; 25-30 лет	+		+
11	Ж	Adultus; 20-25 лет	+		
12	М	Maturus II; 40-50 лет			+
13	-	-	-	-	-
14	-	-	-	-	-
15	-	Infantilis I; 6-7 лет	-		-
16	М	Maturus I; 35-40 лет	+		+
17	-	-	-	-	-
18	М	Adultus; 25-30 лет	+		
19	-	-	-	-	-
20	М	Juvenis; 18-21 год	+		
21	М	Maturus I; 30-40 лет	+		+
22	Ж	Juvenis; 18-20 лет	+		
23	-	-	-	-	-
24	М	Maturus II; 40-50 лет	+		
25	-	Infantilis I; 6 лет			+
26	-	Infantilis I; 5-6 лет	+		+
27	-	Infantilis; 1 год	+		+
28	-	Infantilis I; 6-7 лет	+		+
29	-	-	-	-	-
30	-	-	-	-	-
31	-	-	-	-	-
32	Ж	Adultus; 20-25 лет			+
33	Ж	Senilis; < 55 лет	+		
34/1	Ж	Maturus I; 35-45 лет	+		+
34/2	-	-	-	-	-
34/3	-	-	-	-	-
34/4	-	-	-	-	-
35	Ж	Maturus I; 30-40 лет	+		
36	-	-	-	-	-

37	-	Infantilis II; 7-8 лет	+		+
38	M	Maturus II; 40-50 лет	+		
39	M	Maturus I; 30-40 лет	+		+
40	-	-	-	-	-
41	-	-	-	-	-
42	-	Infantilis I; 2-3 года	+		+
43	-	-	-	-	-
44	M	Adultus; 25-30 лет	+		+
45	-	-	-	-	-
46	-	-	-	-	-
47	M	Maturus II; 40-50 лет			+
48	M	Maturus II; 40-50 лет	+		+
49	M	Maturus II; 40-50 лет	+		+
50	-	Infantilis II; 7-8 лет	+		+
51	-	-	-	-	-
52	Ж	Adultus; 21-24 года	+		+
53	M	Juvenis; 15-16 лет	+		+
54	M	Maturus I; 30-40 лет	+		+
55/1	M	Adultus; 20-25 лет	+		+
55/2	-	-	-	-	-
56	-	-	-	-	-
57	Ж	Maturus II; 40-50 лет	-		-
58	-	Infantilis I; 6-7 лет	+		+
59	-	-	-	-	-
60	-	-	-	-	-
61	M	Maturus I; 30-40 лет	+		+
62	Ж	Juvenis; 15-18 лет	+		+
63	-	Infantilis I; 1 год	+		+
64	-	Infantilis II; 8-9 лет	+		+
65	-	-	-	-	-
66	-	-	-	-	-
67	M	Maturus I; 35-45 лет			+
68	Ж	Adultus; 20-25 лет	+		+
69	-	-	-	-	-
70	Ж	Senilis; > 55 лет			+
71	-	-	-	-	-
72	M	Maturus II; 40-50 лет	+		+
73	M	Maturus II; 40-50 лет	+		+
74	-	-	-	-	-
75	-	-	-	-	-
76	-	-	-	-	-
77	-	-	-	-	-
78	-	Infantilis II; 8-9 лет	+		+
79/1	Ж	Maturus I; 30-40 лет			+
79/2	-	-	-	-	-
80	-	Infantilis II; 10-11 лет	+		+
81	Ж	Juvenis; 15-18 лет	+		+

82	-	-	-	-	-
83	-	-	-	-	-
84	-	-	-	-	-
85	-	Infantilii II; 8-9 лет	+		+
86	-	Infantilii I; 3-4 года	+		+
87	-	Infantilii I; 4-5 лет			+
88	-	Infantilii I; 3-4 года	+		+
89	Ж	Adultus; 18-20 лет	+		+
90	-	Infantilii II; 7-8 лет	+		+
91	-	Infantilii I; 6-7 лет			+
92	-	Infantilii I; 6-7 лет	+		+
93	-	Infantilii I; 5-6 лет	+		+
94	Ж	Juvenis; 15-19 лет	+		+
95	Ж	Juvenis; 17-20 лет	+		+
96	-	Infantilii I; 3-4 года	+		+
97	-	Infantilii I; 4-5 лет	+		+
98	Ж	Infantilii II; 10-12 лет	+		+
99	-	Infantilii I; 4-5 лет	+		+
100/1	Ж	Juvenis; 15-18 лет	+		+
100/2	Ж	Adultus; 25-30 лет	+		+
101	-	Infantilii I; 3-4 года	+		
102	-	Infantilii II; 9-10 лет	+		+
103	-	Infantilii I; 9 мес.	+		+
104	-	Infantilii I; 3-4 года	+		+
105	-	Infantilii I; 3-4 года			+
106	Ж	Adultus; 18-21 год	+		+
107	Ж	Adultus; 18-20	+		+
108/1	-	Infantilii I; < 1 года	+		+
108/2	-	Infantilii I; 6-7 лет	+		+
109	-	Infantilii I; 3-4 года	+		+
110	М	Adultus; 20-25 лет	+		+
111	Ж	Maturus I; 30-40 лет	+		+
112	-	Infantilii II; 12-13 лет			+
113	-	-	-	-	-
114	-	Infantilii II; 8-9 лет	+		+
115	-	Infantilii II; 10-11 лет	+		+
116	М	Maturus II; 45-55 лет	+		+
117	-	Infantilii II; 10-11 лет	+		+
118	М	Adultus; 20-25 лет	+		+
119	М	Maturus II; 45-55 лет	+		+
120	-	-	-	-	-
121	-	-	-	-	-
122	-	-	-	-	-
123	-	Infantilii I; < 1 года	+		+
124	М	Maturus II; 40-50 лет	+		+
125	-	Infantilii I; 6-7 лет	+		+
126	-	Infantilii I; 5-6 лет	+		+

127	-	-	-	-	-
128	M	Senilis; 55-60 лет	+		+
129	-	Infantilis II; 8-9 лет	+		+
130	M	Maturus I; 30-40 лет	+		+
131	-	-	-	-	-

Керамика Смеловского могильника

№ пог/сос.	Д устья (см.)	Д шейки (см.)	Д тулова (см.)	Д днища (см.)	Н общ. (см.)	рак.	п/ш	рас.	орн.	Краткая характеристика формы
1	15	13,4	14,4	8	14,8	+				колоколовидный
2	14	13,6	14,6	9	13			+		колоколовидный
3										
4	13,2	11,8	13,6	8	13,8				+	округлобокий
5										
6	12,4	11,8	14	9	10,6				+	округлобокий
7	14,6	13,8	14	8,2	12				+	колоколовидный
8	17		17,6	10,6	15,6					баночный
9										
10/1	16,4	16,2	17,6	9,2	17,6					слабопрофилир.
10/2	15,4	15,2	16	8,8	13,8				+	баноч.с уступом
10/3	16,2		17,2	9,2	16,6					баноч. закрытый
10/4	8,6		11	9	9,2			+		баноч.закрытый
10/5	10,6		12,8	7,6	11,2			+		баноч.с крышкой
11/1	14,4	13,8	16	10	14,8				+	колоколовидный
11/2	13,2	13	14,6	8,6	16					слабопрофилир.
12										
13	11,8	11,1	12,2	7,4	9,8					округлобокий
14	12,6	11,8	11,85	7,2	10,6				+	колоколовидный
15	13,2	12,6	13,4	8	12				+	слабопрофилир.
16										
17/1	15	14,7	17,6	-	-				+	слабопрофилир.
17/2	15,4	15,2	17,2	-	-					слабопрофилир.
18	16,2	15,5	17,8	8	14,8				+	реберчатый
19	15,2	14,6	15,8	9,4	15,2				+	колоколовидный
20										
21										
22										
23	15,8	15,8	16,8	7,8	12,2			+		баноч.биконич.
24										
25										
26	15,6	14,4	16,4	8,2	13				+	колоколовидный
27	13,6	12,4	12,6	7,6	10,4				+	колоколовидный
28	16,2	15,2	16,2	8,2	11,4				+	колоколовидный
29	12,2		13,4	8,8	11			+	+	баноч.закрытый
30										
31	14,4	13,8	14	8,4	10,4				+	баночный
32	19,2	19	21	9	16			+		реберчатый
33										
34/1	13		14,4	8,6	12,3					

34/2	10,8	10,5	11,8	7	9,2					реберчатый
34/3	13	12,6	14	10	11,2				+	слабопрофилир.
34/4	11,4	11,2	12,4	9,6	10,8				+	слабопрофилир.
34/5	8,8			5,4	6					баноч.открытый
35	14,8	14	16,4	9,1	14,1				+	реберчатый
36										
37	16,4	15,6	17,3	8	14				+	реберчатый
38										
39	14,9	13,85	14,4	9	14,8				+	слабопрофилир.
40										
41	15,2	14,6	17,6	8	16				+	округлобокий
42	14	13,8	16,8	10,6	13,4				+	реберчатый
43	14,2	13,8	15	-	-				+	слабопрофилир.
44	12	11,7	13,6	8,6	11,7					реберчатый
45	13,8			8,4	10				+	баноч.открытый
46	12,2		13,4	7,8	10,4					баноч.закрытый
47	17,2	17	18	10,8	20				+	слабопрофилир.
48/1	12,6	12,2	13	8,5	11,4					реберчатый
48/2	15,6	15,4	16,4	10	13				+	реберчатый
48/3	18,2	18	19,8	11,2	18					баноч.биконич.
49	17,2	16,3	18,8	10	17,6					округлобокий
50	15,2		16,5	9,4	13,8					баноч.закрытый
51	11,6		12,6	9,4	10					баноч.закрытый
52	18,8	18,3	20,2	12	18,4					слабопрофилир.
53	14,8	14,5	16	9,8	15,8					слабопрофилир.
54	17			12,4	14,3				+	баноч.открытый
55/1	12,6		14,6	8,1	13,4				+	баноч.закрытый
55/2	13,6	13,3	15,3	9,6	11,6				+	округлобокий
56	15,6	14,6	16	9,2	15,6				+	колокол/реберч.
57/1	15		17,4	9	15,8				+	баноч.закрытый
57/2	12		12,8	8	10,4				+	баноч.закрытый
58	11,4		12,6	6,8	10				+	баноч.закрытый
59	11	10,6	11,4	7,4	9				+	слабопрофилир.
60/1	9,4		11	8,8	8,6				+	баноч.закрытый
60/2	12	12	13	7,2	13					слабопрофилир.
61	15	14,7	17	9,4	18					слабопрофилир.
62	16,4			10	12,2					баноч.открытый
63	12,4	12,2	13	8	12,2				+	слабопрофилир.
64	18,4	18,2	19,6	10,2	16,8				+	слабопрофилир.
65	14,4	13,2	13,6	6	10				+	колокол/реберч.
66	11,4	11	13,6	10,8	11				+	колокол/шир.днищ
67										
68	16,7		18,2	9	19				+	баноч/закрытый
69	14,2	13,4	14,8	9	11,6				+	округлобокий
70										
71										
72/1	10,1	10	12	7,8	9,6					баноч/биконич.

72/2	16,7	16,6	19	9,2	16			+	+	баноч/биконич.
73/1	10,6		10,6	6,2	8,2					баноч/прямостен.
73/2	16,8		17,8	8,2	16,8				+	баноч/закрытый
74	12,8	12,3	13,4	9,6	11,8			+		слабопрофилир.
75	11,2			9,6	8					баноч/прямостен.
76	10,5		11,2	10,4	8,4					баноч/закрытый
77	13,2	13,2	14,4	8,2	12					слабопрофилир.
78	15,2	14,4	16,4	8,8	14,8			+	+	округлобокий
79	9,6	9	11,6	7,2	8,7				+	округлобокий
80										
81	12,5		14,4	9,4	13,2					баноч.закрытый
82/1	9,8		11,4	7,4	8,2				+	баноч/биконич.
82/2	11,6	11,2	12,8	6,8	12,6			+	+	реберчатый
83	10,6	10,2	13,6	9,6	13,2				+	слабопрофилир.
84	11		12,8	8,3	12,4			+	+	слабопрофилир.
85	12,6		12,4	8,2	10,6				+	баноч/прямостен.
86	14	13,8	14,8	7,8	15			+		слабопрофилир.
87	11,6		13	8	12,4			+		баноч/закрытый
88	12,4	12,2	13,4	9	10					реберчатый
89	15,4		16,2	10	14,2			+		баноч/закрытый
90	10,2		11,2	8,2	10				+	баноч/закрытый
91	9		10,2	6,5	6,4				+	баноч/биконич.
92/1	8	7,8	9	6,4	6,4			+	+	реберчатый
92/2	13	12,8	13,6	8,2	12,2					слабопрофилир.
93	13			8,8	11,2					баноч/открытый
94	12,6	12,3	13	8,4	11			+		колоколовидный
95	14	13,5	15,5	10,6	16,6					слабопрофилир.
96										
97	12,3	12,1	14	8,2	11,4			+	+	реберчатый
98/1	13,3		14	9	10,8					баноч/закрытый
98/2	8,6			7,8	6,2					баноч/прямостен.
99	7,6		9,2	7,3	7,4					баноч/закрытый
100/1	15		17,3	10,8	17			+	+	баноч/закрытый
100/2	13,4	13,2	16,1	10,6	13,3				+	округлобокий
100/3	14,8	14,4	15,2	9,2	15			+	+	слабопрофилир.
101	15,4		16,5	8,8	14			+	+	баноч/закрытый
102/1	3,5			2,6	2,6					баноч/прямостен.
102/2	12	11,8	12,8	7,6	10,6				+	слабопрофилир.
103	11		14,4	8,8	15					баноч/закрытый
104	11,8	11,4	12,4	8,2	10,8				+	слабопрофилир.
105	10,4		11,7	8,3	10,4			+		баноч/закрытый
106/1	15,6			8,2	13,4			+		баноч/прямостен.
106/2	8,8		9,6	5,6	8,4					баноч/закрытый
107	15,6		17	10	17,4			+		баноч/закрытый
108/1	16,2	16	17,4	8,2	18				+	слабопрофилир.
108/2	10,7		10,6	7,4	9,2				+	баноч/прямостен.
109	12,7		14,2	9	12			+	+	баноч/закрытый

110/1	13,8	13,6	14,9	7,6	12,2					слабопрофилир.
110/2	17,3	16,8	19,6	9	15,4					реберчатый
111										
112										
113/1	10,5		10,3	7,6	7,6					баноч/прямостен.
113/2	15,2		15,3	8,8	11,8					баноч/прямостен.
114/1	14	14,2	16	8	13					слабопрофилир.
114/2	9,2		9	7	6,3					баноч/прямостен.
115/1	13,2	13,3	14,2	9,2	12					слабопрофилир.
115/2	9,3		9,4	8,2	7					баноч/прямостен.
116/1	13,6	13,4	14	9	12					баноч/закрытый
116/2	10	9,6	12	7,4	10,6					округлобокий
117/1	8		9	5,6	6,6					баноч/закрытый
117/2	14,4			8,4	11,4					баноч/открытый
118										
119/1	16,4		18	10,6	17					баноч/закрытый
119/2	11		11,2	7,3	10					баноч/прямостен.
120/1	9		11,6	8	8,8					баноч/шаровидн.
120/2	14,2		16	10	13					баноч/закрытый
121/1	11,8	11,6	12,8	7,8	11,4				+	реберчатый
121/2	6		6,4	6	4					баноч/закрытый
122/1	13		14,4	9	12,3				+	баноч/закрытый
122/2	9,8			8,4	7					баноч/открытый
123/1	9,4		10,4	6,5	8,6					баноч/закрытый
123/2	7		7,2	5,5	6					баноч/прямостен.
124	11		11,3	7,4	9,4				+	баноч/закрытый
125/1	13,8	14	17	10,6	13				+	округлобокий
125/2	9,4			4,8	9,4					баноч/открытый
126/1	10,3	10	10,5	6	8					слабопрофилир.
126/2	14,6		15,5	10	13					баноч/закрытый
127	10,2		10,4	8	7,7					баноч/закрытый
128										
129/1	15		16,5	8,7	15,5				+	баноч/закрытый
129/2	9		8,8	6,5	7				+	
130										
131										

Примечание: в шапке таблицы № пог/сос. – номера погребений и сосудов; D – диаметры частей сосудов; Н общ. – общая высота сосуда; рак. – примесь раковины; п/ш – примесь песка и шамота; рас. – расчесы на внешней поверхности сосудов; орн. – наличие орнамента на сосуде.